

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2002

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Ольга Скрипалёва*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Департамента международного развития Великобритании*

Содержание

№ 2 (21) 2002

К читателю 5

Семинар

Сверхдержава Европа?
Гельмут Шмидт 7

Заметки с семинара
Юрий Гиренко 14

Тема номера

Тенденции развития современной журналистики
Джон Ллойд 16

Практика свободы слова
Улле Стенхольм 22

СМИ, власть и бизнес в современной России
Михаил Кожожкин 26

XXI век: вызовы и угрозы

Мир после 11 сентября: проблемы безопасности
Кристофер Доннелли 29

О критике глобализации
Яцек Ростовский 33

Концепция

Экономический рост и эффективность: история болезни
Евгений Гавриленков 36

Дискуссия

Россия – союзник США?
Данила Бочкарев 42

Расширение ЕС открывает новые возможности для России
Николай Кавешников 46

Свобода и культура

Россия и Европа – их представление о себе и друг о друге
Ютта Шерфер 54

Новые практики и институты

Развитие политической культуры: пермский опыт
Сергей Неганов 60

Этюды о власти
Юрий Гиренко 62

Личный опыт

Александр Белгороков:
"Деньги – это не то, что в кошельке, а то, что в голове"
Зоя Ершова 64

Идеи и понятия

Европейский союз
Энн Дэйтон 65

Из зарубежных изданий

"Claves de Rasón Práctica"
Нурия Клавер 69

Ислам: множественность культуры и терроризм
Антонио Элорса 71

Другая страна

Швеция: современные зарисовки
Диса Хостад 81

Книги

Российская империя: взгляд с Запада
Ричард Пайнс
Джеффри Хоскинг 86

Региональное книжное обозрение
Евгений Барабанов,
Александр Капишин,
Инга Старостина 91

Ведет Александр Архангельский 95

Nota bene

Маргарет Тэтчер: политика и жизнь 98

В оформлении этого номера использованы работы художников из Германии, Италии, Польши, России, Швейцарии, США и Южной Кореи.

К читателю

Девиз Московской школы политических исследований: Гражданскому обществу — гражданское просвещение! Почему мы выбрали этот девиз? Потому что в России (в отличие, например, от Франции или Англии) из-за существовавшего в стране на протяжении столетий крепостного права так и не состоялось Просвещение.

И добавлю при этом, что исторически на европейском континенте развитие демократии и становление гражданского общества сдерживалось, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. С одной стороны, чрезмерной централизацией власти (в царской России), а с другой — раздробленностью территории на мелкие княжества-государства, как это было характерно в эпоху Нового времени для Германии, Италии, Испании и других стран. Что, на мой взгляд, и является основной причиной того, почему все эти страны так долго шли к современным демократическим преобразованиям и пониманию своей общей европейской судьбы.

И еще один аспект этой темы. Как известно, в XX веке большевики в России и нацисты в Германии явно стремились начать мировую историю сначала. Хотя совершенно очевидно, что в историю, если утрачены ее смыслы, можно войти, только открывая для себя то, что было завещано в истоках и связано с двумя историческими событиями: смертью Христа и смертью Сократа.

Что завещано? И почему их смерть продолжает сохранять свое символическое значение?

В случае Христа был завещан идеал любви — в виде добровольного, однажды и навсегда искупления всех человеческих грехов. И поэтому мы не должны повторять Его путь крестной муки, а понять это историческое событие в терминах морали — и в соответствии с этим строить свою гражданскую жизнь. Как сказал один мудрый человек, агония Христа длится вечно, и мы обязаны не спать в это время. А Лев Толстой как-то заметил, что если бессмысленна смерть, то бессмысленной становится и наша жизнь.

Что фактически и произошло в России после 1917 года, когда советские люди отказались от евангельского смысла распятия Христа и стали истреблять друг друга. Ибо — «не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех». (Матф. 24,39).

Смерть же Сократа является для нас символической в том смысле, что бросает свет на понимание демократии. Учи-

*Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»*

тывая, что у него была возможность с помощью друзей избежать смерти, но он от этого отказался, так как считал, что свободный человек не имеет права предавать идею свободы, которая была для него, согласно Платону, непосредственно связана с понятием демократии.

Отвлекаясь от того, какие последствия смерть Христа и Сократа имела для европейской истории и культуры, скажу лишь, что современная демократия появилась благодаря республике, как политической форме правления, и практикуется на Западе в виде гражданского общества. Что предполагает, конечно, наличие у человека некоей развитой способности практиковать сложность публичной жизни в условиях свободы. Поскольку это единственное условие, позволяющее ему как гражданину самому узнать, что он думает, чего он хочет и к чему стремится в качестве правоспособной личности.

Следовательно, и нам важно учиться думать самостоятельно, чтобы претворить тем самым когда-то сказанное и завещанное в живую реальность гражданского общества.

Сверхдержава Европа? *

Сразу хочу заметить: название темы выбирал не я. На мой взгляд, если Европейскому союзу и суждено стать сверхдержавой, то не раньше, чем через несколько десятилетий. Это мое первое предсказание, и так как за ним последует еще ряд других, то сначала — мое предостережение: я большую часть жизни провел в большой политике; в последнее время работаю как публицист. Кроме этого, я был и остаюсь экономистом. Сегодня следует относиться осторожно как к политикам, так и к журналистам. А если говорить об экономистах, то вдвойне осторожно. Экономисты нужны, когда речь идет о прошлом; что касается современности, то необходима осторожность! А в оценке будущего: предельная осторожность! Сегодня я буду говорить о будущем — и вы уже слышали мое предостережение.

Вероятно, вскоре мы будем считать, что преступное покушение на жизнь тысяч людей 11 сентября в Нью-Йорке и Пентагоне полностью изменили весь мир и мировую политику. Оставляю этот вопрос открытым. Но я думаю: все проблемы мировой политики и мировой экономики, как они существовали до 11 сентября, так и будут — в той или иной мере — существовать дальше.

Это было вступление. Теперь несколько слов о возможном развитии событий после 11 сентября. Пока сложно предугадать все последствия. В данный момент трудно определить, насколько велик потенциал организаторов этого чудовищного преступления. Но нельзя исключать, что в будущем этот потенциал будет расти, так как сотни миллионов мусульман, проживающих в 70 государствах, терпят нищету и потому легко могут поддаваться на провокацию.

Недавно созданная масштабная антитеррористическая коалиция не сможет долго удерживать в своих рядах мусульманские государства. Многие из них с трудом поддаются управлению, а рост глобализации в области технологий и финансовой экономики не принесет каких-либо заметных улучшений в уровне жизни населения. Поэтому нельзя исключать — хотя бы частичного — слияния эмоций мусульман и антиглобалистов.

Правительства в Центральной и Западной Азии, на Среднем Востоке, в странах Магриба будут испытывать на себе давление народных эмоций. Несмотря на то, что все эти

*Гельмут Шмидт,
федеральный канцлер ФРГ
(1974–1982)*

* Выступление на семинаре Школы в Берлине, 17 октября 2001 г.

государства опасаются террора со стороны религиозно-фанатичных мусульманских группировок и потому заинтересованы в успехе антитеррористической коалиции, они, тем не менее, должны перед своим населением проявлять мусульманскую солидарность.

Чем дольше Усама бен Ладен и/или предводители террористической организации Аль-Каида будут оставаться на свободе, тем ощутимее будет давление, оказываемое населением большинства исламских государств на их правительства. И это давление, в отсутствие демократических механизмов, способно привести к перевороту. Поэтому не стоит серьезно рассчитывать на активное участие этих стран в антитеррористической коалиции (что относится *à la longue* даже к Турции).

Разумеется, для Китая, России и европейских государств ситуация выглядит иначе. Эти страны, на территории которых проживают мусульманские и другие меньшинства, должны опасаться роста экстремистских тенденций. Поэтому они, без всякого сомнения, будут поддерживать борьбу против исламского терроризма. Недавний положительный вклад России и Китая в деятельность Совета безопасности ООН я считаю знаком особой важности. Разумеется, Пекин и Москва потребуют в ответ на это определенных компенсаций. По крайней мере, они рассчитывают на то, что Америка перестанет те-

перь громогласно заявлять о нарушении прав в Синьян-ге, Тибете или Чечне.

В Америке ужасные события 11 сентября вызвали поначалу глубокий шок. Американцы участвовали в двух мировых войнах до победного конца. Но у них никогда не было такого количества жертв, павших от руки врага, неизвестного до сих пор. Это вызвало бурю эмоций, от массового психоза до категорического требования возмездия. На этом фоне, под давлением ожиданий нации, столкнувшейся с проблемой самоидентификации, правительство в Вашингтоне отреагировало на удивление осмотрительно и благоразумно — включая официально выраженное президентом Бушем уважение к мировой религии исламу.

Одновременно не следует забывать об опасности, которая впервые была сформулирована Сэмюэлем Хантингтоном и неоднократно упоминалась позже: «*clash of civilizations*», столкновение между исламом, исповедуемым более чем миллиардом людей, и такой же многочисленной западной цивилизацией.

Задача европейцев состоит в том, чтобы предотвратить это глобальное столкновение. Европейцы — за исключением немногих из нас — недостаточно знакомы с исламом, но мы, в любом случае, превосходим в понимании этого вопроса стремящихся к справедливости американцев. Мы лучше (но отнюдь не глубоко) понима-

ем политическую, экономическую и религиозную ситуацию в государствах Среднего Востока и северного африканского побережья. Ведь практически все они возникли в XX веке из бывших европейских колоний и протекторатов. Но хватит ли знаний, опыта, умения и мудрости у англичан, французов, испанцев и других европейцев, чтобы предотвратить мировой конфликт — сейчас об этом говорить было бы чистой спекуляцией.

Тем не менее, рискну сделать предположение: чем меньше будет шансов ограничить военную операцию пределами Афганистана, тем реальнее будет опасность возникновения глобальной конфронтации. И наоборот! Другими словами: ближайшие недели и месяцы определенно могут стать «*defining moment in history*» (решающим моментом истории). К сожалению, Европейский союз не в состоянии сыграть конструктивную роль, это могут сделать некоторые европейские правительства — и, безусловно, общественное мнение в наших открытых обществах.

Независимо от того, каков будет исход борьбы между терроризмом исламских фундаменталистов и антитеррористической коалицией, и в какой степени эта борьба способна отодвинуть на второй план другие мировые проблемы, человечество на пороге XXI столетия имеет перед собой еще как минимум семь новых тенденций мирового уровня:

Страсбург, зал заседаний Совета Европы

1. Увеличение численности населения на Земле, начавшееся после второй мировой войны и завершения колониальной эры, примет в середине XXI века катастрофический характер. В начале XX века население составляло 1,6 миллиардов людей; в начале нового столетия его численность превысила отметку 6 миллиардов, в течение следующих десятилетий человечество дойдет до отметки 9 миллиардов. Демографическая катастрофа угрожает, прежде всего, странам Азии, а также Африки и Латинской Америки. Европейское население, напротив, будет сокращаться и стареть, что, впрочем, имеет отношение и к России, и к Японии.

2. Глобальное потепление и изменение климата произойдет за пределами Евро-

пы; но огромное количество людей будет вынуждено покинуть места своего обитания.

3. Оба процесса станут причиной возникновения многочисленных региональных, локальных и внутренних войн в Азии, на Среднем Востоке и в Африке.

4. Европу ожидает усиление потока беженцев и массовый наплыв эмигрантов.

5. Мировые ограничения на вооружение и торговлю оружием приведут к серьезной проблеме: уже сегодня число государств, имеющих ядерное оружие, возросло до восьми. Кроме этого, существуют международная организованная преступность, располагающая собственным оружием, и международ-

ный терроризм не исламского происхождения.

6. Глобализация финансовых рынков создает серьезные проблемы для экономического и политического самоопределения отдельных государств.

7. Стремительные темпы глобализации всех технологий ведут к уничтожению рабочих мест и снижению уровня благосостояния европейцев, японцев и других наций.

Ситуация будет развиваться так, что эти негативные последствия неизбежно затронут европейские страны. Перед лицом такой опасности Европейский союз станет союзом поневоле. Коллективное самоутверждение европейцев на фоне

Жан Монне и Робер Шуман.
9 мая 1950 г.

остального мира будет стратегическим *raison d'être* (смыслом существования) Европейского союза. Но необходимую для этого эффективную политику ЕС одним усилием воли не создать. Здесь речь идет скорее о сложном и длительном процессе, сопряженном с многочисленными кризисами, для преодоления которых потребуется много усилий.

Только на создание единой внешней и внутренней политики уйдет несколько десятилетий. Поэтому надежда, что в ближайшем будущем Европа станет «сверхдержавой», не более чем иллюзия. Это не пессимизм, а в большей степени реальность!

Вот уже пятьдесят лет я причисляю себя к последователям Жана Монне и не склонен сгущать краски. Я, как Монне и Карл Поппер, был и остаюсь сторонником поступательного развития, то есть противником одноактных действий, включая революции, и также противником высоких слов. Но свое реалистическое суждение я хотел обосновать следующим.

Уже несколько месяцев продолжаются дебаты о задачах и о конституции ЕС, которые, на мой взгляд, уводят в сторону от более насущных проблем. Решение неотложных вопросов, таким образом, откладывается. В 2000 и 2001 годах Й. Фишер, Ж. Ширак, Т. Блэр, Г. Шрё-

дер, Л. Жоспен, и, прежде всего, Р. Проди торжественно представляли свои проекты новой Европы. Но в повседневной практике результаты их деятельности довольно жалкие. Они занимаются делами ЕС, основываясь на своих внутривнутриполитических амбициях, пытаются маскировать их под национальный интерес. За последние десять лет были проведены три дорогостоящие «правительственные конференции» (Маастрихт, Амстердам и Ницца), где главы правительств сообщества разработали три новых договора. Эти документы настолько плохо согласуются друг с другом, что требуется специальный «лоцман», который бы помог в них разобраться. Однако некоторые необходимые решения были приняты. Поэтому в 2004 го-

ду должна состояться четвертая правительственная конференция. С 1960 по 1999 годы нам удавалось обходиться без этого театра с конференциями и договорами, но за эти тридцать лет был достигнут действительно большой прогресс.

Так, окончательно сформировался единый общеевропейский рынок; постепенно увеличивалось число государств-членов ЕС: в 70-е годы с 6 до 9, в 80-е — до 12, в 90-е — до 15 участников. Мы с большим успехом помогали новым членам союза добиваться подъема экономики в своих странах и достигнуть соответствующего экономического уровня. Благодаря этому в Испании, Португалии и Греции стало возможным установить принципы демократии, правового государства и рыночной экономики. Была создана коллективная оборонительная политика — впрочем, в рамках НАТО, а не внутри ЕС.

Кроме того, в 90-х годах были приняты два важных решения. Во-первых, введение единой европейской валюты евро, которая должна заменить существующие денежные единицы двенадцати государств. Во-вторых, решение принять в ряды ЕС двенадцать новых членов, преимущественно из стран, освободившихся от коммунистической диктатуры и советского верховенства — и перспектива (не совсем, правда, определенная) принятия в Союз Турции.

Это приглашение в массовом порядке и всевозможные оп-

Надежда, что в ближайшем будущем Европа станет «сверхдержавой», не более чем иллюзия

тимистические заявления, равно как и провозглашение сроков вступления, несколько поспешны. ЕС не позаботился о том, чтобы подготовить институты для удвоенного количества государств-членов. Также халатностью можно назвать и отсутствие решения вопроса о финансовом обеспечении экономической поддержки, в которой практически все новые кандидаты в члены ЕС, безусловно, нуждаются. Если в скором времени произойдет присоединение всех двенадцати или тринадцати кандидатов, то это вызовет медленную дезинтеграцию ЕС. Комиссия, которая будет состоять из 27 представителей, потеряет дееспособность. Будет расцветать бюрократизм; еще больше пострадает демократическая легитимность ЕС; ситуация, когда каждые полгода будет избираться новый президент из числа 27 членов, сделает невозможной преемственность руководства. Такое ослабление органов ЕС вызовет стремление правительств вернуться к национальной политике, к состоянию *balance of power* (баланса власти) и созданию временных коалиций. Разве что — перед вступлением каждого нового члена — «*left-overs*» (пережитки) Маастрихта, Амстердама и Ниццы станут поводом для

пересмотра условий договора! Но будет легкомыслием надеяться на то, что такого рода дополнения, которые требуют единогласного одобрения и затем ратификации, последуют после вступления кандидатов.

Возникает вопрос, каким образом 27 государств собираются урегулировать то, что до них не сделали 15 государств? Тот, кто говорит об окончательной «конституции» — с избираемым главой, с коллективной внешней и внутренней политикой — и хочет сделать из ЕС «супердержаву», тот должен, по крайней мере, ответить на вопрос: «Какие задачи и полномочия останутся тогда национальным государствам, парламентам, правительствам и высшим судебным органам?». Поскольку ни один из основных ораторов не желает на него отвечать, то дебаты о задачах и конституции ЕС остаются открытыми. Кроме того, в ближайшие годы не все страны ЕС готовы ратифицировать конституцию — особенно те, в которых нужно проводить референдум.

Не надо далеко ходить за примерами, как это делал сведущий в делах ЕС датчанин Эрик Хольм, говоря о «европейской анархии». Маастрихт, Амстердам и Ницца показали, что дееспособность ЕС находится

на пределе. Чтобы ЕС мог функционировать после расширения, необходимо провести ряд давно уже на-

родом, у Советов же и Комиссии такой легитимизации нет. Тем не менее, Комиссия постоянно вмешива-

между государствами-членами ЕС, упростится до обычной внутренней торговли.

Уже сегодня евро занимает вторую позицию на мировых финансовых рынках и в будущем должно стать одной из основных денежных единиц кредитных отчислений. Вместе с тем европейская валюта пока недостаточно широко представлена на мировом уровне. Если 12 стран-участниц еврозоны объединят свои доли и голоса в Международном валютном фонде, Международном банке реконструкции и развития, Банке международных расчетов, ситуация быстро изменится в пользу евро. Согласованные действия всех стран еврозоны создадут платформу, которая позволит Европейскому союзу бороться за упорядочение ситуации на мировых финансовых рынках, чтобы в будущем пытаться урегулировать деятельность безответственно спекулирующих финансовых домов.

Устанавливать сроки и последовательность расширения ЕС должны главы государств, а не брюссельская бюрократия. Независимо от существующих экономических и политических условий, приоритетное право должны получить Польша, Чехия и Венгрия — из соображений экономической географии, морали и психологии. Только после этого у нас появятся законные основания называть ЕС Европой.

Европейский союз создавался в течение пятидесяти лет, практически с нуля. После

*Устанавливать сроки
и последовательность расширения ЕС
должны главы государств,
а не брюссельская бюрократия*

зрелых реформ. Приведу несколько примеров.

— Многочисленные советы министров своей деятельностью способствуют росту бюрократизации и ежедневно нарушают установленный договором принцип развития самосознания и ответственности личности. Достаточно одного решения глав правительств, чтобы устранить все эти параллельно работающие органы, так как при наличии «Совета» у остальных советов министров нет никакой правовой основы.

— Вместо существующего де-факто принципа единогласия (то есть права вето для каждого участника) в Совете необходимо ввести принцип большинства голосов. Здесь надо по порядку отметить те отдельные исключения, в которых по-прежнему должно действовать право вето (пока количество этих исключений доходит до 70!).

— Любое законодательство ЕС должно быть одобрено Европейским парламентом. Только Парламент является органом, который непосредственно избирается на-

ется во внутренние дела государств-членов ЕС.

— Намерение довести количество членов Комиссии до 27 приведет к невыносимому разрастанию бюрократизма. Даже сегодняшний состав из 20 участников уже громоздок.

Все это вместе взятое я бы назвал дефицитом промежуточного баланса ЕС. Однако есть одно большое достижение — введение единой валюты. Скоро мы наконец-то будем держать в руках евро, которое давно уже имеет законный статус. Мы будем получать зарплату в евро и делать покупки в евро. Клету 2002 года ажиотаж населения спадет. Нам не придется менять валюту, чтобы отправиться в отпуск, мы сможем, не ломая голову, сравнить уровень цен и заработной платы в европейских государствах. Конкуренция на всех рынках товаров станет более прозрачной. Также подтвердится стабильная покупательная способность евро. Через несколько лет сформируется единая европейская экономика, и то, что мы до сих пор рассматривали как экспорт и импорт

двух мировых войн и того состояния, в котором Европа находилась после второй мировой войны, современный статус ЕС можно связать с почти фантастическим прогрессом. Процесс, начало которому положил в 1950 году план Шумана* о добровольном объединении суверенных национальных государств с их индивидуальной, формировавшейся в течение столетий идентичностью, является безусловным достижением, которому нет аналогов в мировой истории. Поэтому неудивительно, что достигнутое сегодня состояние имеет ряд несовершенств и ошибок. Разумеется, в каждой из стран раздаются протесты против потери национального суверенитета. Широко распространены опасения по поводу утраты национальной идентичности позволят в будущем только поступательным путем проводить реформы, а также расширять и обновлять ЕС.

Пока каждое из 15 государств-членов ЕС имеет собственное министерство иностранных дел, собственные посольства, рассредоточенные по всему миру, собственных представителей в ООН, пока некоторые из государств-членов ЕС придерживаются нейтралитета, а другие подчиняют вооруженные силы НАТО, а не ЕС, говорить о «сверхдержаве Европа» рано. Возможно, Европа придет к этому ста-

тусу на более позднем отрезке начавшегося столетия. Но пока будет разумно признать, в мире существуют

каким бы несовершенным ни был этот институт сейчас. Что касается Европы, то чисто экономически ЕС срав-

*Америка по-прежнему
будет доминировать в технологическом,
экономическом и военном отношении
еще, как минимум, два или три
ближайших десятилетия*

только три сверхдержавы — США, Россия и Китай. Позже к ним могут присоединиться Индия и Бразилия. Америка по-прежнему будет доминировать в технологическом, экономическом и военном отношении еще, как минимум, два или три ближайших десятилетия. В 90-е годы это превосходство стало для некоторых американцев поводом заключить, что задача Америки состоит в установлении порядка во всем мире. Но события 11 сентября показали, что и США во многих отношениях зависят от солидарности и сотрудничества. Безусловно, всем нужен мир и, следовательно, порядок. Но ни то, ни другое не может быть обеспечено усилиями одного Вашингтона. Скорее нужно признать, что нам необходимо сотрудничество всех сверхдержав и уважение равноправных суверенитетов других государств. Поэтому ООН должна существовать и впредь,

нительно скоро может стать сверхдержавой, но политической и по-настоящему военной державой он будет только спустя много лет. ЕС в первом десятилетии XXI века находится на грани кризиса. Но за пятьдесят лет мы преодолели, как минимум, пять тяжелых кризисов европейской интеграции, и я надеюсь, что так произойдет и на этот раз. Стратегический мотив европейских национальных государств — утверждаться сообща и в союзе — должен стать преобладающим. Поэтому ЕС сохранит привлекательность для других государств, желающих к нему присоединиться. Как только его механизм наладится, ЕС станет сверхдержавой — но не раньше, чем в середине этого столетия.

Перевела с немецкого

Нина Манджиева

* См. изданные Московской школой политических исследований книги: Ж. Монне. «Реальность и политика. Мемуары.» и Р. Шуман. «За Европу». — Прим. ред.

Заметки с семинара

Юрий Гиренко,
заместитель главного редактора журнала «Общая тетрадь»

Берлин — это город, которого не было. На руинах прусской столицы, почти полностью уничтоженной в 1945 году, во второй половине прошлого века выросли два несовместимых города: «образцовый» соцгород в восточной части и европейский космополис — в западной. Падение Стены смешало несовместимое, создав сегодняшний Берлин: огромную стройплощадку, на которой возводится нечто доселе невиданное. Это будет город третьего тысячелетия, воплощение единой Германии, объединенной Европы, глобализованного мира...

А пока Берлин воплощает европейскую драму XX века. Строители, как хирурги, залечивают раны, нанесенные двумя тоталитарными режимами. Изуродованный прошлым столетием город восстанавливает силы, как человек после долгой тяжелой болезни. Город-символ раскола Европы стал символом ее воссоединения — живительного, но болезненного.

В таком символическом месте мы оказались в примечательное время. Прошел лишь месяц после 11 сентября. Еще не стерлось ощущение Рубежа Веков, порожденное невероятной катастрофой. Но уже зазвучали иные голоса — голоса тех, кто хотел бы остаться (и всех нас оставить) в прошедшей эпохе. «Ястребы» и «голуби» времен холодной войны запели в унисон одну песню: «Ничего не изменилось, nihil novi». Их голоса еще не могли заглушить эхонью-йоркских взрывов, но уже были хорошо слышны.

Понятно, что обстоятельства места-времени диктовали семинару Школы вполне определенную тему: что случилось с миром, и каким будет мир после 11 сентября? Тему по-разному поворачивали и по-разному отвечали на возникающие вопросы, но от нее не ушел никто — ни один эксперт, ни один слушатель.

— Имеем ли мы дело с хантингтоновским «столкновением цивилизаций»? Ни в коем случае! — утверждал Владимир Рыжков, в трактовке которого мирный гарвардский профессор оказывался чуть ли не страшнее бен Ладена, ибо его предсказания суть «самосбывающийся прогноз».

— Да, Хантингтон не во всем прав, но культурные противоречия действительно существуют и оказывают все большее влияние на мировую политику, — говорил культуролог Бассам Тиби*. У новой волны терроризма есть религиозно-культурная основа, хотя неправомерно в связи с этим утверждать, что началось столкновение христианского и исламского миров. Ислам не сводим к фундаментализму в духе Талибана!

Сможет ли Запад правильно определить врага и победить его? Шанс есть, и

* См. его выступление, а также доклад Э.-Й. фон Штудница, которые были опубликованы в предыдущем номере нашего журнала.

он довольно велик — отвечал политолог Дмитрий Тренин. В том числе, и шанс для России стать реальным участником западного политического сообщества. Хотя ошибкой было бы рисовать упрощенную картину — мир изменился, но старые противоречия еще существуют.

Тренин говорил и о политической воле, необходимой участникам мирового политического «концерта». А слушатели сомневались: будут ли западные лидеры достаточно последовательными? Не отступят ли перед террористической волной из боязни жертв? «Не тонка ли кишка»? Российский политолог ответил: «Думаю, что в последнее время “кишка” стала толще».

Однако основания для сомнений были — и мы убедились в том, слушая посла Германии в России Эрнста-Йорга фон Штудница. В его выступлении послышались не категорические, в сослагательном наклонении — но примиренческие нотки. «Может быть, стоит отказаться от возмездия?» — спрашивал посол. И, словно по заказу, берлинские левые переводили эти сомнения на «шершавый язык плаката»: на многих улицах города можно было увидеть стикеры «War is not an answer» («Война — не ответ») — на английском, видимо, чтобы американцам было понятнее...

И тут уже возникал вопрос, связанный не только с 11 сентября, но со всем комплексом наших отношений с Европой, с Западом: да можем ли мы вообще понять друг друга? Об этом говорила Ютта Шеррер, давний друг и постоянный эксперт Школы. Свойственные Ютте глубокое знание истории и культуры — как западноевропейской, так и русской — в сочетании с глубоко личным, эмоциональным отношением к проблеме доказывали: можем. Но для этого потребуются усилия с обеих сторон, нужен неподдельный интерес и желание.

Для взаимопонимания нужна высокая политическая культура, соединяющая способность к диалогу и твердость убеждений, широту кругозора и глубину анализа, ясность мысли и внятность языка... Да существуют ли в природе носители такой культуры? Существуют. Одного из них мы увидели воочию.

Гельмут Шмидт. Человек удивительной судьбы: офицер Вермахта, ставший лидером социал-демократов. Ветеран германской и европейской политики. «Главный экономист» Социал-демократической партии Германии в 60-х годах. Министр в правительстве Вилли Брандта. Федеральный канцлер в 1974–1982 годах. Предтеча современного прагматического социал-демократизма Блэра и Шрёдера.

В восемьдесят три года Шмидт — отнюдь не «руина героической эпохи». Сознавая собственную легендарность, он полон иронии и самоиронии («я уже почти ничего не слышу, но говорить могу»). Чеканные формулировки. Мгновенная реакция. Мудрость, не отстраненная от реальности.

На проблемы сегодняшнего дня бывший канцлер смотрит глазами человека, на веку которого сменилась не одна эпоха. Родившись еще в кайзеровской империи, он видел и войны, и революции, и диктатуры. Он осторожен в прогнозах и, естественно, критичен по отношению к тем, кто делает мировую политику сейчас — но его критика сдержана и благожелательна. Он ведь не понаслышке знает, что такое груз ответственности...

В памяти осталось даже не столько содержание выступления Шмидта (хотя оно само по себе заслуживало самого глубокого интереса — любой, кто прочтет публикуемый в этом номере доклад, с этим согласится). Осталось ощущение встречи с Большой политикой. С Историей. Впечатление, еще раз показавшее: мы действительно пересекли Рубеж, но прошлое никуда не исчезло. Мы не можем забыть о нем, устремляясь в будущее: иначе оно нас догонит и накажет.

Тема этого номера – становление института свободных средств массовой информации в стране, идущей по пути модернизации.

Что такое «свободные СМИ», какова их социальная роль, какой должна быть журналистика в демократическом обществе, как живут СМИ в современной России – эти проблемы постоянно обсуждаются и на семинарах Школы, и на страницах нашего журнала. Предлагаем вниманию читателя три взгляда на медиа-проблемы: британского журналиста, шведского правозащитника и российского медиа-менеджера.

Тенденции развития современной журналистики

Джон Ллойд, независимый журналист, живет и работает в Лондоне; возглавлял московское бюро «Financial Times» в России, заместитель главного редактора «New Statesman»

У журналистов всех стран есть одна общая задача: контролировать власть. Это касается как государственной власти на всех уровнях, так и частной – власти бизнеса, партий, неправительственных организаций. Что касается России, то в ее истории власть никогда не находилась под общественным контролем. Первые российские газеты и журналы, вышедшие до революции, были или коммерческими изданиями, или органами политических партий. И «объективная журналистика», которая пытается описывать события так, как они происходят, была очень слаба. В Советском Союзе появились новые медиа – радио и телевидение, но они были в монопольном владении государства и партии. Это соответствовало идее Ленина о печати, как коллективном организаторе и пропагандисте. Сейчас ситуация, конечно, изменилась, и после крушения СССР возникла сложнейшая проблема: как создать свободные СМИ в обществе, которое стремится к демократии? Как писать, информировать и при этом контролировать власть? Здесь надо сделать два замечания.

Во-первых, журналистика – это часть культуры. Она имеет смысл внутри национальной культуры. И потому необходимо понимать эту культуру. Особенно сейчас, в глобализирующемся мире, нужно больше, чем когда-либо, понимать, как данная культура взаимодействует с другими культурами. Ведь теперь ни одна страна не может быть островом, даже если она – остров, как Великобритания.

Культуры всех стран различаются, и каждая страна – особенная. Описывая, например, первую чеченскую войну, российские журналисты поступали так же, как и американские, описывая вьетнамскую войну. Однако восприятие войны русскими и американцами (не журналистами, а обычными гражданами) очень различно. Если посчитать, сколько россиян погибло за последнее столетие от голода, репрессий и войн, получится свыше 50 миллионов человек. У нас не было такого опыта. Конечно, западные страны тоже воевали, но у нас не было таких жертв, едва не уничтоживших нацию. Но мало того, что Россия понесла огромные потери, они еще и засекречивались, о них запрещено было говорить. И все это стало частью национальной культуры, частью коллективной памяти. Поэтому, обращаясь к населению, имеющему такую

память, мы должны осознавать это. Это гораздо важнее, чем описывать войну, подобно американским репортерам во Вьетнаме. Их опыт не бесполезен, но он менее важен, чем понимание

того, как люди в России воспринимают войну, какова культурная реакция на войну. Так что первая задача журналистов — объяснять не только события (что само по себе просто), но и общественную реакцию на них.

Во-вторых, наиболее распространенная модель журналистики сегодня — американская. Тому есть две причины. Первая состоит в том, что в Америке, больше чем где бы то ни было, журналистика помогала создавать страну, гражданское общество, образ жизни гражданина. Если вы, как я, любите вестерны, то знаете, что в них часто фигурирует такой персонаж, как редактор газеты маленького городка — какой-нибудь «*Oberline Gazette*» или «*Dodge Inquirer*». Обычно это такой усатый анархист, который пытается, часто безуспешно, говорить правду о различных центрах власти города.

В конце XIX–начале XX веков огромные потоки иммигрантов устремились в Америку, в ее растущие города. Газеты рассказывали новым американцам о жизни городов и всей страны, помогая им становиться гражданами. Стиль газет был простонародным, боевым, агрессивным, часто скептическим, почти всегда очень патриотическим. Обращаясь к новым гражданам, газеты создавали новые жанры. Например, жанр интервью с публичными персонами, политиками, был открыт именно американскими журналистами. Конечно, и раньше журналисты разговаривали с политиками, но они не публиковали эти беседы. Это тоже был способ контроля: выставлять на суд публики то, что говорят люди власти.

Другая причина, по которой Америка важна для нашей профессии, в том, что американский стиль подачи новостей, благодаря таким организациям, как CNN или «Sky», стал глобальным. Акцент делается на скорости, максимально точном изображении происходящих событий и моментальном анализе. Например, во время кризиса в России осенью 1993 года, CNN транслировало репортажи из Москвы 24 часа в сутки — и весь мир видел, что происходит.

Но эту модель можно считать образцовой только до определенной степени. Она исхо-

В современных условиях России журналистика, возможно, больше миссия, чем профессия

дит из того, что все можно показать, что события рациональны и могут быть относительно быстро и ясно объяснены. Но это далеко не всегда так. Например, в России, откуда я несколько лет пытался делать репортажи, власть часто очень трудно понять. Она не кажется рациональной и не прозрачна.

Потому журналистика в России, на мой взгляд, имеет даже большее значение, чем на Западе. Она должна сформировать свои собственные стандарты открытости и рациональности. В современных условиях России журналистика, возможно, больше миссия, чем профессия. Конечно, и профессия: журналисты работают, они должны добиваться успеха на рынке, зарабатывать на жизнь, кормить свои семьи. Но эта работа во многом определяется всё же миссией создания независимой журналистики. Это должно быть все время в сознании — или, по крайней мере, в подсознании.

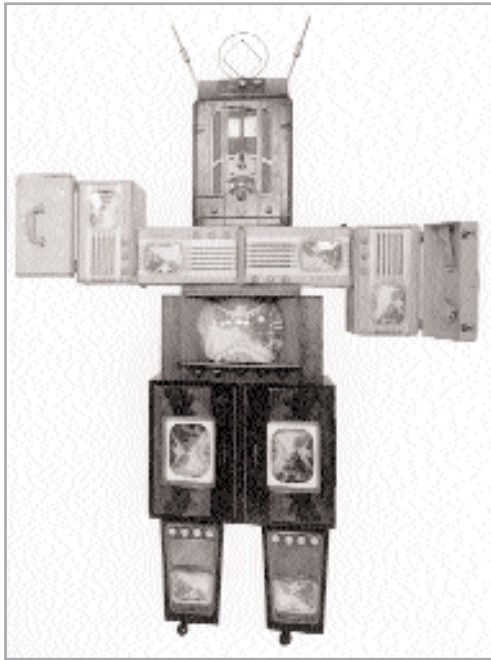
Журналисту нужен образ ответственного гражданина, который хочет знать, что происходит в стране и мире — и имеет право это знать. Надо держать в голове образ гражданина, который заслуживает того, чтобы узнавать о том, что происходит вокруг — ясно, рационально и достаточно быстро. Надо ориентироваться на этот образ, даже если власть его не принимает.

Как это делается на Западе? В чем различия между нами? Нам проще делать свое дело, поскольку — по крайней мере, в теории, а часто и на практике — наши правительства соглашаются с тем, что общество имеет право знать, а потому их действия являются прозрачными, рациональными и ответственными. Разумеется, они не всегда таковы и многое скрывают, иногда лгут, часто пытаются делать «хорошую мину при плохой игре». Но в целом, в сравнении с Россией и остальным миром, существует модель, с которой все согласны. Так **должно быть**, даже если на деле это не так.

В значительной мере наша работа — и на Западе, и в России — заключается в информировании. Мы даем информацию о погоде (для Британии это особенно важно, у нас разговоры о погоде — основной способ об-

Нам Джун Пайк.
Семья роботов. Дедушка. 1986.

щения), о дорожном движении, о телевизионных программах, о деятельности и решениях правительственных органов, о принятых законах, о новых книгах, звукозаписях, спектаклях, фильмах. И так каждый день. Но новости — это больше, чем информация. Новости — это еще и взгляд на мир. Мой испанский коллега М. Бастенбер из газеты «*El País*» говорит, что не существует такой вещи, как объективность. Я с ним не совсем согласен. Объективность — это цель, идеальное состояние. Это как рай: туда никогда не попадешь (говоря о себе), но он есть. Но, естественно, новости — это выбор; крошечная часть огромной массы событий и фактов, происходящих ежедневно. И отбор того, что попадет в выпуск или в газету, всегда субъективен. Кроме того, новости — это товар на рынке. Люди платят за них тем или иным способом. Они или хотят, или не хотят этого товара. Сейчас, особенно на Западе, бытует мнение, что они его не хотят. Гораздо важнее развлечения, которые, в той или иной форме — на телевидении, в компьютерных играх, в торговых галереях, в кино — занимают большую часть нерабочего времени. Час за часом, каждый день, особенно у детей. Один американский писатель даже вы-

пустил книгу под названием «Экономика развлечений», в которой утверждает, что развлечение само по себе стало одним из главных двигателей экономики.

Это — огромный бизнес, миллиарды долларов ежегодно. Огромные корпорации заняты этим бизнесом — «Тайм Уорнер», «Ньюс», VIACOM, Дисней и др. Большинство из них — американские, и значительная часть этой индустрии — американская. В большинстве стран смотрят не телепрограммы собственного производства, а нечто, произведенное в Америке. Так обстоят дела и в России, и в Британии, и в большинстве стран мира.

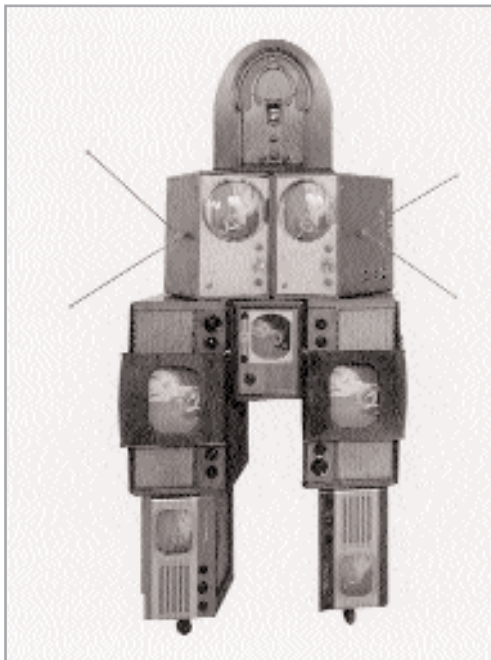
Впрочем, огромные медиа-корпорации есть не только в Америке. Например, корпорация Сильвио Берлускони в Италии. Предложив публике телевизионную смесь из блокбастеров, игровых шоу и мыльных опер, Берлускони стал богатейшим человеком Италии и премьер-министром. Так возникло — впервые в мире — уникальное явление, когда один человек фактически держит в руках все телевидение в стране (кроме собственной корпорации, он, как премьер-министр, контролирует государственное и общественное телевидение). Уникальная комбинация политической и информационной власти.

Индустрия развлечений все больше окружает нас. Ее звезды гораздо известнее и для многих авторитетнее, чем политики. Многие корпорации, например, «Тайм Уорнер» и «Ньюс», объединяют в этой индустрии ранее различные виды бизнеса — кино, телевидение, новости. Тенденция такова, что развлечения становятся новостями, а новости — развлечением. Между ними все труднее провести границу, все сложнее отличить одно от другого.

После 11 сентября все больше людей хочет знать новости о Среднем Востоке, Афганистане, терроризме и его причинах. Но и это происходит в мире развлечений. Многие говорили, что случившееся в тот день в Нью-Йорке происходило «как в кино». Я сам вначале принял репортаж за кино: включил телевизор и подумал, что показывают какой-то фильм-катастрофу. А потом медиа сделали все, чтобы показать войну против терроризма в Афганистане как фильм-катастрофу. Чтобы это была ужасная, но быстрая война со счастливым концом.

Это тенденция. Реальность, несомненно, существует, и люди об этом знают. Но все равно, они все больше смотрят на реальность через призму развлечений. Их взгляд

на мир сейчас гораздо сильнее, чем в прошлом, определяется тем, что показывают по телевидению — развлекательному телевидению! И политиков теперь часто оценивают только по их привлекательности для медиа. А медиа в свою очередь оцениваются по их развлекательной ценности, и потому они должны шокировать, удивлять, удерживать внимание. Таким образом, политики становятся частью развлекательного зрелища. Яркий пример — программа «Куклы», которая использует карикатурные образы политических лидеров (хотя они и так смешные — но программа делает их еще смешнее). Собственно, почему нет? У них власть, они управляют нами, принимают для нас законы — в ответ люди имеют право не только соглашаться или спорить с политиками, но и смеяться над ними. Но если медиа воспринимают все — политику, общественную жизнь — только таким образом, то возникает определенная опасность впасть в цинизм. Цинизм может проистекать из ощущения, что власть невозможно контролировать. Что она непрозрачна, неразумна, слишком многое скрывает, не позволяет задавать себе вопросы (или дает на них бессмысленные ответы). Вполне естественно, что человек становится циничным по отношению к такой власти.

Мне кажется, цинизм или скептицизм очень распространен среди российских журналистов. В такой ситуации для журналистов очень важно помнить об образе гражданина, которому они обязаны говорить правду. Ведь у журналистов другой уровень ответственности. Они участвуют в общественной

*Тенденция такова,
что развлечения становятся новостями,
а новости — развлечением*

жизни иначе, чем большинство других людей. Мы претендуем на то, чтобы рассказывать людям нечто — иногда удивительное, иногда неприятное, иногда опасное для общества. И, если мы не ограничиваемся просто репортажем, а предлагаем некий анализ, делаем некий выбор того, что и как говорить, то тем самым заявляем, что мы знаем что-то больше и лучше, чем другие граждане. Это и обуславливает другой уровень. Мы как бы заявляем, что знаем скрытую часть правды. Поэтому мы обязаны постоянно спрашивать себя, действительно ли мы знаем то, о чем говорим, и как мы об этом говорим.

Цинизм, скептицизм, чувство разочарования, порожденные невозможностью говорить правду, вполне оправданы. Но есть другой вид цинизма, более простой. Отношение, основанное не столько на знаниях, расследованиях, журналистском опыте, сколько на желании просто шокировать, удивить, привлечь внимание. Право быть циничным надо заработать. Но, даже если оно заработано, его ни в коем случае не достаточно.

У всех нас, журналистов, нет иного выбора, кроме как ориентироваться на ответственного, активного гражданина. Именно к нему мы обращаемся. Он хочет знать о своем обществе и о мире, и у него есть на это право. Если мы забываем о нем, если становимся слишком циничными и говорим «в конце концов, это неважно» — мы вредим нашей профессии и самим себе.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

*Нам Джун Пайк.
Семья роботов. Бабушка. 1986.*

*Улле Стенхольм,
пресс-омбудсмен Швеции*

Практика свободы слова

В начале 70-х годов я работал корреспондентом шведского радио и телевидения в Москве. Это было весьма интересное время: советская хоккейная команда была непобедима, шведы многому у нее учились. Никсон с первым официальным визитом приехал в Советский Союз, был подписан договор по противоракетной обороне. Советская власть успешно боролась с диссидентами. Тогда я познакомился с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым, которого глубоко уважал за его ум, смелость, личную скромность и достоинство. Я не раз посещал его квартиру в центре Москвы. Там всегда было очень много людей, особенно молодых, на кухне проходили дебаты о политике и экономике, о нравах и многом другом. Можно сказать, что на «сахаровской кухне» действительно существовала свобода слова.

Я взял интервью у академика Сахарова. В этом интервью он очень остро высказался о политической ситуации в СССР, против тех экономических и социальных условий, в которых жили советские люди. В итоге министерство иностранных дел СССР сократило мою корреспондентскую визу в Советском Союзе, я больше не мог работать в Москве и вернулся домой в декабре 1973 года. Меня встречали, как героя, хотя я ничем абсолютно не рисковал, а Андрей Дмитриевич Сахаров рисковал даже той малой свободой, что у него была. Семь лет спустя, как вы знаете, Сахарова выслали в Нижний Новгород. А спустя еще шесть лет он вернулся из ссылки в Москву настоящим героем, потому что он победил. Затем он стал депутатом, но, к сожалению, вскоре умер. Я никогда не забуду Андрея Дмитриевича. Это личность такого масштаба, которая на любого человека произвела бы неизгладимое впечатление. Опираясь на свою трудовую биографию, на опыт встречи с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, я буду говорить о свободе слова.

Почему свобода слова считается одним из фундаментальных, основополагающих прав человека? Я обсуждал эту тему во многих аудиториях. Когда мы говорим о свободе слова, как политической или философской догме, или даже о своего рода религиозной концепции, то ответ в любой аудитории примерно одинаков. Но когда мы переходим к практике, то опыт сильно различается, и взгляды зависят от того, из какой страны приехал тот или иной журналист. Исходя из шведского опыта, я смотрю на свободу слова, как на инструмент, кото-

рый можно держать в руках и использовать соответствующим образом, с тем, чтобы контролировать власть. С моей точки зрения, невозможно считать какую-либо систему демократической, если она не имеет института, с помощью которого общество может контролировать власть, которую оно же и наделило соответствующими полномочиями. Это и есть истинная суть свободы слова: инструмент для контроля власти. Именно этого мы и пытаемся добиться в Швеции. Я думаю, что и Россия пытается достичь того же самого.

*С моей точки зрения,
невозможно считать какую-либо систему
демократической, если она не имеет
института, с помощью которого
общество может контролировать власть*

По сравнению с Россией у нас очень прочные традиции свободы слова; она укоренилась в нашей политической, да и в частной жизни, в нашем сознании.

В Швеции риксдаг (парламент) принял первый закон, запрещающий цензуру в 1766 году, когда Россией правила Екатерина II. Шведы рассматривают свободу слова, как нечто совершенно естественное, жизненно необходимое для каждого человека, как, например, вода, пища, воздух. Россияне живут в развивающейся демократической стране, где гражданские традиции еще молоды, а свобода слова нуждается в постоянном завоевании. Она должна постоянно выигрывать битву за битвой. Ее нельзя завоевать раз и навсегда.

Несмотря на то, что в большинстве демократических стран существуют законы, гарантирующие свободу слова, эти законы, вместе с тем, отличаются друг от друга. Их объединяет один элемент, который должен содержаться во всех этих законах — запрет на цензуру. Это — фундаментальный принцип любой политической системы, которая гарантирует свободу слова. Государство не имеет права подвергать цензуре материалы, которые предназначены для публикации. Хотя оно может оставить за собой право санкций на то, что уже опубликовано, но только *после* публикации.

Когда существует система цензуры, то журналисты и редакторы не несут никакой ответственности, за все отвечает государство. Если убрать цензуру, то ответственность возлагается на редактора, на журналиста. Нельзя представить себе систему, в которой царит полная безответственность. Это ключевой вопрос для средств массовой информации в России. Они сейчас оказались в совершенно новой и незнакомой ситуации. Режим диктатуры в информационной сфере пал 10 лет назад, и неожиданно перед СМИ встала задача принять на себя ответственность, которая раньше на них никогда не возлагалась. Это не просто. Я не виню своих коллег, русских журналистов, за то, что они не всегда успешно справлялись с этой ответственностью на протяжении последнего десятилетия. За десять лет пройти путь, который мы прошли в Швеции почти за два с половиной века, практически невозможно.

В Швеции вопрос ответственности был решен очень простым способом. Если говорить о юридической ответственности за то, что публикуется в газетах и идет в эфир, то она лежит на конкретном лице, так называемом, ответственном редакторе. В Швеции ответственный редактор — это юридический термин. То есть, не один какой-то случайный журналист или писатель возлагает на себя ответственность за ту или иную публикацию. Писателю и журналисту

*Ансельм Кифер.
Книга. 1985.*

предоставляется большая свобода выбора в том, что писать или говорить, потому что он знает заранее: ответственность за все, что он скажет, будет лежать на ответственном редакторе. И если редактор не захочет опубликовать материал или же попросит изменить его форму, то в таком случае все должны с ним согласиться, потому что он будет нести всю юридическую ответственность, а именно — он может быть оштрафован и даже посажен в тюрьму. Правда, я не знаю ни одного случая, когда кого-нибудь из ответственных редакторов посадили за последние 60–70 лет, но в прошлом такие случаи были.

Необходимо отметить еще два важных момента. Свобода слова — это не привилегия журналистов, это основополагающее право человека вообще. Журналисты профессионально используют свободу слова. Но у них не больше прав, чем у других граждан. Второе. Не может быть безграничной свободы. Любое демократическое общество устанавливает свои ограничения для этой свободы. Если общество этого не делает, то свобода может использоваться в ущерб другим людям, может их оскорбить, затронуть интересы личности. А это поставит под угрозу существование других демократических прав и свобод. Ограничения нужны для того, чтобы свобода была использована правильно, не во зло. Необходимо защищать две ценности: во-первых, свободу личности (не только тех, кто занимает высокие должности в структурах власти, но и простых людей) и, во-вторых — коллективный интерес, который также нуждается в защите в любом демократическом обществе. Это относится к государственным интересам, включая безопасность страны.

Любое демократическое общество должно иметь определенную систему безопасности своих интересов. Например, в Швеции газета не может опубликовать какую-нибудь подробную информацию о планах Министерства обороны, которые являются секретными. Эта ситуация распространяется на все демократические общества. Есть определенные коллективные интересы, которые должно защищать государство, и свобода слова не может использоваться для того, чтобы необдуманно вмешиваться в них. Нельзя представить себе демо-

кратическое общество, имеющее безграничную свободу слова. Должны быть рамки, ограничения и гарантии соблюдения определенных норм.

В такой стране, как Швеция, вы можете напечатать что угодно, и только потом понести за это наказание. Это значит, что есть масса таких вещей, кото-

рые не стоит публиковать, прежде всего, из этических соображений. Сюда относится и информация о частной, интимной жизни граждан, поскольку существует давняя традиция сохранения независимого сектора в прессе. Мы устанавливаем высокие нормы журналистской этики и постоянно укрепляем их. И

моя задача в качестве пресс-омбудсмена — служить этой системе, делать все, что в моих силах и не допускать, чтобы пресса наносила кому-нибудь моральный ущерб.

В то же время, это — сугубо добровольная система. Я не правительственный чиновник. Эта система была сформирована крупнейшими шведскими газетными организациями, включающими как владельцев газет, так и профессиональные объединения журналистов. Я получаю жалобы от самых разных граждан, кем бы они ни были, по поводу ущерба, нанесенного прессой. И если вижу, что жалоба не обоснована, то не даю ей хода. Но если вижу, что нарушен этический кодекс, то передаю этот материал на рассмотрение коллективному органу. Это так называемый пресс-совет. Его составляют представители средств массовой информации, которые решают: нарушен ли этический кодекс. Если нарушен, то первым делом приносятся извинения. При этом никаких финансовых компенсаций не предусмотрено, только моральные (тот, кто подает жалобу, также ничего не платит). Газета же обязана опубликовать опровержение либо выступить в случае необходимости с критикой и выплатить определенную сумму. Но это не штраф, а некая сумма, которая необходима для поддержания системы. В частности, и моя зарплата зависит от этого.

Система зиждется на двух очень специфических факторах.

Во-первых, в самой среде информационной общественности предполагаются общие ценности, которые все разделяют. Это — этические нормы, которых мы все придерживаемся. Поскольку свобода слова в Швеции существует давно, то степень признания этих ценностей у нас достаточно высока.

Во-вторых, степень доверия граждан. Те, кто пострадал от прессы, должны быть уверены, что есть смысл подавать жалобу. С другой стороны, я должен пользоваться и доверием журналистов. Издатели и журналисты должны понимать, что я знаю, в каких условиях они работают. Половину своего рабочего времени, или даже 60 процентов, я трачу на рассмотрение жалоб, а в остальное время посещаю клубы и союзы журналистов, редакции, где мы обсуждаем вопросы журналистской этики. За первый год работы я извездил Швецию с севера на юг больше, чем за всю свою жизнь.

В заключение я бы хотел сказать, что не намерен учить российских журналистов, что им следует делать, не хочу проповедовать уникальный шведский опыт. Но я верю в свободу слова в России. Убежден, что российский опыт будет положительным, и через десять лет она заметно окрепнет.

*В такой стране, как Швеция,
вы можете напечатать что угодно,
и только потом понести за это
наказание*

*Михаил Кожокин,
главный редактор газеты
«Известия»*

СМИ, власть и бизнес в современной России

В книге «Пресса в обществе», изданной Школой, в разделе, посвященном периоду 1993–2000 годов, социологи и журналисты анализируют состояние российской прессы и произошедшие в ней изменения. Но никто из них не говорит о том, что, начиная с реформ Егора Гайдара, СМИ стали бизнесом.

Между тем, СМИ — это бизнес, и это принципиальный тезис, который все мы должны учитывать в своей деятельности. Это так же верно, как и то, что с 1992 года мы имеем в России рынок и демократию. Какие — можем дискутировать до бесконечности, поэтому я употребляю термин «российские». Учитывая, что демократические и рыночные институты несмотря на свои изъяны в стране функционируют, и СМИ подчиняются законам демократии и законам рынка.

Россия находится в переходном периоде; после того, как перемешались все социальные слои и стали выплывать вековые традиции, почти задушенные за 70 лет коммунистического режима, возникла совершенно новая реальность, которая ищет сама себя. Избрание президента Путина обозначило начало нового периода некоего упорядочивания, сменившего хаос предыдущих 10 лет революционного прорыва, что в полной мере относится к социальным процессам.

На этом этапе СМИ не могут существовать, не ориентируясь на свою аудиторию. Проблема абсолютного большинства наших газет и других средств массовой информации в том, что мы мучительно пытаемся сегодня понять: на кого мы работаем и с кем работаем. Кто составляет нашу целевую аудиторию? Она стала абсолютно региональной или существуют общенациональные проблемы? Нас интересует только бизнес-сообщество, как источник дохода, или более широкий круг читателей? Как эволюционируют взгляды наших читателей?

Ситуация осложняется тем, что страна по-прежнему переживает если не экономический кризис, то стагнацию — с очень небольшими признаками оживления. И «хаос» отягощается элементарным отсутствием денег у нашей аудитории. В основном — это советская интеллигенция, находящаяся в очень тяжелом состоянии. Тем не менее, люди хотят читать и говорят: «Нас интересуют СМИ не только как источник информации; мы хотим знать, куда мы идем, зачем и насколько успешно». Государство в России было, есть и в обозримой перспек-

тиве будет главным субъектом экономических отношений. Оно остается крупнейшим экономическим игроком в проведении рыночных преобразований и воссозда-

пределяемых через государство, многократно превышает то, что проходит через частный сектор.

Если государство — основной экономической игрок,

Попытка разграничения власти и СМИ происходит сейчас исключительно болезненно

нии института частной собственности, прежде всего. Это правда жизни. Так было до 1917 года и осталось сейчас. С этим борются все — от олигархов до мелких бизнесменов, но масса денег, рас-

а СМИ — рыночный продукт, то ясно, что оно не может не обращать на это внимания. Происходит интересная вещь. Абсолютное большинство российских СМИ нерентабельно, убыточно и живет за счет получения дотаций в разных формах. Государство же активно этим пользуется. Не только для того, чтобы защищать свои политические интересы, как это было в 1996-м или в 2000 году, но постоянно.

Поскольку государство — огромный бюрократический аппарат, у отдельных частей которого свои собственные интересы, и каждая из них старается использовать свой административный и финансовый ресурс для своих ведомственных нужд, как правило, не испытывая недостатка в деньгах.

При этом речь идет не только о распределении реклам-

*Леонид Соков.
Россия сегодня. 1994.*

ных бюджетов, но и о создании газет и телеканалов, что создает огромные возможности воздействия государства на общественное мнение и на медиа-бизнес. Это реальность, в которой все мы существуем, и которую бюрократия использует в своей работе с нами.

Базовых способов изменения этой ситуации два. Первый — грамотное и ясное отделение СМИ от государства. Если при Ельцине СМИ были активным политикоформирующим фактором, то при Путине обозначилась иная тенденция. В интервью «Известиям» президент сказал, что в России существует три ветви власти, а СМИ — не власть. Государство — отдельно, СМИ — отдельно. Эту позицию президент Путин проводит последовательно.

В его представлении государство — это «мы», а СМИ — «вы». «Вы» переживаете тяжелый кризис, суть которого в недостаточности рекламного рынка для такого количества СМИ. Все, что можем сделать «мы» — это создать условия для подъема промышленности и роста объема рекламы. А дальше начинаются реалии жизни. Скажем, к нам может прийти с проверкой прокуратура. Да, говорит президент, может. Но, если вы кусаете прокуратуру, то знайте, что она имеет право на ответ. Других прокуроров для вас у меня нет.

Попытка разграничения власти и СМИ происходит сейчас исключительно болезненно. Есть теоретически верная постановка вопроса: СМИ — это часть гражданского общества, а не государственная структура. Но существуют ведь и реалии жизни. Мы знаем, почему начинаются прокурорские проверки, приходят пожарники, санэпидстанция и т. д. Да и просто могут в типографии переделывать статью. Такую коллизию между теорией и практикой мы переживаем сегодня.

Конфликт НТВ — самый яркий пример. Да, мы знаем, что НТВ было грандиозной медийной пирамидой, где был допущен стратегический финансовый просчет: люди не предвидели 17 августа 1998 года. Но после финансового коллапса вступили в силу государственные механизмы. По целому ряду причин государство дало сигнал «навести порядок». И порядок был наведен.

Таких примеров сейчас много. Но, что радует: российские СМИ находятся в постоянном развитии. Мы все учимся работать грамотнее благодаря появлению финансовых групп, которые рассматривают работу СМИ как бизнес — и этой второй способ изменения ситуации. Так, в частности, ведет себя «Интеррос» в отношениях с «Известиями», когда мы пытаемся быть

объективными и сами зарабатываем деньги, а в наши дела не вмешиваются. Высшая оценка для меня в том, что бизнес-сообщество признает объективность «Известий».

При этом понятно, что газета не скрывает приверженности идее, что капиталистический путь для России — магистральный, и с этой точки зрения «Известия» — газета национального капитала. Мы понимаем меру своей социальной ответственности перед читателями из «низших» слоев, но исходим из того, что национальный капитал уже сформировался и начинает думать о будущем в широком смысле этого слова.

Характерно, что в одном из выступлений такого «олигарха», как Михаил Ходорковский, появилось слово «дети». «Мы думаем, — говорит он, — о том, как передать бизнес детям». Действительно, возраст — это тоже реальность, становящаяся политической. Ведь те, кто хотел уехать, уехали. Оставшиеся занимаются бизнесом в России и заинтересованы прежде всего в социальном мире — отсюда новое понимание СМИ не как орудия информационных войн, а как инструмента создания социальной среды, социальной стабильности.

Мир после 11 сентября: проблемы безопасности

*Кристофер Доннелли,
специальный советник Генерального секретаря НАТО*

События 11 сентября являются симптомом большой проблемы. Мы сегодня живем в эпоху перемен, которые можно назвать настоящей революцией. Сегодня в корне меняется подход к проблемам безопасности. У этих перемен четыре основные причины.

Во-первых, за последние десять лет все стали свидетелями беспрецедентного распространения высоких технологий. Во-вторых, за это время еще больше увеличился разрыв между богатыми и бедными странами (в этом смысле к богатым странам относится и Россия). В-третьих, продолжается быстрый рост распространения информации и создание информационного общества. В-четвертых, произошел коллапс биполярной системы, сложившейся во время холодной войны. Рассмотрим каждый из этих факторов.

Высокие технологии. Сегодня любой человек и любая страна, находящиеся в любой точке земного шара, могут иметь доступ к высоким технологиям. События 11 сентября — печальный пример того, как высокие технологии могут использоваться во зло. Технический прогресс теперь подрывает чувство безопасности. Когда-то Запад считал, что высокие технологии дают ему военное преимущество над отсталыми странами. Киплинг писал в начале XX века, что англичанам не надо бояться дикарей со стрелами, потому что у них есть пулемет «максим». 11 сентября показало, что эта точка зрения безнадежно устарела.

Кроме того, военной державе нужен враг по соседству. В десять раз дороже создавать оборону против анонимного врага. Приведу арифметический пример — Канада и Израиль. Обе страны тратят на нужды обороны одинаковое количество денег (примерно 9–10 млрд долларов в год) на одинаковом техническом уровне. Но Израиль строит свою военную систему для обороны от сопредельных государств, тогда как Канада разрабатывает военные системы дальнего действия. И военный потенциал Израиля в десять раз больше, чем у Канады.

Это означает, что возможности стран Запада в сфере обороны гораздо меньше, чем мы привыкли считать. В наше время пассивная оборонительная система не может обеспечить надежной защиты. Богатые страны не могут достичь своей безопасности, изолируя себя от остального мира. Именно такой жестокий урок получила Америка.

Разрыв между богатыми и бедными странами. Если взять карту Европы, включающую бассейн Средиземного моря, а затем на каждой стране проставить, согласно статистике ООН, цифры (численность населения, ВВП, доход на душу населения и прогноз этих позиций на десять лет), то разрыв станет очевидным. Мы увидим, что Север действительно богатеет, а Юг беднеет. Отсюда фундаментализм — относительно новое религиозное течение, возникшее в

Гораздо большую опасность теперь представляют некомпетентность правительств, коррупция, организованная преступность, нелегальная миграция, торговля людьми, контрабанда оружия, этнические и религиозные конфликты

XIX веке, как культурная реакция на европейский колониализм.

Фундаментализм развивался в условиях несправедливого распределения богатств, отсутствия самоопределения и демократии, недостатка образования, здравоохранения, продовольствия. И он вырос в агрессивное движение, на-

правленное против Запада с его богатством. Более того, руководствуясь национальными интересами, мы сами поддерживали диктаторские режимы, способствовавшие росту фундаментализма. Так что, невозможно решить проблемы безопасности только силой оружия.

Третий фактор — развитие информационного общества. Национальные правительства уже не могут контролировать в наши дни распространение информации. Существует новая среда под названием «массовые коммуникации», охватывающая все сферы жизни, затрагивающая интересы всего мира. Чем больше стран становится частью информационного сообщества, тем сложнее остановить свободный поток информации. Поскольку иначе страна обрекается на экономическую отсталость и изоляцию.

И четвертое — коллапс биполярной системы, изменивший саму природу военной безопасности. «Национальная безопасность» обычно отождествляется с обороной, и страны чувствуют себя в большей безопасности, когда их вооруженные силы способны реально противостоять военной угрозе. Но сегодня всем промышленно развитым странам мира угрожает не третья мировая война. Для некоторых стран (например, для Турции) существует скорее угроза «классического» военного конфликта. На самом деле, гораздо большую опасность теперь представляют некомпетентность правительств, коррупция, организованная преступность, нелегальная миграция, торговля людьми, контрабанда оружия, этнические и религиозные конфликты. Все эти проблемы невозможно решить, используя лишь военную силу. Эти угрозы надо устранять с помощью не танков, а банков.

Таким образом, изменилось само понятие безопасности. В первую очередь, она может быть только коллективной. Ни одна страна больше не может обеспечить свою безопасность в одиночку. Поэтому, собственно, и расширяются Европейский союз и НАТО. С моей точки зрения, совершенно оправданно, чтобы и Россия стала участницей этой системы коллективной безопасности, и России необходимы эффективные вооруженные силы.

*Марио Меру.
В неподвижной точке вращающегося мира. 1991.*

Давайте посмотрим на карту от Португалии до Владивостока и подумаем, учитывая вышеперечисленные угрозы, что может произойти, если большая часть этой территории не будет иметь эффективных вооруженных сил?

В равной степени новая концепция безопасности требует и от европейских стран изменить свои военные системы. Чтобы построить эффективную систему коллективной безопасности необходимо решить три задачи.

Во-первых, страна должна иметь силы и средства, достаточные для обеспечения собственной обороны. Скажем, достаточность сил обороны у Британии, Турции, Польши, США различна, но принцип один.

Во-вторых – иметь возможность получать помощь от своих союзников. Хотя это непросто – позволить себе принять чью-то военную помощь, даже когда она необходима.

И, в-третьих, страна должна быть в состоянии предоставлять военную помощь. Последнее создает самую большую проблему для европейских стран, вооруженные силы которых организованы для территориальной обороны на случай агрессии.

Приведу лишь один пример – Швеция. В настоящий момент она тратит на оборону приблизительно 5 млрд долларов в год. Для страны, население которой равно примерно половине населения Москвы – огромная сумма. В Швеции имеется мощная военная инфраструктура, оборонная промышленность, много оружия. Если посмотреть на сухопутные войска, то они в основном состоят из призывников, обученных достаточно, чтобы оборонять какую-либо деревушку в случае нападения на страну. И всего один батальон (!) численностью в 1500 солдат: полностью обученный и способный отправиться за грани-

цу выполнять миротворческую миссию. Общее количество других войск, которые Швеция могла бы направить за границу, — ноль. Мобилизационная готовность на нуле. То есть, за пять миллиардов страна имеет единственный батальон, действительно пригодный для использования в военных целях. Думаю, что такая цена слишком дорога.

В аналогичной ситуации оказалось большинство европейских стран. Мы потратили огромные деньги на оборону, но реализованные оборонительные программы далеки от того, чтобы справиться с современными угрозами. Большинство европейских стран хочет сейчас сократить военные расходы — и сокращают свои армии. И в результате не имеют тех войск, что необходимы для обеспечения высокого уровня обороны.

Мой руководитель недавно сказал, что НАТО и его партнеры могут вместе поставить под ружье армию численностью в два миллиона человек. Но формирование одной только роты для поддержания мира в Македонии становится серьезной проблемой, потому что войска подготовлены к другому. И это — самая большая проблема, стоящая перед НАТО, решение которой — в модернизации вооруженных сил и в подготовке профессиональных войск. Такую армию нельзя создать на основе воинской повинности, поскольку в этом случае она не будет компактной. Если же создавать профессиональную армию, то как привлечь в нее добровольцев? Как поддерживать в ней дисциплину? Как наладить отношения между такой армией и обществом?

Недавно я был в Венгрии, где парламентарии пытались меня заверить, что у них есть демократический контроль над вооруженными силами. На практике же в них царит полный беспорядок. Это — не демократический контроль, а развал. К сожалению, очень немногие гражданские люди понимают военные проблемы, а именно: что безопасность — не исключительная прерогатива вооруженных сил, что армия не может реформировать сама себя. Нормальная реакция вооруженных сил на реформу — сопротивление. Военные не хотят сокращения военных структур, снижающего их карьерные возможности.

Как сделать, чтобы руководящие страной гражданские люди осознали необходимость вооруженных сил и разобрались в том, что представляет собой современная армия? Это проблема не отдельной страны — мы сталкиваемся с ней в НАТО. Реформирование военных структур после холодной войны создает огромные проблемы. Но мы стремимся выработать принципы изменения вооруженных сил, чтобы ответить на вызов, брошенный 11 сентября 2001 года. Ищем новые формы сотрудничества — в том числе, между НАТО и Россией, хорошо понимая, насколько сложен этот процесс. Главный вывод, который мы обязаны сделать из событий 11 сентября состоит в том, что безопасность — не чисто военная задача, эта наша общая задача.

О критике глобализации

В последние 10 лет процесс глобализации шел ускоренными темпами, и одновременно появлялось все больше критиков этого процесса. Каковы источники этой критики? Кто те интеллектуалы, которые критикуют глобализацию? За что критикуют? И каков эффект этой критики?

Существует четыре основных источника критики глобализации. Первый — сеть антиглобалистских неправительственных или негосударственных организаций (НГО). Второй — религиозные фундаменталистские группы. Третий — Франция, заслуживающая отдельного рассмотрения. Четвертый — часть западной культурной элиты, особенно европейской.

Неправительственные организации сильно разрослись за последние годы, и рост их продолжается. Как правило, они выступают от имени «третьего мира», а то и от мирового сообщества в целом. Эти организации объединили, прежде всего, левых маргиналов, вытесненных за пределы социал-демократии: бывших анархистов, троцкистов, коммунистов и т. д.

Многие из этих НГО получили в свое время значительную финансовую поддержку от западных правительств, которые пытались таким образом помогать «третьему миру». Доставлять помощь через НГО было дешевле, чем через правительственную бюрократию. Конечно, не все НГО выступают против глобализации, многие из них действительно использовали деньги для помощи странам «третьего мира», для развития там гражданских институтов и т. д.

Неправительственные организации приобрели широчайшие контакты, установили между собой связи по всему миру. Теперь они заявляют, что являются полномочными представителями гражданского общества, и правительства обязаны обсуждать с ними свою политику. Многие из них установили связи с профсоюзами и с крайними левыми группами. Совместно они устраивают весьма активные демонстрации против глобализации, как это происходило в Сизтле или в Давосе.

В их критике глобализации звучат пять основных тем. Во-первых, глобализация, по их мнению, угрожает трудящимся богатым стран (обычно в этой связи приводится пример зарплат неквалифицированных рабочих в США, которая не росла последние 20 лет). Во-вторых, она ничего не даст бедным людям в бедных странах. В-третьих, она не принесет ничего хорошего окружающей среде как в богатых, так и в бедных странах; при этом утверждается, что богатые страны перекладывают свои экологические проблемы на плечи бедных стран. В-четвертых, глобализация полезна только транснациональным корпорациям, которые якобы и навязывают ее всему миру. В-пятых, как вывод, глобализацию надо остановить.

Не трудно заметить сходство всех этих идей с вульгарными марксистскими представлениями о рыночной экономике,

*Юрик Ростовский,
профессор
Центрально-Европейского
университета*

согласно которым бедные всегда беднеют, а богатые богатеют. Хотя очевидно, что трудящиеся получают явные преимущества от гло-

смачивается как распространение англофобии и американизма, подрывающих социальную солидарность и пропагандирующих такие

это сделать, но ей удалось добиться большего, чем другим.

Важный аспект глобализации — массовая миграция рабочей силы. Один испанский писатель недавно заметил, что глобализация предоставляет свободу движению капитала, но не движению труда; что можно получить инвестиции, но из бедных стран люди не могут переехать в богатые. Это еще одно повторение левацкой критики, о которой говорилось выше.

Классический либерализм должен одинаково отстаивать как свободу движения капитала, так и свободу передвижения рабочей силы. А что происходит на самом деле? Либерализм по природе прагматичен, склонен к компромиссам. Поэтому он принимает во внимание национальные чувства и закрывает глаза на ограниченные иммиграции, вызванные тем, что его требуют трудящиеся богатых стран. Здесь действительно есть проблема, в первую очередь, связанная с системой социального обеспечения. Налогоплательщики богатых стран, обеспечивающие пенсии и иные социальные выплаты, не хотят делиться своими льготами с выходцами из бедных стран. Особенно это касается Франции и Германии, где система социального обеспечения обособляется социальной солидарностью нации, которая рассматривается как единый организм: у нас есть свои бедные, им мы и должны помогать.

Это не совсем либеральный подход, принимая во внимание, что в богатых странах люди часто не понимают, что приток иммигрантов необходим для поддержания баланса между работающими и пенсионерами. Они считают, что должны в будущем получить значитель-

Один из источников критики глобализации — религиозный фундаментализм разного толка, выступающий против глобализации с точки зрения культуры

бализации, учитывая, что растет зарплата в Индии, Китае, Центральной Европе, стабилизируется оплата труда на Западе. Негативное влияние глобализации на экологию также не подтверждается. Чистая окружающая среда — большое благо, за которое богатые готовы платить большие деньги. Экспорт экологических программ идет на пользу всем: в богатых странах будет меньше загрязнения, а в бедных — выше экономическая активность. Следовательно, нельзя сказать, что глобализация выгодна только ТНК.

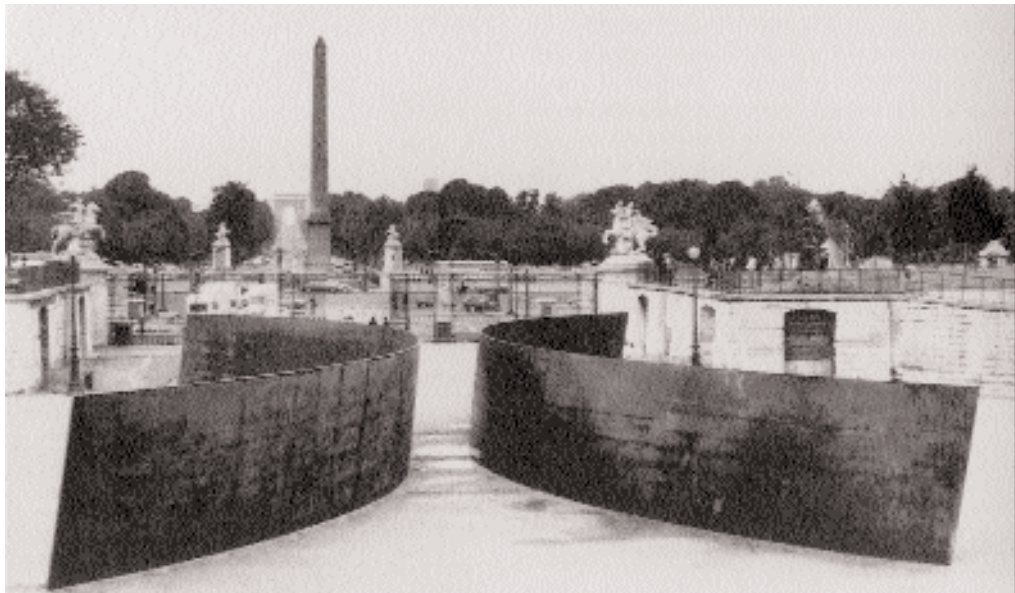
Второй источник критики — религиозный фундаментализм, выступающий против глобализации с точки зрения культуры. Фундаменталисты считают, что глобализованная культура будет американизированной, либеральной, безбожной. Таким образом, Америка — одна из самых религиозных стран в мире — воспринимается как экспортер безбожия. Хотя можно предположить, что мусульманские фундаменталисты сами не возражали бы против глобализации на основе ислама, подобно радикальным католикам, которые полагают, что католическая церковь должна быть вселенской.

Третий источник — Франция. Здесь глобализация рас-

неприятные для французской экономики вещи, как гибкость рынка труда.

У французов на самом деле нет возражений против глобализации. Но они не зря говорят, что у каждого человека должно быть две любимых страны — его родина и Франция. Они боятся утратить этот статус. В XVIII веке уже была своего рода «глобализация» Европы на основе французского языка и культуры. А нынешняя глобализация для них неприемлема, поскольку она американская.

Французская стратегия в отношении глобализации весьма замысловата. С одной стороны, элита Франции побуждает общественное мнение сопротивляться глобализации, а с другой — не возражает против превращения страны в своеобразный центр ее распространения, выступая за разработку таких европейских и глобальных правил, которые создали бы преимущества для французского бизнеса. И кое-что в этом направлении французам удалось — например, отстаивать свое исключительное право на выпуск шампанского. То есть, Франция, отвечая на вызов глобализации, пытается навязать миру собственные стандарты и нормы. Конечно, она не единственная страна, которая пытается

*Ричард Серра.
Клара-Клара. Париж. 1987.*

ные социальные пособия, но не думают о том, что демографические последствия этого могут быть катастрофическими.

Либералы идут на компромисс с рабочим классом и соглашаются на ограничение массовой иммиграции. Этот компромисс до некоторой степени приемлем, поскольку существует свобода торговли и движения капиталов, дающая бедным странам возможность развивать собственную экономику. Но это обеспечивается только развитой инфраструктурой богатых стран. Поэтому в них и стремятся — подобно иранцам, бегущим в Италию, способствуя там росту производительности труда. Миграция решает многие экономические проблемы, но создает проблемы в политической и культурной сферах. Они возникают не только в результате эмиграции из бедных стран в богатые, но и при перемещении людей из одних богатых стран в другие, из Европы в США и наоборот. Эта миграция тоже растёт.

И, наконец, существует часть западной культурной элиты, которая также выступает против глобализации, тяготея к левым партиям и критикуя одновременно эгоизм европейцев и североамериканцев с позиций мультикультурализма. Что в итоге и поощряет, как я сказал, наплыв эмигрантов в страны Запада из «третьего мира», содействуя тем самым развитию многокультурного уклада.

То есть, выступая, казалось бы, против монополизации культурного пространства Соединенными Штатами, эта элита подрывает фактически и европейские ценности, а не защищает Европу от вторжения американской массовой культуры. Хотя я думаю, что со временем внутри-европейская миграция в рамках Евросоюза и эмиграция из более бедных европейских стран в более богатые создадут и европейскую массовую культуру, подобную американской. Учитывая, что наблюдается процесс формирования динамичных, взаимозависимых нацио-

нальных культур, включенных, в том числе, и в общеевропейскую культуру.

Уже сегодня отдельные национальные культуры все больше растворяются в мировой культуре. Так что проблема здесь не в американизации, которой противятся интеллектуалы, а в тенденциях глобализации. Это цена, которую мы платим за глобализацию.

Но я не хотел бы, чтобы из сказанного был сделан вывод, что надо закрывать свою культуру и экономику, дабы сохранить национальную самобытность. Националисты говорят, что человек обречен принадлежать к определенной культуре самим фактом своего рождения. Согласно же либералам, человек имеет право выбора, в том числе и культуры. Но каким образом свобода выбора будет осуществляться, если культура будет стандартизована? Следовательно, глобализация бросает вызов не только национальным культурам, что очевидно, но и либерализму, воплощением которого она является.

Экономический рост и эффективность: история болезни

Евгений Гавриленков,
профектор Государственного университета –
Высшей школы экономики;
член научного совета Фонда Карнеги

Для решения как накопленных за предыдущие десятилетия проблем, так и постоянно возникающих новых задач (социальных, внешнеполитических, культурных, демографических и т. п.) темпы роста российской экономики должны быть выше среднемировых. А это значит, что кроме экономического роста перед нами встает задача обеспечения его сбалансированности, определения необходимых рычагов экономической политики, которые эту сбалансированность могут поддерживать. Неоклассическая теория роста исходит из предпосылки, что существует некоторое состояние равновесия, долгосрочная траектория сбалансированного роста, к которой

экономическая система должна вернуться, если каким либо образом изменяются условия функционирования системы (внешние или внутренние). В рамках такой теоретической модели каждая ее переменная растет постоянно. На рис.1 показана диаграмма, построенная на основе данных об экономической динамике США за 1972–2000 годы. По вертикальной оси отложены темпы прироста ВВП, по горизонтальной – доля накопления основного капитала в ВВП. И как видно из рисунка, значения обоих параметров в течение тридцатилетнего периода колебались в относительно узких диапазонах, то есть, по сути, система действительно находилась в относительно равновесном состоянии, по крайней мере, в

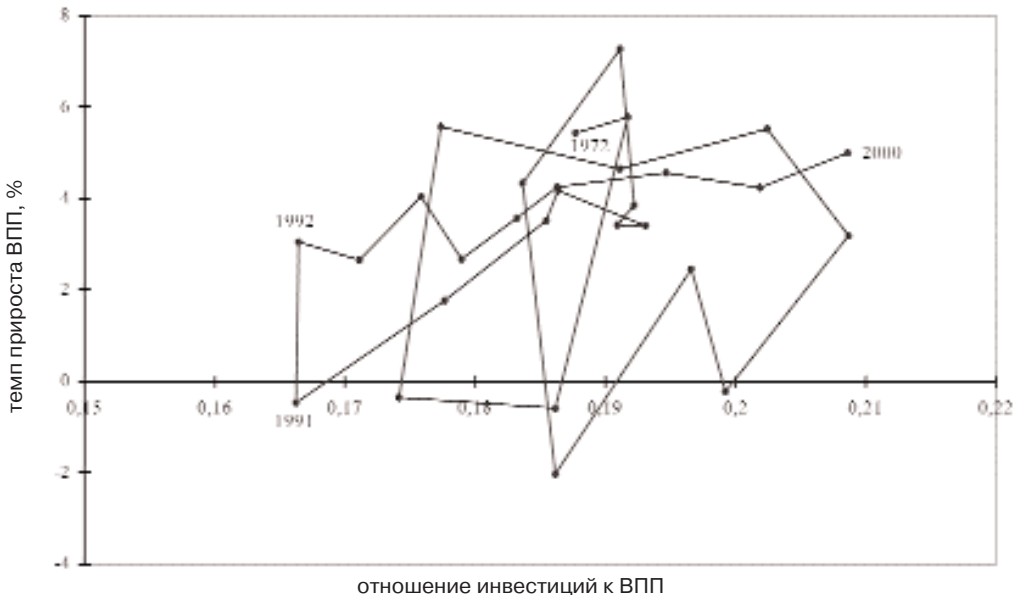

Рис.1. Отношение инвестиций к ВВП и соответствующие темпы прироста ВВП в США в 1972–2000 гг. (Источник: данные МВФ).

окрестности некоторой точки равновесия, что обеспечивало в среднем трехпроцентные темпы прироста ВВП, при схожей динамике накопления основного капитала. Аналогичные диаграммы могут быть построены и для других стран. Для экономик развитых стран эти диаграммы в общем похожи. Поскольку темпы роста населения в них существенно отставали от темпов роста ВВП, рост производства был устойчивым благодаря его эффективности, будь то производительность труда, совокупная факторная производительность или какой-либо другой показатель. Все это обуславливало устойчивый рост потребления, низкую инфляцию, что в свою очередь стимулировало экономический рост. Диаграмма указанного вида для России, построенная по данным за 1961–2001 годы, выгля-

дит несколько по-иному (рис. 2). А именно, хотя за период с 1961 года по 1988-й доля накопления в СССР основного капитала в ВВП практически удвоилась, однако сами темпы роста ВВП постоянно снижались. И в результате накопленный объем основного капитала за тридцать лет увеличился в 8 раз, а ВВП вырос лишь втрое. И еще, поскольку доля инвестиций в ВВП неуклонно увеличивалась, доля потребления не менее устойчиво сокращалась. Из чего можно сделать вывод, что в условиях закрытой экономики подобное несбалансированное развитие возможно лишь до определенных пределов. Ибо опережающее накопление основного капитала отнюдь не означало, что эффективность производства росла. Более того, рис. 2 свидетельствует о хронической неэффективности инвестиций в советский период.

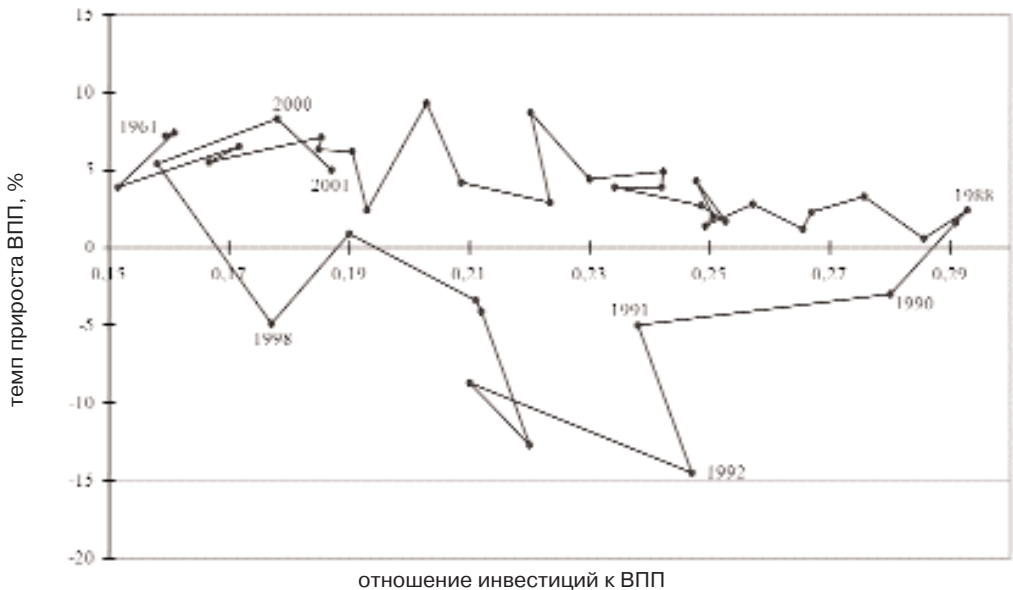

Рис. 2. Отношение инвестиций к ВВП и соответствующие темпы прироста ВВП в России в 1961–2001 гг. (Источник: данные Госкомстата России).

Что же касается кризиса, то он начался, как мы видим из рисунка, не в 1992 году, а гораздо раньше, когда уже первые, пусть и беспорядочные, шаги по либерализации хозяйственной жизни конца 1980-х годов привели к сокращению ресурсов, направлявшихся чиновниками на инвестиции и потребление. Темпы спада в этот период ускорились, и их замедление наметилось лишь после 1992 года, при продолжающемся сокращении доли инвестиций в ВВП, что сопровождалось одновременно интенсивными институциональными преобразованиями, дерегулирова-

нием экономики, включая и отказ от поддержки искусственно установленного курса рубля. В результате такой эволюции к 1999 году экономика вернулась в положительное измерение по темпам роста и при уровне инвестиций в ВВП, типичным для начала 1960 годов, который был характерен тогда для многих развитых стран мира. Таким образом, за сорок лет российская экономика прошла определенный цикл, так и не найдя своего равновесного состояния, учитывая, что текущее состояние всегда зависит от тех решений и действий, которые предпринима-

лись в предшествующие моменты времени. Следует сказать, что аналогичные циклы характерны и для ряда других экономик, в первую очередь — стран Юго-Восточной Азии. На рис. 3 и 4 для примера показаны графики для Таиланда и Индонезии. Как видно по этим рисункам в течение почти трех десятилетий эти страны также развивались весьма несбалансированно. Доля инвестиций в

ВВП в них тоже неуклонно росла, тогда как темпы роста не увеличивались. То есть, как и в советской России, экстенсивное накопление основного капитала шло без существенного роста совокупной факторной производительности. Хотя и в этих странах удавалось устойчиво поддерживать потребление, но баланс достигался за счет постоянного притока капитала извне.

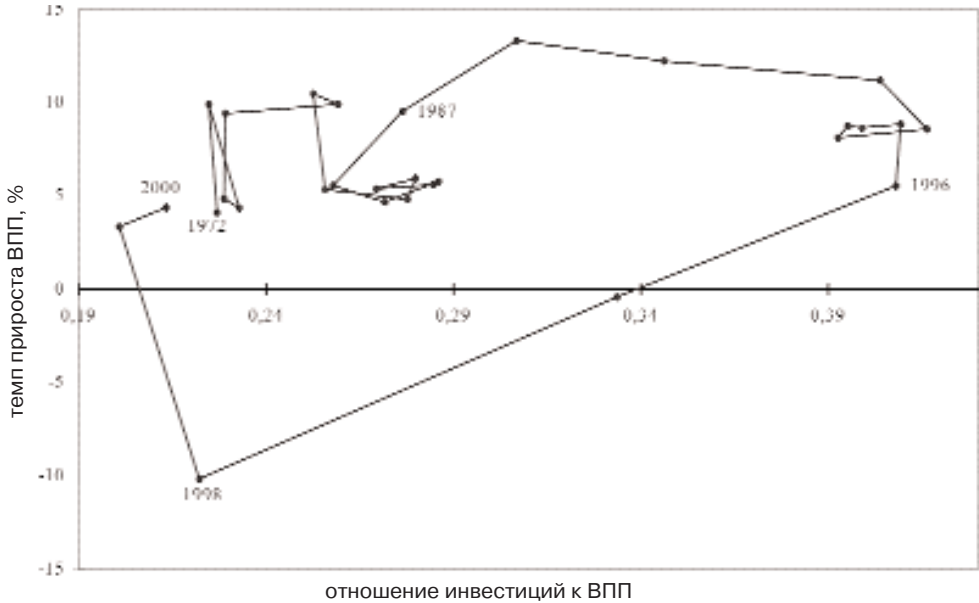

Рис. 3. Отношение инвестиций к ВВП и соответствующие темпы прироста ВВП в Таиланде в 1972–2000 гг. (Источник: данные МВФ).

Другими словами, как в советской России, так и в Северной Корее, Таиланде, Индонезии и других странах этого региона ресурсы направлялись не туда, где можно было бы ожидать наиболее высокой отдачи, поскольку все решения по этому поводу принимались достаточно узкой группой персонажей. В российском случае, это были органы центрального планирования, в странах Юго-Восточной Азии — обычно лидеры национального бизнеса, руководители и владельцы крупных вертикально-интегрированных структур, действовавших в тесном сотрудничестве с органами государственной власти. Между тем, в условиях глобализации в долгосрочном плане такого рода экономические системы заведомо проигрывают странам с рыночной экономикой. Прежде всего, из-за отсутствия частной финансовой системы, то есть тех экономических агентов-посредников, которые отбирают самые эффективные проекты, кредитуют их, берут на себя соответствующие риски, и готовы расплачиваться за них своими деньгами, тогда как чиновники расплачиваются чужими. В этом

смысле кризисы 1997–1998 годов в странах Юго-Восточной Азии вряд ли уместно трактовать лишь как кризисы финансовые — это были макроэкономические и институциональные кризисы, в первую очередь. Российская экономика в настоящее время находится на своеобразном перепутье. При этом она может, что вполне реально, продолжать движение по траектории, которая уже пройдена, в надежде, что длительность цикла окажется короче, если рост инвестиций будет сопровождаться развитием финансовой системы. Либо будет предпринято в кратчайшие сроки реформирование финансовой системы, чтобы создать условия для действительно свободного перетока капитала в те сектора экономики, которые могут стать более рентабельными в перспективе. Лишь в этом случае могут быть достигнуты высокие темпы роста при относительно низкой норме накопления. То есть это должно быть уже совершенно иная структура экономики — менее капиталоемкая, более динамичная, способная к постоянной адаптации. Примером этого может служить экономика

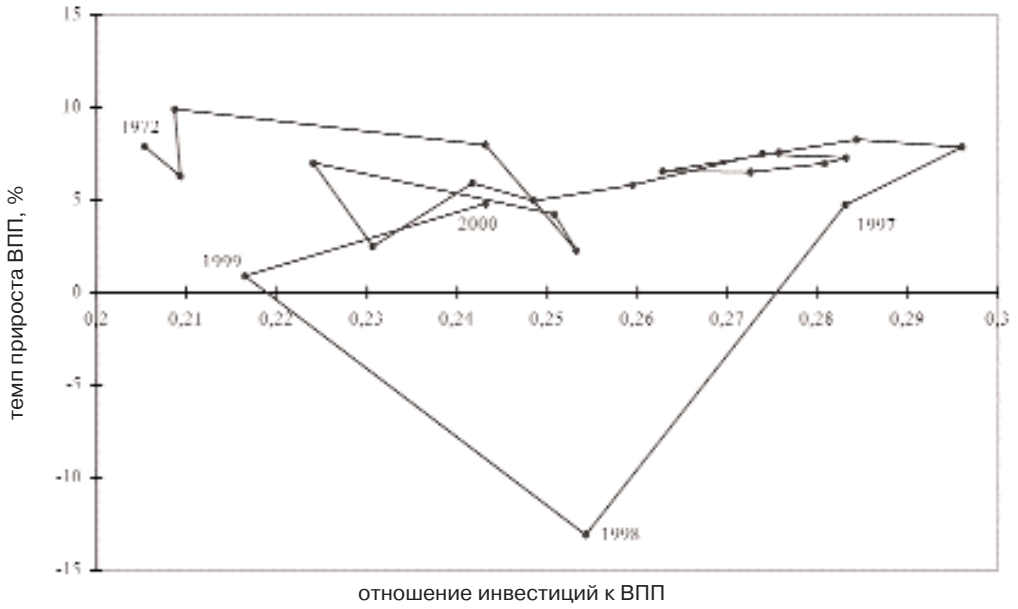

Рис. 4. Отношение инвестиций к ВВП и соответствующие темпы прироста ВВП в Индонезии в 1972–2000 гг. (Источник: данные МВФ).

Финляндии, которая была во многом подвержена тем же болезням, что и советская, поскольку СССР был одним из ее основных торговых партнеров, и цены на энергоносители были ниже, чем в развитых странах мира. А доля накопления основного капитала соответственно завышена (см. рис. 5). После распада Советского Союза финская экономика переживала глубокий кризис, сопро-

вождавшийся девальвацией национальной валюты, ростом безработицы, спадом производства.

Однако в этот же период в Финляндии была реформирована и финансовая система, и в результате уже с 1994 года темпы роста ее экономики — одни из самых высоких в Европе. При этом доля накопления основного капитала существенно сократилась,

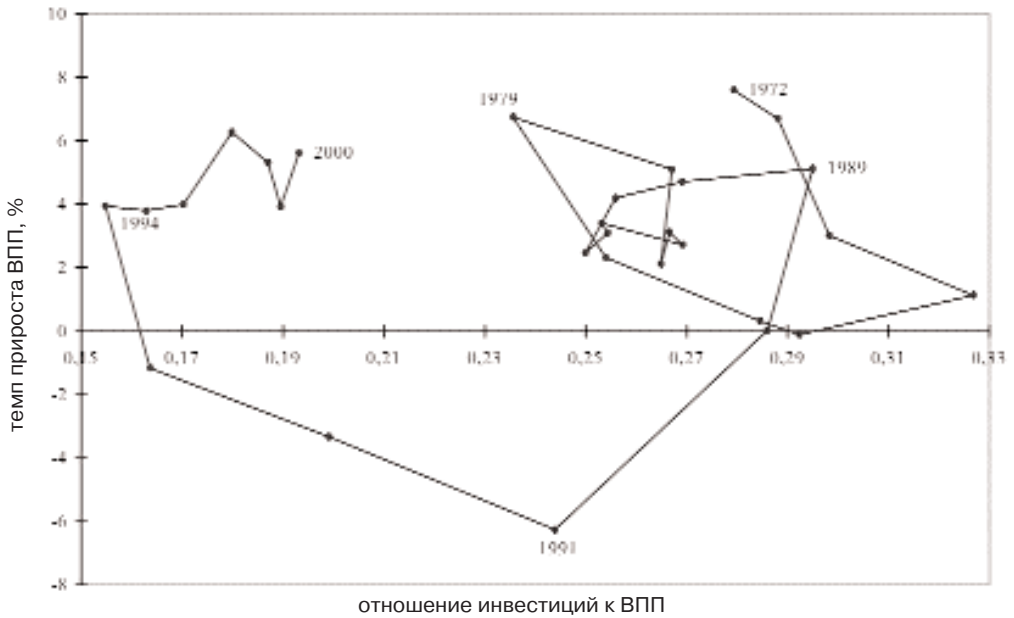

Рис. 5. Отношение инвестиций к ВВП и соответствующие темпы прироста ВВП в Финляндии в 1972–2000 гг. (Источник: данные МВФ).

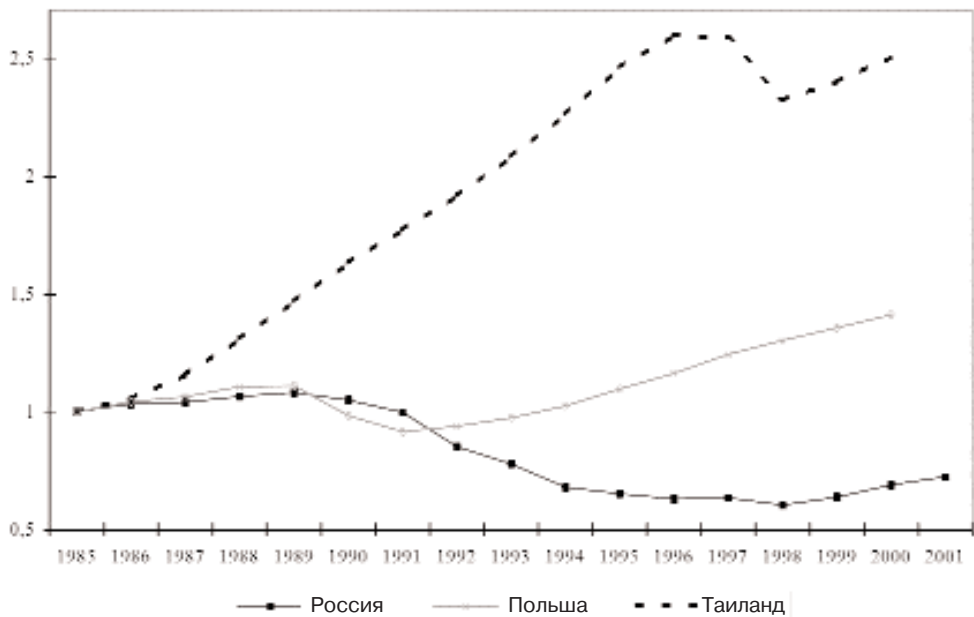

Рис. 6. Динамика ВВП в России, Польше, Таиланде к уровню 1985 г.
(Источник: данные Госкомстата России и МВФ).

но это не сказывается на темпах роста, поскольку развиваются менее капиталоемкие отрасли, с более высокой степенью добавленной стоимости. Достаточно упомянуть в этой связи крупнейшего в мире производителя мобильных телефонов — компанию Nokia, которая от производства резинотехнических изделий переориентировалась на телекоммуникации, угадав тем самым движение мировой экономики. У России, на мой взгляд, тоже сохраняется возможность и такого развития. Хотя речь, естественно, не идет о производстве мобильных телефонов, лишь рынок может определить те сектора, где она может оказаться конкурентоспособной.

Если экономическая динамика представима в виде циклов (как на рис. 2–5), то это означает, что траектория роста имеет N-образную форму: рост, затем кризис и спад, после чего новый период роста (на рис. 6 представлена подобная динамика для некоторых стран с совершенно различными экономическими системами). Для России же принципиально важно перейти к равновесной траектории роста. Причем этот рост должен быть сбалансированным в том смысле, что динамика выпуска должна определяться не только накоплением факторов (труда, капитала), но и опережающим ростом совокупной факторной производительности. Учитывая долгосрочный демографический прогноз, согласно которому население страны в ближайшие десятилетия будет сокращаться.

На рис. 7 показана динамика такой производительности за 1960–2000 годы, где наглядно видно, что за весь период советского развития (с 1960-го по 1991 год) совокупная производительность практически не изменилась. Декомпозиция роста по факторам (для ВВП, в целом, и для промышленности) свидетельствует, что в шестидесятые годы он лишь отчасти сопровождался повышением эффективности, в то время как в последующие два десятилетия эффективность сокращалась.

Существенным также является то, что рост совокупной факторной производительности в нашей экономике начался уже с 1995 года. Достаточно вспомнить в этой связи, что тогда впервые удалось снизить темпы инфляции, был принят разумный бюджет, резко снижено финансирование его дефицита за счет кредитов Центрального банка, начата эмиссия ГКО, что в совокупности с фиксацией курса рубля способствовало временной финансовой стабилизации. А что касается эффективности, то, как видно из того же рисунка 7, ее повышение в этот период достигалось в результате более полной загрузки мощностей, за счет того, что минимально необходимые инвестиции способствовали «оживлению» ранее бездействовавшего основного капитала, то есть происходило интенсивное межсекторное перераспределение ресурсов. Рис. 8 показывает, что на этом фоне наблюдалось существенное повышение производительности труда

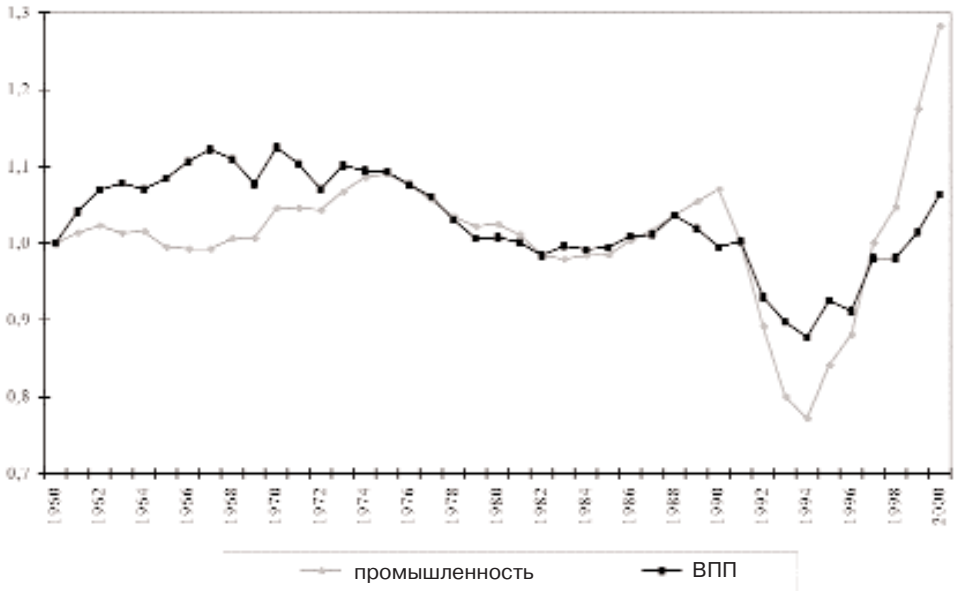

Рис. 7. Динамика совокупной факторной производительности в России к уровню 1960 г. (Источник: расчеты БЭА по данным Госкомстата России).

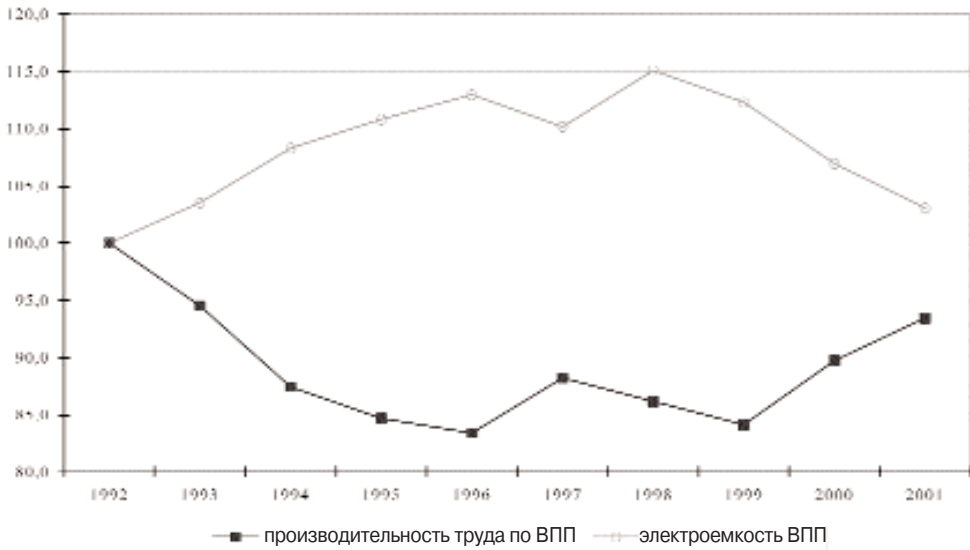

Рис. 8. Производительность труда и электроемкость ВВП в % к уровням 1992 г. (источник: данные Госкомстата России).

и снижение энергоемкости ВВП. По этим показателям Россия вернулась на уровень 1993 года. Однако дальнейшая интенсификация использования имеющихся ресурсов, по крайней мере, теми же темпами, представляется проблематичной. Поэтому вопросы формирования благоприятных условий для инвестиций, направленных на создание новых мощностей по более диверсифицированному спектру отраслей (при условии развития частной финансовой сис-

темы) по-прежнему не менее актуальны, чем два-три года назад. Лишь преодоление бюрократических барьеров и развитие менее капиталоемких отраслей, производящих продукцию с высокой степенью добавленной стоимости, позволит снизить зависимость нашей экономики от внешнеэкономической конъюнктуры, от цен на нефть, в первую очередь. Что требует, несомненно, проведения последовательной и ясной экономической политики.

*Данила Бочкарев,
аспирант Нижегородского
государственного
университета*

Россия – союзник США?

Динамика отношений между США, ЕС и Россией в области безопасности

Взаимоотношения между Европой, США и Россией волнуют не только западную, но и российскую политическую, а также экономическую элиту. Тем более, в контексте наметившегося с недавнего времени изменения роли России в рамках стратегического треугольника. Вплоть до проведения операции НАТО в Косово российский истеблишмент придерживался устойчивого стереотипа о якобы «неразрешимых» противоречиях между Россией, странами-членами ЕС и США. Причем эти противоречия виделись не только в плане экономических конфликтов и торговых «войн» между атлантическими союзниками, но и в области безопасности и военного сотрудничества в Старом Свете. В российской печати интенсивно публиковались материалы относительно разногласий между Россией, США и ЕС: не только по проблемам ПРО, но и по европейской политике в области безопасности и обороны. Восприятие трехсторонних отношений зависит, разумеется, от расстановки внутривнутриполитических сил — от того, какая «группа влияния» берет верх. Кроме государственных структур, ответственных за разработку и реализацию внешней политики, выделяются еще несколько «комплексных» групп влияния, лоббирующих свои корпоративные интересы в области внешней политики. Среди основных отмечаются, в частности, Минатом, Топливо-энергетический комплекс (ТЭК), Военно-промышленный комплекс (ВПК). Как правило, интересы этих групп совпадают; более того — между ними идет острая конкуренция, в том числе, за влияние на внешнюю политику.

Последние события намечают новые тенденции во внешней политике — сближение РФ с НАТО, а затем и непосредственно с США. В свете пока еще малозаметной смены внешнеполитической ориентации пропорционально усиливается влияние прозападного ТЭК и уменьшается влияние Минатома. Об этих изменениях свидетельствуют, в частности, кадровые перестановки. Например, отставка Е. Адамова с поста министра Атомной энергетики и его замена на более нейтрального А. Румянцева, бывшего директора НИИ Атомной энергии им. И. В. Курчатова — наглядная уступка США*.

** Прежний министр ассоциировался у американцев с «иранскими контрактами», сотрудничеством с Индией в области технологий двойного назначения. В связи с предоставлением ядерных технологий двойного назначения третьим, неядерным, странам Америка обвиняла Россию в нарушении соглашения о нераспространении атомного оружия.*

*Леонид Соков.
Доллар и молот. 1989.*

Приход новой фигуры к управлению столь значимой отраслью не может не повлиять на смену приоритетов российской атомной промышленности на международной сцене.

Как и Минатом, ВПК не настроен на сближение с США и Европой, ратуя в целом за «многополярную» внешнеполитическую ориентацию. На это имеются действительно веские причины: оба ведомства не только зависят от поставок оружия и технического оборудования в исламские страны и так называемые «государства-изгои», но и сталкиваются с западными конкурентами на рынках третьего мира. Именно доктрина «многополярного мира» позволяла им заключать весьма выгодные контракты. В результате сближения с США влияние ВПК на внешнюю политику РФ, очевидно, заметно снизится.

В отличие от ВПК и Минатома, компании ТЭК зависят от экспортных поставок энергоресурсов на западные рынки и, конечно, стремятся к установлению долгосрочных партнерских отношений с Европейским союзом. Поставки газа и нефти в Западную Европу являются основной статьей валютных поступлений не только для газовых и нефтяных компаний, но и для федерального бюджета в целом. Именно это обстоятельство объясняет существенное влияние ТЭК на российский политический истеблишмент. Нефтяной бум, равно как и решения ЕС об увеличении экспорта российского газа, только усиливают влияние ТЭК на внешнюю политику РФ.

*Сближение России с США
может положительно сказаться
на разрешении противоречий
в отношении НПРО, расширения НАТО
на восток и переговоров о будущем
общеевропейской системы безопасности*

Сближение России с США может положительно сказаться на разрешении противоречий в отношении НПРО, расширения НАТО на восток и переговоров о будущем общеевропейской системы безопасности. По словам известного американского политолога Э. Люттвака,

сегодняшнее сотрудничество между РФ и США настолько хорошо отлажено, что американские ВВС не только базируются на военных аэродромах бывших союзных республик, но и могут практически беспрепятственно использовать некоторые воздушные коридоры над российской территорией. На фоне ограничений, к которым прибегает входящая в НАТО Франция, это действительно беспрецедентный случай. Люттвак заключает также, что в будущем и развертывание системы ПРО будет проходить в тесном взаимодействии с Россией.

Созданный для борьбы с международным терроризмом альянс становится, по сути, союзом великих держав, отдельным от существующих международных организаций – НАТО или ООН. Разделительные линии проходят отныне не по осям «Запад-Восток» или «Север-Юг», не по принадлежности к военно-политическим союзам, а по общим целевым установкам. Сложившаяся ситуация меняет даже привычную расстановку сил в мире: в то время как Франция высказывается за умеренные действия, Индия и Россия безоговорочно разделяют позицию США. Сложившаяся ситуация не может не сказаться в будущем на ряде ключевых вопросов российско-американских и российско-европейских отношений. Основным камнем преткновения в отношениях между США, ЕС и Россией является ПРО. По мнению ведущих экспертов, от решения этого вопроса зависит фактически безопасность на Европейском континенте. Стремление администрации президента Буша выйти из двухстороннего Договора по ПРО 1972 года и развернуть систему НПРО вызывает озабоченность не только России, но и многих европейских стран, особенно Франции. По мнению российских специалистов, позиция Франции по этому вопросу объясняется во многом «традиционными» разногласиями между Соединенными Штатами и Европейским союзом и вполне согласуется со стремлением отделить европейские Силы быстрого реагирования от военной структуры НАТО.

Наряду с Францией, потенциальным союзником России в Европе считается Германия. Правда, российские средства массовой информации нередко выдают желаемое за действительное. Это относится, в частности, к трактовке некоторых высказываний Р. Шарпинга и Й. Фишера в ходе визита в Москву. Критические замечания министра обороны Германии в адрес программы НПРО были восприняты некоторыми журналистами как выражение солидарности. Однако глава немецкого МИД сделал оговорку: «США остаются самым важным союзником Германии, и это вряд ли изменится», тем самым корректируя представление о немецкой позиции.

НПРО направлена, как утверждают США, против «государств-изгоев», но Россия считает эту угрозу маловероятной*, расценивая американскую систему как серьезный удар по стратегической стабильности во всем мире. По мне-

* Об этом можно, в частности, судить по заявлению В. Путина во время встречи с министром обороны США Д. Рамсфелдом в Москве (2 ноября 2001).

нию РФ, выход США из договора по ПРО может спровоцировать наращивание ядерного потенциала Китаем и другими странами. В этом случае Россия также прибегнет к частичному нарушению Договора СНВ-2 и начнет осуществлять программу испытаний комплекса «Тополь-М». Такое решение проблемы — не что иное, как вызов, причем не столько США, сколько Великобритании и Франции с более скромным потенциалом сдерживания.

Немаловажное значение для системы безопасности на европейском континенте играет также выработка общеевропейской оборонной и внешней политики (нераспространение оружия массового поражения, совместное урегулирование возможных региональных конфликтов). В этом проекте Россию привлекает то, что, в случае успешного сотрудничества с ЕС в этой области, она получит право голоса при принятии важных политических и военных решений. Сейчас, несмотря на Основополагающий акт 1997 года, Российская Федерация не имеет, как известно, сколько-нибудь серьезного воздействия на политику НАТО, на данный момент основного актора в области европейской безопасности. Поэтому Россия видит в сотрудничестве с ЕС приоритетное направление внешней политики.

Это сотрудничество кажется настолько привлекательным, что еще в ходе Парижского саммита осенью 2000 года Россия и ЕС заявили о готовности к совместному «оперативному урегулированию конфликтов» и «развитию стратегического диалога по вопросам безопасности». В совместном коммюнике обе стороны говорят о стремлении содействовать международному миру и безопасности на основе Устава ООН и принципов Заключительного акта СБСЕ. При этом основная цель видится в разработке Хартий Новой Европы и Европейской безопасности.

Нельзя, однако, не заметить, что намерение европейцев проводить собственную политику в области обороны и безопасности неоднозначно воспринимается российскими СМИ и политическим истеблишментом. Москва не может забыть об участии ЕС в «косовской операции». «Атлантическая солидарность» европейских стран и обуславливает во многом тактику двойного сближения России с Западом: развитие стратегического партнерства с Евросоюзом не исключает более тесных и доверительных отношений с США, причем приоритет отдается зачастую последним.

Трагические события 11 сентября, а также последовавшее за ними создание антитеррористической коалиции укрепили эту тенденцию. Как следствие, изменяется не только внешнеполитическая линия — переосмысливается место России в мире. Если раньше политический истеблишмент по инерции воспринимал страну как полноправную преемницу СССР со всеми вытекающими отсюда правами и обязательствами сверхдержавы, то сейчас многие смотрят на нее как на составную часть Большой Европы и всего Западного мира.

Сближение России с Соединенными Штатами выразилось в поисках компромисса в отношении ПРО. Россия соглашается на проведение испытаний НПРО, отменяющих договор 1972 года. В качестве ответного шага Вашингтона будет, по-видимому, сокращение стратегических наступательных вооружений, причем их уровень может быть гораздо ниже уровня, о котором обе стороны договорились в 1997 году. Подобные уступки свидетельствуют об «американском крене» внешней политики России.

В то же время, многие эксперты утверждают, что в последнее время интересы ЕС и США все больше расходятся, и мы наблюдаем политический, военный и экономический «развод» Европы и Соединенных Штатов. Если это так, то займет ли Россия место ЕС в качестве партнера США? К какой ориентации склонится в конечном итоге российский политический истеблишмент — к европейской или американской? Эти вопросы пока остаются без ответа.

Расширение ЕС открывает новые возможности для России

Николай Кавешников, Институт Европы РАН

Процесс расширения Европейского союза, подготовка к которому началась еще в 1991 году, вступает в решающую фазу. Год назад на саммите в Ницце была проведена реформа институциональной структуры ЕС с целью обеспечить ее эффективность и стабильность после вступления в Союз новых государств. Одновременно тогда же были даны четкие политические гарантии, что первая группа стран-кандидатов будет принята в ЕС не позднее лета 2004 года с тем, чтобы население этих стран смогло участвовать в очередных выборах в Европейский парламент. При этом конкретные страны не были названы, напротив, в очередной раз было отмечено, что вопрос об их принятии будет решаться индивидуально. Однако уже сегодня очевидно, что первыми в ЕС будут приглашены Чехия, Словения, Эстония и, возможно, Польша, а таким аутсайдером, как Румыния и Болга-

рия, придется ждать еще минимум 5–6 лет.

В 90-е годы расширение Евросоюза на восток было с энтузиазмом воспринято российской элитой, которая видела в этом потенциально возможную альтернативу расширению НАТО. Со временем, однако, стало ясно, что эти два процесса будут развиваться параллельно. И лишь начиная с 1998 года российский МИД стал выражать беспокойство по поводу негативных последствий, которые может оказать на российскую экономику вступление в ЕС стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Поводом для этого послужил проведенный в то время анализ ущерба, понесенного российской экономикой из-за вступления в ЕС Швеции, Финляндии и Австрии, — ориентировочно он оценивается в 100 млн долларов ежегодно*. Возможность проведения консультаций по поводу последствий расширения ЕС была предусмотрена в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. (СПС), од-

нако Комиссия ЕС всячески оттягивала их начало, ссылаясь на отсутствие точного графика принятия новых членов и втайне надеясь, видимо, приступить к консультациям после начала расширения, когда обсуждать будет уже нечего. Только после довольно резких действий МИД России, в частности, вручения Председателю Комиссии ЕС Р. Проди перечня «российских озабоченностей» в связи с грядущим расширением ЕС (август 1999) и упоминания о возможности не распространять действие СПС на новых членов ЕС (октябрь 1999)**, такие консультации были начаты, хотя и не совсем в устраивающем Россию формате.

В настоящее время идут консультации по довольно широкому кругу политических и экономических вопросов: о переходе стран ЦВЕ на единый таможенный тариф ЕС; введении визового режима для российских граждан; об ожидаемой переориентации внешнеторговых потоков стран ЦВЕ на единый рынок ЕС; жизнеобес-

* См.: Поздняков В., Ганджа С. Новые страны на пороге Европейского союза / *Международная жизнь*, № 3, 1999. С. 41.

** Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы), пункт 5.2.

печении Калининградской области и т.п.* Наиболее важными из этих проблем являются положение Калининградской области, которая превратится в российский анклав на территории ЕС; совместимость российских и европейских технических стандартов и сертификационных требований; количественные ограничения ЕС на импорт российского ядерного топлива, — ЕС удерживает его поставки из России на уровне 20 процентов от общей потребности, в то время как для стран-кандидатов этот показатель достигает 90 процентов. В целом последствия расширения ЕС для России весьма неоднозначны. Большинство экспертов полагают, что его отрицательные моменты будут скомпенсированы положительными. Однако в ходе дальнейших переговоров следует попытаться изменить этот нулевой баланс. Ожидаемое вступление в ЕС стран ЦВЕ уже принципиальным образом изменило облик Евросоюза, и еще сильнее изменит его в ближайшем будущем. В своем новом качестве Европейский союз гораздо более предрасположен к интенсификации отношений с Россией по широкому кругу вопросов, и необходимо воспользоваться этой возможностью. Под произошедшими/ожидаемыми изменениями в Евросоюзе, связанными с его расширением и способными повли-

ять на его отношения с Россией, подразумеваются два принципиальных момента. Во-первых, Европейский союз из монолитной структуры с единой на всей своей территории системой правового регулирования превращается во внутренне неодно-

ри ЕС группировок необходимо упомянуть следующие: Зона евро в составе 12 государств-членов ЕС, Шенгенская зона, в которую кроме 12 стран ЕС *de facto* входят Норвегия и Исландия. Кстати, уже сегодня очевидно, что страны ЦВЕ, даже после

*В своем новом качестве Европейский союз
гораздо более предрасположен
к интенсификации отношений с Россией
по широкому кругу вопросов, и необходимо
воспользоваться этой возможностью*

родное образование, причем степень этой неоднородности в среднесрочной перспективе будет увеличиваться. Имеются в виду не столько различия в уровне экономического развития, но прежде всего методы регулирования отдельных сфер компетенции ЕС. В условиях, когда некоторые государства-члены стремятся к углублению интеграции, в то время как другие не способны на это или просто не хотят отказываться от национальной самостоятельности, внутри ЕС произошло разделение на авангард/твердое ядро и периферию. При этом 1) авангард пользуется общими органами Евросоюза; 2) состав авангарда меняется в зависимости от того, о какой именно сфере отношений идет речь; 3) в этот авангард иногда входят страны, не являющиеся членами ЕС. Из числа обособившихся внут-

вступления в ЕС, вряд ли войдут в эти две зоны ранее 2010 года. Существует также довольно аморфная «зона общей внешней политики и политики безопасности», в которой существенно различается положение государств-членов ЕС, входящих в НАТО и ЗЕС, входящих только в ЗЕС, и не состоящих ни в одной из этих организаций. С 1994 года функционирует Европейское экономическое пространство, объединяющее 15 стран ЕС с Норвегией и Исландией. В этом пространстве действует режим «четырёх свобод» ЕС — свобода передвижения людей, товаров, услуг и капиталов. Причем все вновь принимаемое органами ЕС законодательство по этим «четырем свободам» автоматически распространяет свое действие на Норвегию и Исландию. Кроме того, после вступления в ЕС стран

* Подробнее см.: Иванов И. Расширение Евросоюза и интересы России. / Современная Европа, № 3, 2001. С. 76–86.

ЦВЕ на них до 2014 года не будут в полном объеме распространены аграрная и региональная политики ЕС. Таким образом, в ЕС появятся «зоны аграрной и региональной политики». Наконец, Амстердамский договор санкционировал, а Ниццкий договор существенно упростил создание так называемого «углубленного сотрудничества». Предусматривается, что если не менее восьми стран ЕС пожелают интенсифицировать сотрудничество в какой-либо области, в то время как остальные не готовы пойти на такой шаг, то Совет ЕС 2/3 голосов может разрешить создание зоны «углубленного сотрудничества». При этом обособившаяся группировка будет пользоваться общими органами ЕС. Хотя такую возможность предполагается использовать лишь в крайнем случае, простота учреждения этого института и идущие сейчас в Европе дискуссии дают основание в самом ближайшем будущем ожидать формирования нескольких зон «углубленного сотрудничества» — в сферах правосудия, внешней политики и, возможно, экономической политики. Таким образом, Европейский союз превращается в довольно хаотичную систему, в которой разнообразие национальных законодательств заменяется/дополняется динамичным разнообразием правового поля многочисленных региональ-

ных группировок, каждая из которых при принятии решений пользуется общей для всего Евросоюза структурой органов. **Такая ситуация увеличивает для России возможности маневра при выстраивании долгосрочных отношений с ЕС.** Ранее европейцы настаивали на комплексном подходе, мотивируя это внутренней взаимосвязанностью всех осуществляемых на наднациональном уровне действий. Теперь России будет легче интенсифицировать отношения в отдельных сферах, ссылаясь на все большую фрагментацию самого Евросоюза.

Во-вторых, именно сейчас, в процессе предшествующей расширению структурной трансформации, Европейский союз более восприимчив к любым изменениям и инициативам, в том числе, и к российским. Вообще говоря, существуют две противоположные точки зрения на то, как расширение ЕС повлияет на его отношения с Россией. Одни считают — улучшит, поскольку страны ЦВЕ имеют с ней исторически сложившиеся и разносторонние связи. Другие считают — ухудшит, потому что страны ЦВЕ принесут в ЕС «остаточную антироссийскую риторику» и комплекс негативных эмоций, сохранившихся со времен жизни в «социалистическом лагере». Аргументация об этих вариантах развития событий уязвима. За послед-

нее десятилетие связи между Россией и странами ЦВЕ значительно ослабли, и они вряд ли способны переориентировать интересы такого гиганта, как Евросоюз. С другой же стороны, антироссийские настроения в названных странах с конца 90-х годов начали уменьшаться. Так что, когда все страны-кандидаты вступят в ЕС (ориентировочно к 2010 году) и смогут реально влиять на принимаемые решения, эти настроения скорее всего станут уделом маргинальных групп. Кроме того, формирующаяся в ЕС структура «твердое ядро — периферия» в целом также ослабит позиции периферийных стран, в число которых неизбежно попадут и страны ЦВЕ.

Расширение ЕС объективно приведет к стагнации российского вектора внешней политики, но совсем по другой причине. После присоединения к ЕС всех стран-кандидатов население последних составит более 20% от ЕС-28, а ВВП — всего 6%*. Среднедушевой ВВП в странах ЦВЕ колеблется от 27% (Болгария) до 75% (Словения) в среднем по ЕС**. Новые страны принесут в ЕС гипертрофированный аграрный сектор, морально и физически устаревшие основные фонды, низкоэффективные и в большинстве неконкурентоспособные промышленные производства и... 200 млрд долларов внешнего долга. Помощь, кото-

* *Statistical Annex on the Enlargement, EP – Briefing, Luxembourg, 1999. # 22.*

** *IMF World Economic Outlook. 2000.*

рию ЕС сегодня оказывает странам-кандидатам, не идет ни в какое сравнение с теми суммами, которые получают гораздо более развитые члены ЕС. Так, в 1998 году Венгрия получила в виде различных трансфертов по 25 евро на человека, Ирландия — 600, Греция — 400, Португалия — 300 евро*. По оценкам К. Андерсона, в соответствии с действующими в ЕС нормами помощь только

странам Вышеградской группы после их вступления в ЕС должна составить около 23 млрд евро ежегодно**. Разумеется, Евросоюз не в состоянии выделить такие гигантские суммы, именно поэтому для стран ЦВЕ предусмотрен целый ряд долгосрочных исключений из общего порядка применения аграрной и

региональной политики. Однако все равно после расширения прогнозируется существенный рост бюджетных расходов ЕС. И, разумеется, страны ЦВЕ, став полноправными членами ЕС, начнут активно лоббировать увеличение этих расходов. Таким образом, расширение потребует от Евросоюза

Мариус Крук.

Инсталляция в художественном объединении Арнсберг. 1992.

* Inotai A. *Reflection about the Eastern Enlargement of the European Union*. Институт за икономическа политика. Sofia, 2000. P. 12.

** Anderson K., Tyers R. *Implication of the EC Expansion for European Agricultural Policies, Trade and Welfare*. // *Expanding Membership of the European Union*. Ed. by Baldwin R., Haapakanta P. 1998.

пределной мобилизации финансовых ресурсов, а также существенных организационных усилий. Поэтому следует ожидать, что сразу после вступления в ЕС первых стран-кандидатов Евросоюз максимально сосредоточится на проблемах, связанных с их адаптацией. Соответственно, он на всех направлениях, в том числе и на российском, резко ослабит внешнеполитическую и внешнеэкономическую активность. Учитывая большое количество стран-кандидатов, а также то, что вступать в ЕС они будут не одновременно, этот период адаптации продлится 10–15 лет, то есть до 2020 года*.

Таким образом, создавшаяся в связи с расширением ЕС и его внутренней трансформацией благоприятная возможность дополнить существующую систему отношений отвечающими интересам России элементами сохранится не дольше, чем до 2004 года. Разумеется, эту возможность следует использовать в максимальной степени. Ниже будут рассмотрены основные сферы взаимоотношений, в которых активизация сотрудничества отвечает интересам России.

* * *

До настоящего времени наиболее успешно отношения Россия–ЕС развивались в сфере политического диалога. Можно констатировать, что при всех существующих

разногласиях между обеими сторонами сложились устойчивые и доверительные отношения, основанные на взаимной заинтересованности, совпадении базовых ценностей и точек зрения по основным международным проблемам. Наиболее реальными представляются два направления трансформации этого диалога в практическое сотрудничество. Во-первых, предотвращение кризисных ситуаций и оперативное управление кризисами. Поскольку вряд ли удастся в полной мере преодолеть существующие барьеры во взаимоотношениях России и НАТО, сотрудничество в этой сфере с Европейским союзом позволило бы России конструктивно взаимодействовать с Западом и найти свое место в архитектуре европейской безопасности. Евросоюз со своей стороны также заинтересован в этом сотрудничестве, поскольку оно способно существенно облегчить проведение автономной политики безопасности и формирование «европейской оборонной идентичности». Подлинный прорыв в этой сфере произошел на Парижском саммите Россия–ЕС 30 октября 2000 года, где была принята Совместная декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В ней намечены основные направления консультаций

и их формат, а также поставлена задача «изучить модальности вклада Российской Федерации в проведение операций Европейского союза по управлению кризисами», включая «задействование гражданских средств». Теперь необходимо от изучения вопросов перейти к конкретным действиям. Во-вторых, после резкого потепления отношений между Россией и США, и, особенно, после спокойной реакции России на денонсацию Договора по ПРО, появилась реальная возможность реанимировать идею создания общеевропейской системы обороны против нестратегических баллистических ракет. Ранее предложения России в этой сфере воспринимались Евросоюзом исключительно как попытка посеять разногласия между Европой и США и, естественно, встречали весьма прохладный прием. В изменившейся ситуации шансы реализовать этот масштабный и многообещающий проект весьма велики. В интересах России попытаться увязать сотрудничество с ЕС по обоим названным направлениям с обеспечением совместимости российского и европейского высокотехнологичного военного оборудования, взаимным признанием стандартов в этой области и сохранением роли России на восточноевропейском рынке обычных вооружений.

* Такую точку зрения разделяет большинство российских экспертов. См., например: Борко Ю., Буторина О. *Перспективы Евросоюза в новом веке. / Современная Европа, № 3, 2001. С. 22.*

Большой интерес для России представляет идущий сейчас в Европе процесс создания «пространства свободы, безопасности и правопорядка». При этом в компетенцию Евросоюза и, соответственно, в сферу наших отношений попадают действия полиции и судебных органов, а также вопросы визового режима. В апреле 2000 года был согласован и принят совместный План действий в этой области, включающий в том числе оперативное взаимодействие компетентных российских органов с Европолом. Приоритетными для России являются вопросы борьбы с организованной преступностью, терроризмом, торговлей наркотиками, финансовой преступностью и незаконной утечкой капиталов. Пожалуй, именно в этой сфере интересы сторон совпадают в наибольшей степени. Однако до настоящего времени Европейский союз стремился скорее «отгородиться» от внешних угроз, чем содействовать улучшению ситуации на своей периферии*. В свою очередь российская активность на этом направлении ослаблялась некоторыми организационными недостатками. В частности, подкомитет № 6 РФ-ЕС по реализации СПС помимо обеспечения взаимодействия внутренних органов занимается еще и вопросами конкуренции, государственной помо-

щи предприятиям и сближения законодательств. Объединение в одном органе потенциально многообещающих и заведомо конфликтных вопросов ведет к снижению общей эффективности работы. Принимая во внимание трагические события в Нью-Йорке, взаимодействие правоохранительных органов имеет в этой связи большой потенциал развития и может серьезно способствовать изменению распространенного на Западе «криминального имиджа» России.

В области экономических взаимоотношений наиболее продуктивно развивается так называемый энергетический диалог, посредством которого Европейский союз стремится гарантировать стабильные и долгосрочные поставки энергоносителей из России. К сожалению, это по сути единственная отрасль взаимной торговли, к которой ЕС проявляет интерес. ЭнергодIALOG был инициирован Председателем КЕС Р. Проди на Парижском саммите и исходит из того, что зависимость ЕС от поставок энергоносителей из России к 2020 году увеличится с 50% до 70%. На уровне экспертных групп в настоящее время уже согласован ряд чрезвычайно важных для России условий. Увеличение поставок будет сопровождаться передачей технологий и правительственными гарантиями иностранных инвестиций в

российский ТЭК со стороны европейских стран. Российские энергетические и топливные компании получают в результате доступ на рынок ЕС, а самим поставкам обеспечивается свободный транзит. Еще существует ряд несогласованных позиций, но наверняка на политическом уровне вскоре будет достигнуто взаимоприемлемое решение.

Пожалуй, самой важной в стратегической перспективе, и одновременно самой сложной в экономических взаимоотношениях между Россией и Европейским союзом, является проблема гармонизации и признания технических стандартов и сертификатов. В настоящий момент режим импорта российских товаров в ЕС весьма либерален. Средневзвешенные таможенные пошлины составляют 1–1,5%, более 80% импорта вообще не облагаются никакими пошлинами. Однако это связано с тем, что более 60% поставляемых российских товаров — это сырье и энергоносители. Поэтому первоочередной задачей для России является реструктуризация номенклатуры экспортируемых товаров и повышение доли высокотехнологичной продукции. Но именно этот сегмент европейского рынка очень жестко защищается, и защищается преимущественно нетарифными барьерами, самые серьезные из которых — технические

* См., например: Fris L. JHA, Schengen and all that – The EU's «Internal Security Policy» toward Central and Eastern Europe. // *An Ever Closer Union? EU enlargement and European Integration*. Ed. by Fris L. Copenhagen, DUPI, 1999.

стандарты. Принимаемые Евросоюзом меры по повышению качества и безопасности продукции вызваны не только заботой о потребителях. Зачастую они используются в качестве скрытых форм дискриминации иностранных производителей и защиты внутреннего рынка. В настоящее время действует экспертная бригада Россия—ЕС по обеспечению сопоставимости технических стандартов, но ее работа идет очень напряженно. В целом в этой области не стоит ожидать каких-либо существенных достижений.

С проблемой гармонизации стандартов тесно связаны и вопросы взаимного признания дипломов о высшем и специальном образовании. Здесь, по крайней мере в том, что касается технических специальностей, позиции России очень сильны, поскольку российское образование при всех негативных процессах последнего десятилетия все еще высоко котируется на Западе. Решая проблему признания дипломов, России стоит поставить вопрос и о защите «внутреннего интеллектуального рынка». Миграция высококвалифицированных специалистов — это нормальная тенденция глобализирующейся экономики, противодействовать ей и вредно, и бесполезно. Но в России, где сохраняется массовое бесплатное выс-

шее образование, она привела к парадоксальной ситуации. Уехавший за границу специалист, на подготовку которого затрачены значительные средства, ничего не возвращает обратно. Возможно, следует сформировать некие механизмы, компенсирующие эти затраты. Например, иностранная компания, принимающая на работу человека, только что получившего бесплатное образование в российском вузе, могла бы компенсировать этому вузу средства, потраченные на его подготовку*. При невозможности ввести массовое платное обучение и неразвитости системы долгосрочных кредитов на получение образования такая практика могла бы существенно улучшить финансовое положение образовательных институтов, одновременно не ограничивая доступа к высшему образованию. Введение и реализация подобной практики возможны только при наличии соответствующих международных соглашений, прежде всего с США и Европейским союзом.

И в заключение несколько слов о нашумевшем проекте создания Общего европейского экономического пространства (ОЕЭП), разработка концепции которого была поставлена на саммите Россия—ЕС в мае 2001 года. Этот амбициозный проект возрождает заложенную

в СПС, но так и не реализованную пока на практике идею зоны свободной торговли (ст. 3 СПС). Будучи воплощенным в жизнь, он способен качественно изменить наши взаимоотношения и положить конец возможности возникновения в Европе нового, «бархатного» занавеса. В то же время следует с большой осторожностью отнестись к существующему в ЕС пониманию ОЕЭП как присоединения России к пространству «четырех свобод». Прежде всего, подавляющее большинство отраслей российской экономики еще не готовы к такой степени открытости, они просто не выдержат конкуренции с европейскими производителями. Кроме того, это существенно ограничит внешнеэкономическую и, соответственно, внешнеполитическую самостоятельность России на других приоритетных направлениях, прежде всего в СНГ. Наконец, участие России в пространстве «четырех свобод» будет означать довольно значительную утрату контроля над внутриэкономической политикой, поскольку такое пространство подразумевает обязательное согласование планируемых действий с партнерами. Оптимальной для России формой реализации ОЕЭП был бы ряд взаимосвязанных отраслевых соглашений, разумеется, в тех

* Кстати, именно таким образом функционирует американская программа Фулбрайт. Иностранному гражданину, получив от правительства США стипендию на обучение в американском вузе, после окончания обучения обязан вернуться на родину. Однако он может остаться в США, если принявшая его на работу фирма компенсирует стоимость его образования.

отраслях, которые уже готовы к этому или будут готовы в обозримом будущем.

* * *

Россия и Европейский союз обречены на сотрудничество в силу территориального соседства, приверженности единым ценностям демократии и рыночной экономики, общей истории и общей культуры, взаимодополняемости национальных экономик. В то же время современное состояние взаимоотношений следует, скорее, оценить как неудовлетворительное. Противоречия по поводу военных действий в Чечне, нестабильное экономическое развитие России, в целом очень осторожная позиция ЕС, многочисленные негативные факторы краткосрочного характера, — все

это осложняло наши отношения на протяжении 90-х годов. Эти факторы, хоть и в меньшей степени, актуальны и сегодня, поэтому в обозримом будущем не стоит надеяться на какие-либо масштабные прорывы. С другой стороны, расширение Европейского союза и связанные с этим изменения в самом ЕС, в частности, создание в его рамках группировок с более интегрированным режимом регулирования отдельных сфер, облегчают для России возможности маневра при выстраивании двусторонних отношений. Эта благоприятная для России ситуация продлится до вступления в ЕС первой группы стран ЦВЕ, то есть

до начала 2004 года. После этого Евросоюз сконцентрирует все свои ресурсы на адаптации этих стран и ослабит внешнеполитическую активность, в том числе на российском направлении. В интересах России активно использовать эту недолгую благоприятную ситуацию для определения приоритетов во взаимоотношениях и заключения на основе СПС ряда рамочных секторальных соглашений, ориентируясь на которые можно будет строить наши отношения в среднесрочной перспективе. Тем самым можно будет предотвратить негативное влияние грядущего спада внешней активности Европейского союза.

*Шериф и Сильвия Деффо.
Ориентации. 1987.*

Россия и Европа – их представление о себе и друг о друге

Ютта Шеффер, профессор, сотрудник Центра имени Марка Блока

Несмотря на глобализацию, несмотря на мировой обмен информацией, который по скорости и объему перекрывает все предыдущие достижения, и на фоне которого любое обособление кажется устаревшим, несмотря на обманчивое ощущение близости, мы здесь, в Европе, все-таки мало знаем друг о друге. Я имею в виду не только отношение западных европейцев к восточным, но также и отношения западных европейцев между собой.

Иногда я спрашиваю себя: может быть, раньше, когда наша жизнь не была столь стремительной, мы знали друг о друге больше? По крайней мере, элита с ее многочисленными культурными контактами. Впрочем, я не хочу идеализировать прошлые эпохи. Моей задачей как историка является исследование прошлого. Но историк – не абстрактное существо, которое довольствуется архивной работой. Историк – это еще современник и гражданин, участник сегодняшних событий, имеющий собственную точку зрения и использующий полученные знания для того, чтобы кристаллизовать представления о будущем. Поэтому для нас, европейских историков, встречи с молодыми политиками России особенно важны и плодотворны.

В Берлине есть немало памятных мест, свидетельствующих о связях между Россией и

Германией, о нашей общей истории. Например, Рейхстаг. Всем знакома великолепная фотография Евгения Халдея, на котором солдат Советской Армии водружает красное знамя над Рейхстагом. В прошлом году, 25 сентября, неподалеку от того места, где некогда стояла Стена, уже под новым куполом Рейхстага читал свой доклад на немецком языке Владимир Путин. Под аплодисменты депутатов Бундестага он провозгласил окончательное завершение «холодной войны». После чего российский президент и германский бундесканцлер вместе возложили венок к памятнику советским воинам, погибшим в борьбе за Берлин.

Этот жест имеет не только символическую ценность. Это – прошу простить меня за пафос – История. И происходит она на наших глазах, в то время как в наших странах все еще доминируют образы врага и чужака.

Если бы у нас была возможность, мы могли бы посетить многочисленные русские музеи и памятные места Берлина, которые – как, например, Потсдам – напоминают о предреволюционных немецко-русских отношениях. Я советую вам побывать и в русско-немецком музее второй мировой войны в Карлсхорсте: он расположен в здании, где подписывался документ об окончательной капитуляции германского рейха. Современные российские и немецкие историки попытались показать в нем войну глазами обоих народов: на первый план они вывели не

победителей и побежденных, а страдания и горе всех, кого коснулась война.

Впрочем, тему «Россия и Европа» мне не хотелось бы ограничивать пределами одной Германии. Прогулка по Парижу также дает возможность обнаружить присутствие русской культуры. Вот — Россия предреволюционной эпохи с указателями на домах, в которых проживали либо русские писатели, как, например, Тургенев, либо политические эмигранты, как Герцен, Ткачев, Мартов, Ленин, либо ученые, как Максим Ковалевский. Вот — Россия после 1917 года с эмигрантами Бердяевым, Буниным, Шагалом, Милюковым; вот — Россия брежневской эпохи с изгнанными из страны диссидентами: Синявским, Максимовым, Галичем, Некрасовым и множеством других. Впечатляет русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где покоятся целые поколения умерших вдали от родины русских. Все это — история и одновременно современность, ведь речь идет о нашей памяти. Если же пройтись по улицам крупных городов России, можно найти следы пребывания французов, итальянцев, голландцев, немцев — одним словом, европейцев, и это еще раз подтверждает многовековую связь России и Европы.

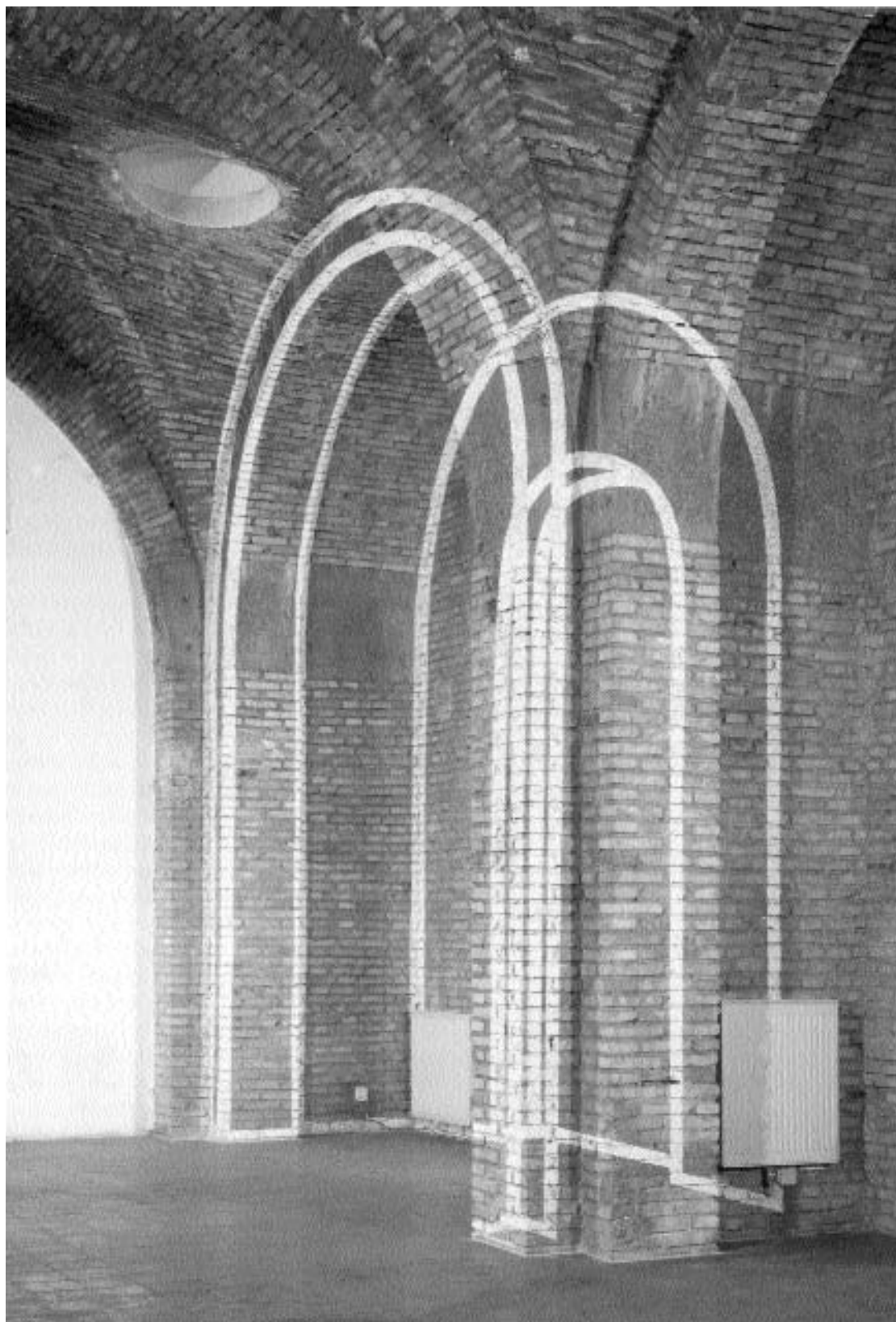
Как историка, меня не перестают удивлять непрекращающиеся попытки русских определить свое истинное отношение к Западу и связанное с этим отношение к самим себе. С конца XVII века Европа играла решающую роль в формировании российской идентичности. Поколение за поколением задавали себе вопрос: каким должно быть отношение России к Европе или, говоря обобщенно — к Западу? И сами же находили ответ: более позитивный или более негативный. Все знают знаменитое первое «Философическое письмо» Петра Яковлевича Чаадаева (опубликовано в 1836 году в журнале «Телескоп»), в котором автор с горе-

чью признается: «...мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода...».

Как историка, меня не перестают удивлять непрекращающиеся попытки русских определить свое истинное отношение к Западу

Некоторое время спустя русские мыслители — позже их стали называть славянофилами — писали, что Россия обладает более глубокой, более богатой культурой, нежели Запад. В первую очередь имелось в виду православие с его мистикой и связанное с ним понимание *соборности*, а также своеобразие русской крестьянской *общины*, или *мира*. Противопоставление «мы» и «они», «свое» и «чужое» началось с этой трагической позиции славянофилов по отношению к Западу.

Вспомним, как герой Достоевского Иван Карамазов сравнивает Европу с кладбищем? И как затем Достоевский заставляет младшего брата Алешу ответить на это: может быть, мертвые этого кладбища вовсе не мертвы? Когда вышел роман «Братья Карамазовы», в российских образованных кругах тут же появилось расхожее выражение: «мы любим Европу, как любят кладбище». Этот образ, как никакой другой, и отражает, на мой взгляд, сохраняющийся внутренний конфликт, связанный с отношением к Европе: тоску по утраченному и, вместе с тем, надежду, обращенную в будущее. Поэтому еще раз процитирую Достоевского, его дневниковую запись, сделанную в январе 1877 года: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам вто-

рое отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же *всем* дорога, как Россия...».

Кроме экзистенциально-философского был еще и другой, конкретно-материальный аспект, заставлявший Россию постоянно сравнивать себя с Европой. Со времен Петра I понятие «Европа» подразумевало европеизацию России, или другими словами, ее модернизацию посредством реформ общества, государственного строя и экономики. Значение «европеизации» сохранилось — независимо от того, считалось оно плохим или хорошим — даже в первые годы коммунистической власти, пока не было вытеснено «американизацией». О чем свидетельствует ленинское определение коммунизма («советская власть плюс электрификация всей страны») с его явной ориентацией на уже существовавший в мире технический прогресс. Впоследствии Сталин в своих «Вопросах ленинизма» потребовал, как известно, чтобы Россия переняла у Америки способ организации труда. Производственные методы Тейлора, трудовая практика на американских предприятиях «Форд» считались в советской России 20-х годов образцом, достойным подражания. Американский капитализм одновременно служил и строительству социализма.

Короче говоря, Россия чувствовала свое историческое отставание. И поэтому ей снова и снова приходилось выбирать между двумя путями. Первый — догнать и перегнать Европу, а в XX веке еще и Северную Америку (линия, идущая от Петра Великого до Хрущева и Брежнева); второй — сохранить самобытность, сделать ее идеалом, а впоследствии и идеологией особого «третьего пути».

Поскольку соотнесение с «Европой» чаще всего выявляло собственную «отсталость», это вызывало серьезные психологические последствия. Отношение многих русских к

Европе и Западу вообще можно охарактеризовать как отношение любви-ненависти. С одной стороны, Европа притягивает русских людей, побуждая постоянно сопоставлять свое и европейское; с другой — если сравнение с Европой бывает не в пользу России — наступает реакция сопротивления: «Европа не имеет права нам приказывать!».

Принадлежит ли Россия к Европе? Этот вопрос задают себе не только русские. Уже три столетия думают над ним и западные европейцы. Начиная с XVIII века, в первую очередь немцы и французы пытались вникнуть в то «другое», что скрывалось за словом «Россия». Например, Готфрид Вильгельм Лейбниц, состоявший в переписке с Петром Великим, предлагал ему свои услуги по обустройству «*tabula rasa*» — такой представлял себе Россию немецкий философ. Лейбниц называл «промыслом Божьим» то, что Петр Великий, создавая государственность России, взял самое лучшее как от Европы, так и от Китая, избежав тем самым бесчисленных ошибок, которые до этого были совершены Европой. Хорошо известно, писал Лейбниц Петру в 1712 году, что «дворец, отстроенный заново, лучше дворца, который в течение многих лет строился, улучшался и перестраивался».

Французский философ-просветитель Монтескье, автор труда «О духе законов» (1748), в отличие от Лейбница, критиковал петровскую политику европеизации и называл ее деспотично-азиатской. По его мнению, Петр проводил свои реформы тираническими методами и введением западной технологии разрушил русские традиции и национальные ценности. Философ Вольтер, напротив, заявлял, что империя, созданная Петром Великим, есть величайшая эпоха в европейской жизни с момента открытия Нового Света.

Благодаря проявленному интересу к России, Вольтер и Дидро были приглашены ко двору Екатерины II. Дидро поспешил в

Европейская культура формируется из множества точек зрения и перспектив, исторических взглядов и воспоминаний

Санкт-Петербург. Для Вольтера же русская зима оказалась слишком холодной. Еще в Потсдаме, при дворе Фридриха II, он отправил Екатерине письмо с вежливым отказом, ссылаясь на «неудобный, непереносимый климат».

Западная Европа XVIII века отнеслась к европеизации царского двора и воспитанию дворянства, перенявшего французские обычаи вместе с французским языком, по большей части доброжелательно. Хотя внимательный иностранец мог легко заметить пропасть между неграмотными крестьянскими массами и образованным меньшинством. Впрочем, в согласии с духом Просвещения, было принято думать, что подобное состояние общества можно преодолеть с помощью реформ. Поскольку доминировала идея универсальности мира, а также представление о взаимной зависимости и взаимном обогащении культур. Просвещение создало образ, по которому Западная и Восточная Европа дополняли друг друга как две половины одного целого, что до той поры не имело места ни в политическом, ни в географическом понимании. Достаточно вспомнить, что еще во второй половине XVIII века Россия и Польша причислялись к северным европейским державам.

В начале XIX столетия немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер видел в России будущую носительницу европейской культуры. В своих «Идеях к философии истории человечества» он высказал мысль, что славянские племена — порабощенные, однако по природе миролюбивые — однажды освободятся, и страны, в которых они живут, превратятся в «сад человечества». Но вместе с тем XIX век породил и ярко выраженную русофобию. Евро-центристская (в от-

личие от универсалистской) картина мира повлекла за собой и евро-центристское суждение о России: Россия к Европе не относится.

Говоря обобщенно, европейские консерваторы XIX века видели в России «спасительницу Европы», тогда как либералы и демократы, напротив, — «очаг реакции». Консерваторам Россия импонировала как оплот легитимной монархии, как хранительница традиций христианской веры, как гарант собственности и антиконституционного порядка и, самое главное, как защита от революционно-демократической оппозиции, существовавшей в Германии и Франции. Что же касается самих либералов и демократов, то для них Россия была врагом веры в прогресс и постоянной угрозой европейской цивилизации.

Маркс и Энгельс поначалу воспринимали Россию как бастион реакции, как олицетворение азиатского способа производства и восточного деспотизма (понятие, которое в XX веке трансформировалось в ленинскую *азиатчину*). Позже, однако, Маркс стал проявлять большой интерес к российскому революционному движению, последователи которого первыми перевели его произведения на иностранный язык (прежде всего «Капитал»). Этот факт побудил его изучать русский язык, как несколько десятилетий спустя это сделал и Макс Вебер, стремившийся лучше понять либерально-демократические тенденции, которые проявились в ходе русской революции 1905 года.

Обязательно нужно упомянуть и Алексиса де Токвиля, французского юриста и государственного деятеля: он первым провел параллель между Россией и Северной Америкой, сказав, что в будущем Европу затмят две мировые державы — США и Россия. В своей книге «Демократия в Америке», он еще в 1835 году предсказал основные тенденции исторического развития после французской революции: демократизацию

и централизацию. Движущими силами этого мирового развития он назвал Северную Америку и Россию. В его книге есть такие пророческие слова: «Сегодня на земле живут два больших народа, имеющие разные истоки, но преследующие одну и ту же цель: русские и англоамериканцы... Истоки у них разные, пути их расходятся, но кажется, что каждому из них каким-то таинственным провидением предназначено в будущем держать в своих руках судьбы полмира».

С расцветом русской литературы, искусства и науки в XVIII и XIX веках формируется общеевропейское культурное сознание. Достаточно одного взгляда на русские и западноевропейские журналы, выходившие до 1914 года, на многочисленные переводы с языков других народов, чтобы сейчас тяжело вздохнуть. Духовное общение в Европе никогда не было столь оживленным, как до первой мировой войны. Но объективности ради стоит отметить, что потоки информации, поступавшие из России в Западную Европу и обратно, были обращены исключительно к образованным слоям. В повседневных же представлениях о русской истории и культуре в Европе преобладали стереотипы, а порой (особенно в Германии) — грубые и опасные упрощения.

После первой мировой войны и большевистской революции культурные контакты не исчезли, но стали более осторожными, политизированными, национальными и националистическими. После 1917 года многочисленные представители европейской интеллигенции приняли сторону советского коммунизма, а после 1941 года — антифашизма. Раскол на левых и правых в оценках Советского Союза наблюдался в течение десятилетий (здесь я призываю вспомнить о влиянии коммунистических партий, например, в Италии и Франции, которое не ограничивалось политикой, но также распространялось на мировоззрение и культуру). «Холодная война», «железный занавес» изолировали не только Россию от Запада, но и Запад от России и всей Восточной Европы. Однако теперь, по-

сле падения Берлинской стены и развала коммунистической системы, у нас есть шанс искоренить политическое противостояние Западной и Восточной Европы.

Во время любого поворота в истории России заново поднимались вопросы: «кто мы?», «куда идет Россия?». Сегодня, после эпохальных событий, Россия вновь задается вопросом о самоидентификации и своем отношении к Западу. В этой связи нам следовало бы воспользоваться предложением польских интеллектуалов и заменить понятие «западного расширения на Восток» понятием «воссоединение Европы». Из этого ни в коей мере не следует, что нужно игнорировать «другого» и его политические, общественные и культурные особенности. Напротив: сегодня не только в политике, но и в самых широких кругах наших культур и цивилизаций нужно научиться понимать и принимать «другого» таким, какой он есть. Только разделяя принцип, что бытие «другого» не подразумевает его исключения, мы сможем найти друг друга, и у нас появится возможность говорить о европейской культуре, которая каждому предоставит свое место в соответствии с его самобытностью.

Несомненно, различие наших культур представляет собой богатейший источник исследований. «Европейская культура», если ей суждено существовать, — не какая-то однородная, закрытая в себе система. Она формируется из множества точек зрения и перспектив, исторических взглядов и воспоминаний. Ее составляющие — не только гармонические отношения, но также конфликты и отличия. Из ее памяти нельзя вычеркнуть фашизм, национал-социализм и сталинизм. Но для того, чтобы из всего этого противоречивого многообразия сформировалась единая культура, обладающая значением общего для всех ориентира, необходимы воля и поддержка общественно-политических групп, образующих гражданское общество.

Перевела с немецкого
Нина Манджиева

Развитие политической культуры: пермский опыт

*Сергей Неганов,
Ответственный секретарь пермской Ассоциации
политических экспертов и менеджеров,
руководитель сектора администрации Пермской области*

Понятие «политическая культура» в современной российской реальности не выглядит органичным и усвоенным. Не часто это понятие становится объектом научных изысканий, еще реже обращаются к нему практики. В теоретической политологии принято выделять три основных вида политической культуры: патриархальный, подданнический и культуру участия. Патриархальная (или приходская) культура характерна для людей, живущих в политически неразвитой среде, имеющих смутное представление о политике, индифферентно относящихся к ней. Подданническая культура подразумевает, что люди соотносят себя с определенной политической общностью, но не верят в то, что в состоянии оказать какое-либо влияние на политический процесс. Культура участия подразумевает, что люди принимают активное участие в политической жизни, имеют достаточно высокий уровень ожиданий по отношению к действенности своих политических акций.

В чистом виде, как правило, эти образцы не встречаются

ся. В реальной действительности преобладают смешанные варианты политической культуры. Демократическому обществу соответствует политическая культура гражданского типа, в которой ведущую роль играют элементы участия. Люди, существующие в рамках гражданской политической культуры — граждане, а не просто население.

Политическая культура гражданского типа для российского общества сегодня выглядит социальной утопией, «сном золотым». Однако другой путь для формирования здорового в политическом отношении общества различить трудно. Поэтому, если уж говорить в практическом аспекте о политической культуре, так именно о культуре «гражданского типа».

Московская школа политических исследований — организация, которая в российских условиях занимается развитием и формированием политической культуры участия. «Сон золотой» для Школы оказывается постоянной конкретной работой. Ее опыт — с учетом региональной специфики — мы попытались использовать и в нашей практической деятельности.

Первая такая попытка относится к декабрю 1997 го-

да, когда с группой коллеги мы заявили о создании Ассоциации политических экспертов и менеджеров (АСПЭМ), объединившей специалистов в сфере организации, управления и изучения политических процессов. Среди членов АСПЭМ — ученые-политологи, специалисты по избирательным технологиям, политические консультанты, журналисты, имиджмейкеры, социологи. У Ассоциации достаточно высокие требования к своим членам, в том числе, морально-этические.

Принципиально важной составной частью Устава АСПЭМ является Кодекс профессиональной этики ее членов. На его разработку было потрачено немало сил и времени, и сейчас он задает конкретные рамки поведения, за которые профессионал не вправе выходить даже в самой острой политической ситуации. Нарушивший нормы Кодекса член АСПЭМ может быть исключен из Ассоциации. При этом добавлю, что его нормы касаются как предвыборной деятельности, так и всех видов политического консультирования и экспертизы.

Кроме внутриклубной деятельности, обсуждений и общения, Ассоциация занимается организацией круп-

*Демократическому обществу
соответствует политическая культура
гражданского типа, в которой
ведущую роль играют элементы участия*

лых столов, конференций, семинаров, выставок, конкурсов политрекламы и т.д. Все эти виды деятельности ориентированы на целенаправленное развитие политической культуры в регионе. За последние четыре года ряды членов АСПЭМ, с учетом жестких критериев отбора, увеличились с двадцати до почти пятидесяти членов. Ассоциация живет и развивается, реально влияя на политическую ситуацию в Прикамье.

Этот удачный опыт вдохновил нас на следующий шаг. В середине 2000 года я решил предложить руководству администрации Пермской области разработать и принять *Программу развития политической культуры на региональном уровне*. Предложение поначалу было воспринято, как нечто далекое и туманное. Потребовалось полтора года, чтобы найти союзников и поддержку, объясняя различным физическим и юридическим лицам, что такое «политическая культура» и зачем ее развивать. Идею активно поддержали также работники Пермского государственного университета и других вузов города.

В результате, 20 сентября 2001 года региональное Законодательное Собрание приняло Целевую программу развития политической и правовой культуры в качестве закона Пермской области. Насколько мне известно, это первый подобный опыт в Российской Федерации.

Целью Программы является выстраивание системы взаимосвязанных форм деятельности: научно-исследо-

вательской, методической и практической, направленных на развитие региональной политической и правовой культуры, распространение демократических ценностей и гражданского мышления. Другими словами, на преодоление низкого уровня знаний граждан о политической системе и политических процессах, о своих правах и возможностях участвовать в принятии политических решений, поскольку все это имеет прямое отношение к восприятию людьми реальных проблем области, как своих, близких и требующих личного гражданского участия. В этой связи задачи Программы предполагают, естественно, проведение долгосрочного анализа политических процессов в регионе; координацию деятельности различных исследовательских и образовательных организаций, формирующих политическую и правовую культуру; объединение усилий государственной власти, местного самоуправления, партий, общественных организаций.

Таким образом, основу Программы составляет целый комплекс просветительских и образовательных мероприятий, цель которых повышение гражданской активности населения.

Реализация Программы требует, прежде всего, разви-

тия политической толерантности в регионе, противодействия политическому экстремизму. Поэтому в ней предусматривается, в том числе, и наше содействие просветительской работе в средствах массовой информации.

Важнейший объект деятельности по реализации Программы – молодежь. Мы наметаем конкретные шаги по формированию у молодежи практических навыков политической деятельности в условиях гражданского общества и правового государства. И хотим, чтобы наш опыт был полезен для других регионов России. Поэтому необходимый элемент Программы – обмен опытом развития политической культуры населения как на межрегиональном, так и федеральном и международном уровнях.

Программа вступила в действие 1 января 2002 года и была публично представлена на пермском региональном семинаре Московской школы политических исследований в феврале этого года. Установка, воспринятая от Школы, воплотилась в жизнь: развитие политической культуры в Пермской области стало практической работой. Ее эффективность зависит от наших усилий и должна оцениваться по результатам, которые, я уверен, будут положительными.

Юрий Гуренко,
кандидат исторических наук

Этюды о власти

На рубеже минувшего и текущего годов российская интеллектуальная жизнь озаменовалась «журнальным бумом». Разной периодичности общественно-политические и другие издания продолжают появляться, как грибы после дождя. Вот лишь три примера.

Зимой вышел первый номер ежеквартального журнала «Колокол». Естественно, в Лондоне, как во времена Герцена. И, как при Герцене, он публикует и эмигрантов, и корреспондентов из России. Правда, российские авторы, при всей критичности к существующим политическим реалиям и власти, своих имен не скрывают.

Журнал polemически заостренный, стремящийся быть злободневно-публицистическим, на грани скандальности, имеет ясную политическую окраску — либеральную и оппозиционную.

Впрочем, «скандалистам» отдали отдельную рубрику — «Иной ракурс». Для первого раза в ней напечатали Виктора Суворова, уличающего в мародерстве маршала Жукова, и Дмитрия Быкова, выступающего с апологетикой «Эдички» Лимонова (в довесок к быковскому очерку опубликовано короткое письмо Марии Розановой — также о Лимонове). В остальном «Колокол» стилистически совершенно респектабелен.

Как полагается русскому «умному» журналу, «Колокол» публикует и стихи, и прозу, и мемуары, и эссе. Но в основном он сосредоточен на общественных проблемах — хотя не только на политике. Собственно, политического анализа в привычном понимании там вовсе нет. Есть статьи-размышления — о федерации, о национальной идеологии, об итогах десятилетия реформ, о перспективах демократии в России...

Одновременно с «Колоколом» в Москве стартовал ежемесячный журнал с не менее громким историческим названием — «Отечественные записки». Как и лондонские коллеги, москвичи скромны и оговариваются, что на лавры великих предшественников не претендуют. Ни Герценом, ни Белинским себя никто из них не мнит.

«Отечественные записки» выглядят строже и суше, чем «Колокол». Журнал заявлен как интеллектуальный и наполнен материалами скорее научными, чем публицистическими. «Записки» не пытаются следовать традициям «неистового Виссариона» и становиться трибуной какого-либо течения. Скорее их принцип — *«sine irae et studio»*.

Принцип построения — тематический. Номер на девяносто процентов посвящен одной главной проблеме, которую «ОЗ» пытается раскрыть максимально полно. В первом номере это — власть и религия. В основном рассматривается Русская православная церковь во взаимоотношениях с российским

государством — в историческом и современном аспектах. Авторы исследуют генезис, развитие и «анатомию» РПЦ, эволюцию ее социальной доктрины и политической идеологии, правовые, экономические и организационные аспекты...

На мой взгляд, именно такое — мировоззренческое в традиционном смысле этого слова и одновременно аналитическое издание — необходимо сегодня России, и я думаю, оно будет с пониманием и благосклонно воспринято мыслящей частью общества. Не только столица и зарубежье, но и региональные центры тоже не остаются в стороне от журнального поветрия. Так, в Екатеринбурге начал выходить научно-практический альманах «Дискурс-Пи». Название объясняется в предисловии главного редактора: «Слово «дискурс» — своеобразный пароль новой культурной эпохи... Ну а «Пи» — это символ жизни нового поколения». В общем, без Пелевина не обошлось.

Центральная тема первого номера — «Власть дискурса и дискурс власти». Уральские политологи, философы и культурологи изучают власть и с технологических, и с философских, и с культурно-антропологических позиций. Их интересует образ власти в России, ее эволюция, язык, типы поведения. Стилистика «Ди-Пи» (именно такую аббревиатуру предлагают сами создатели альманаха) — нечто среднее между «Колоколом» и «Отечественными записками». Строгая аналитика по существу выдержана в острой «постмодернистской» манере, то есть: с усиленно неортодоксальными подходами, с терминологическими «наворотами», с элементами эпатажа. И, конечно, с весьма нелицеприятным отношением к объекту исследования. Ну, например: «Дискурс российской власти: ложь, надменность, безответственность...».

Разные издания в разных стилях и с разными целями объединяет одно — неподдельный интерес к проблеме власти. Власть в этих журналах разоблачают и изучают,

анализируют и осмысливают. Она явно становится одним из основных объектов внимания, и, я думаю, не случайно.

Власть в России всегда была особым феноменом. Она не сводилась и не сводится ни к системе институтов, ни к системе отношений, ни к способам управления. В 90-х годах минувшего века она, как и вся страна, пережила очередное революционное перерождение. Ее природа изменилась — а социальная роль осталась решающей. Отсюда — необходимость переосмысления, и необходимость уже, несомненно, осознанная. Характерно, что в новейших опытах о власти аналитика преобладает над метафизикой. Взгляд на власть становится менее эмоциональным и более рациональным. В глазах современного российского интеллектуала она уже не «чудище обло» и не священный сосуд Грааля, а социально-политический феномен, действительно заслуживающий серьезного изучения.

Александр Белгороков:

«Деньги – это не то,
что в кошельке, а то, что в голове»

Мои родители журналисты. И мне на роду было написано продолжать эту семейную традицию.

В школе я учился «неприлично хорошо». Потом окончил факультет журналистики Ростовского университета. Но собственно журналистикой занимался недолго. Увлёк бизнес. Время было такое: 91-й год. Тогда только ленивый этим не занимался. Вот и я попробовал, и получилось. Более того: появились первые «дурные деньги». В том смысле, что большие. А мне всего — 22 года. Купил в Нальчике телеканал. Кажется, это был первый частный телеканал в республике.

Понимание, что СМИ — бизнес, пришло позднее. А вначале телеканал был для меня скорее красивой игрушкой. Или красивым самообманом.

Но очень скоро мне пришлось убедиться, что СМИ — это бизнес, и очень серьёзный. Вот уже десять лет я прихожу на работу в восемь утра и ухожу — в десять-одиннадцать вечера. И останавливаться нельзя. Бизнес — это не та вещь, которая пребывает неизменной. Это или прогресс, или регресс. Сегодня у меня самое успешное агентство в Кабардино-Балкарии. Но мы распространяем свою «продукцию» и на всем Юге России, заявляем о себе и в других регионах.

Где-то в глубине души я очень жалею, что не остался журналистом. Я медийный, но администратор. То есть, прежде всего, менеджер.

Можно по-разному относиться к этой профессии: журналист. Если сейчас провести социологический опрос, то, конечно, большинство населения ничего хорошего о журналистах не скажет. Я и сам понимаю, что наша пресса — вовсе не невинная девушка с горящими глазами. Но время идет, а я по-прежнему как-то очень романтически воспринимаю эту профессию. Хотя и сознаю, что в журналистике так же, как везде — интриги, дрязги, конкуренты... И все же... Глубинная сущность профессии «журналист» — очень красивая. И честно говоря, когда у меня есть время переживать, я переживаю, что ушел из этой профессии.

Я человек — абсолютно не светский. С 1991 года вся моя жизнь: с работы на работу. Исключение — Школа. Школа, кроме всех других радостей, это вкрапление меня в определенную светскость. В совершенно несвойственное мне времяпрепровождение. Это возможность *вдумчиво* разговаривать с интересными людьми.

В политике для меня важны идеи, а не личности. Поэтому любимых политических лидеров у меня нет.

О себе могу сказать, что махровый правый. И интересует меня все, что правее центра.

Говорят: счастлив тот, кто живет в эпоху перемен. Или: счастлив, кто живет в согласии со временем.

А я предпочел бы, чтобы время шло несколько отдельно от меня. Мне кажется, самое главное: наполнять свое собственное время чем-то важным и радостным.

У меня есть замечательные друзья. Слава Богу, не в бизнесе. Видимся мы не очень часто, но я знаю — это замечательные друзья. Ведь люди дружат потому, что для этого есть некая духовная потребность, а встречаются потому, что есть повод.

Я — не типичный кавказец. В традициях кавказского мужчины, кабардинца в особенности: построить себе роскошный дом, купить шикарную машину и т.д. А у меня нет своего дома, есть просто обычная квартира. Зато у меня четырехэтажный офис в центре Нальчика. На ремонт этого офиса я затратил огромную сумму денег, которую мог бы потратить на какие-то личные блага.

Короче, мое отношение к деньгам: деньги — это не то, что в кошельке, а то, что в голове.

Записала Зоя Ерошок, обозревателъ «Новой газеты»

Европейский союз

*Энн Дэйтон, преподаватель Оксфордского университета,
член совета Королевского института международных отношений;
обладательница премии Жана Монне – главной награды Европейского союза*

Европейский союз — это, по-видимому, самая значительная региональная организация в мире. И притом необычная, ни на какую другую международную организацию не похожая. Говорят, Мадлен Олбрайт однажды сказала, что для понимания Евросоюза надо быть либо гением, либо... французом. В этом есть нечто кафкианское.

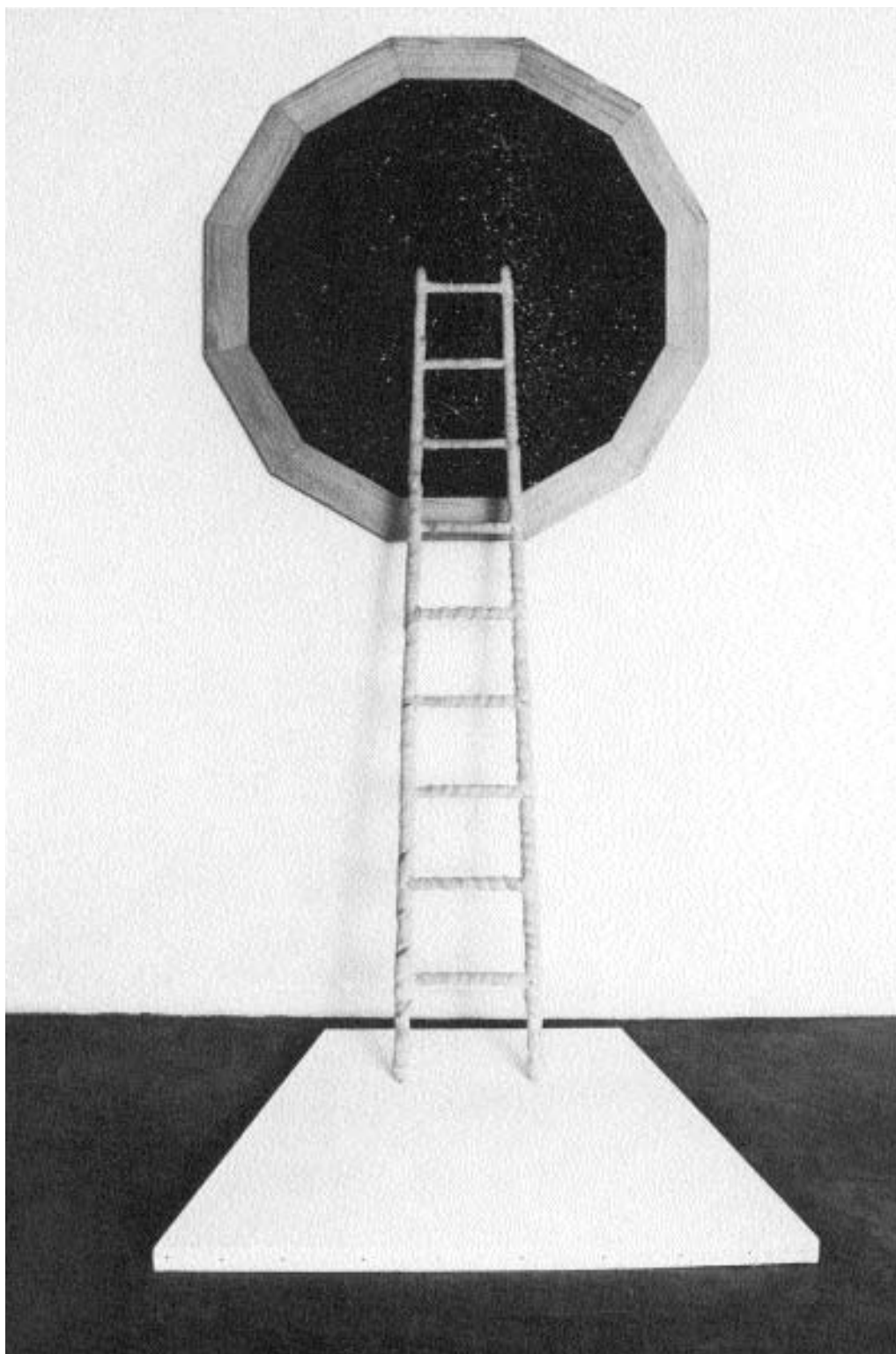
В основании ЕС лежит Римский договор 1957 года, который неоднократно поправляли и изменяли. Цель, которой он сегодня служит, четко не определена. Разве что указана перспектива образования «все более тесного союза». Налицо объединение 15 государств, очень разных по размерам, следующих разным национальным политическим традициям, говорящих на разных языках.

Что между ними общего? Прежде всего, добровольность объединения. Вступать в Союз никого не принуждают, и на прием в него каждой новой страны должны давать согласие все государства-члены. Все они со-

гласились связать себя общим набором правил и законов, в соответствии с которыми выносит свои определения, обязательные для исполнения всеми членами ЕС, Европейский суд. Так что, создав Союз, государства теперь сами вынуждены меняться сообразно его требованиям. Евросоюз коренным образом отличается от НАТО, хотя многие государства входят в обе организации. Изначальной миссией НАТО была оборона. Цели и задачи НАТО, в отличие от ЕС, не затрагивают повседневной жизни стран-членов. Наличие глубоких различий между НАТО и Евросоюзом может вызывать удивление, но они действительно существуют, и две эти организации очень мало связаны между собой.

Европейский союз всегда уделял большое внимание своим международным связям. Его торговый оборот с внешним миром втрое больше американского, и на его долю приходится больше половины всей предоставляемой в мире гуманитарной помощи. Свои представительства он имеет повсюду в мире, в том числе, конечно, в Москве.

В своей политике безопасности ЕС полагается в основном на дипломатию, достижение согласия и так называемую *мягкую силу*. Это может быть причиной его медлительности, а зачастую и нерешительности. Заботится он, прежде всего, о собственной безопасности. Но располагает и набором инструментов для «поставок» безопасности «на экспорт». Есть надежда, что в обозримом будущем он сможет включить в их число вооруженную силу. Это будет очень важным шагом в жизни ЕС. Начав с политических, дипломатических и экономических мер обеспечения безопасности, Евросоюз медленно продвигается к обретению потенциала, необходимого для создания и укрепления небольших вооруженных сил. Во времена холодной войны об обзаведении собственными вооруженными силами не могло быть и речи — оборона была делом правительств или, для некоторых стран, делом НАТО. Сейчас создаются условия, которые позволят Евросоюзу развертывать войска численностью до 60 тысяч, отношения которых с силами НАТО оста-

*Клаудио Пармиджиани.
Лестница воспоминаний. 1976.*

ются нерешенной проблемой.

С региональной и более широкой международной ролью ЕС тесно связан стоящий в повестке дня вопрос о его расширении. Сейчас в Евросоюз входят 15 государств. Их число может возрасти до 25 и более. Изначально Римский договор установил, что заявление о приеме может быть подано любой европейской страной. Переговоры о вступлении идут с 1998 года с «люксембургской» (Польша, Венгрия, Чехия, Эстония, Словакия, Кипр) и с 1999-го с «хельсинкской» (Латвия, Литва, Словакия, Румыния, Болгария, Мальта) шестерки. Много лет уже рассматривается заявление Турции. Расширение — процесс медленный. Англия дождалась присоединения к ЕС 12 лет, ее заявления о приеме отклонили дважды. Почти так же долго шли дела с Испанией и Португалией. Странам Восточной и Центральной Европы тоже потребуются много времени. Их экономические и политические структуры нуждаются в серьезных преобразованиях, чтобы соответствовать требованиям, которые предъявляются к членам ЕС. Тем более, что за время рассмотрения заявок, сами требования претерпевают изменения.

Предстоящие два года будут для кандидатов трудными. Им надо будет принять на себя обязательства, оп-

Переговоры о расширении ЕС зависят от политической обстановки в самих странах-кандидатах. Если их граждане скажут «нет» — как дважды сказали норвежцы — в Союз они не вступят, и весь процесс расширения остановится

ределяемые огромным и постоянно растущим набором правил и законов, составляющим сейчас текст в 80 000 слов. Страны-кандидаты должны создать у себя условия, отвечающие стандартам демократии и рыночной экономики. Это предполагает огромную и нелегкую работу. Переговоры, идущие в Брюсселе и в самих странах-кандидатах, находятся сейчас на полпути между началом и окончанием, но есть надежда, что в большинстве случаев успешно завершатся к концу этого года.

Непростое время наступает и для нынешних членов ЕС. Финансовые и административные издержки расширения велики. Страны-кандидаты принадлежат к числу относительно бедных. Присоединение 10 государств увеличит население ЕС на 20 процентов, но его экономика возрастет лишь на 4 процента. В долговременной перспективе, однако, появится рынок в 500 миллионов покупателей — гораздо больше американского.

Между тем, общественное мнение в странах Евросоюза

за не очень-то расположено в пользу расширения. Переговоры о расширении ЕС зависят от политической обстановки в самих странах-кандидатах. Если их граждане скажут «нет» — как дважды сказали норвежцы — в Союз они не вступят, и весь процесс расширения остановится.

Внешняя и внутренняя безопасность ЕС неотделимы друг от друга. Евросоюз не сможет вести эффективную внешнюю политику, если не улучшит процедуры принятия решений. В декабре прошлого года Евросоюз созвал конвент для обсуждения своего будущего. Под руководством бывшего президента Франции В. Жискара д'Эстена 100 представителей правительств и парламентов государств ЕС и стран-кандидатов будут в течение года размышлять и дискутировать, и затем представят пакет предложений о необходимых преобразованиях.

В 1990-е годы реформировать ЕС не удалось. В результате процедуры его деятельности оказались пере-

усложненными. Всякий, кто попытается разобраться в работе его брюссельских учреждений, на собственной шкуре узнает, как там все запутано. Относительно того, чем занимается и как действует Евросоюз, общественность пребывает либо в неведении, либо в безразличии. А после расширения управлять делами ЕС станет еще сложнее. Где вы видели, чтобы комитет в составе 25 человек мог что-либо решить быстро и по-деловому?

Предстоит период внутренних сражений в ЕС. Например, между крупными государствами, желающими оставить как можно больше полномочий за собой, и малыми, предпочитающими, чтобы национальные полномочия все больше делегировались Евросоюзу, на который они полагаются, как на сильного защитника своих интересов. Соответственно, грядут и стычки между сторонниками межправительственных согласований и *федералистами* — приверженцами единоначалия Евросоюза, его превращения в подобие государства.

Некоторые европейские руководители, так или иначе, уже поделились своими представлениями о будущем Евросоюза. Президент Ширак призывает создавать Объединенную Европу государств. Премьер-министр Блэр заявил, что он не жела-

ет появления европейского сверхгосударства.

Надо надеяться, что до конца текущего года все 15 членов ЕС ратифицируют заключенный в Ницце Договор, очень существенный для формирования институтов расширенного Евросоюза. Вместе с тем группа стран-кандидатов будет приглашена вступить в ЕС — вероятно, на декабрьском заседании Европейского совета в Копенгагене. Затем, год спустя, будут приняты какие-то решения сообразно выводам конвента. Его работа предполагает, что все страны «выкладывают карты на стол», и в этом заключается определенный риск. Но какая же игра в карты не сопряжена с риском? Должна будет состояться еще одна большая межправительственная конференция. Она изменит принятые в ЕС правила и предложит новый основополагающий договор.

Будет продвигаться вперед и формирование европейской политики безопасности и обороны — но медленно. Отношения между НАТО и ЕС в этой области не определены, но ЕС связан обязательством работать в этом направлении.

Нельзя не упомянуть, что и НАТО собирается расширяться. Так что в Европе намечается *двойное расширение*. Семь стран-кандидатов на вступление в ЕС имеют в виду войти и в НАТО. В

обоих случаях расширение не мыслится как процесс, закрытый для тех, кто в нем непосредственно не участвует. Характерный пример — привлечение к сотрудничеству с НАТО России и предложение образовать с ее участием группу двадцати.

В начальные годы своего существования ЕС, строго говоря, не был *Esponoy*. С распространением Евросоюза на все большие пространства европейской территории он становится серьезной региональной державой. Это укрепляет надежду на образование все более обширной зоны, где будут господствовать право и относительный мир. Это очень честолюбивый замысел, осуществление которого сопряжено с трудностями. Перед Евросоюзом стоит задача обеспечить Европе условия безопасного развития в глобализующемся мире. Есть все основания надеяться, что он со временем сможет решить эту задачу. Но пока впереди у него — трудное время.

«Claves de Razón Práctica»

«**Е**сли стрела вложена в лук, она должна начать свой полет». Так озаглавил Рафаэль Санчес Ферлосио статью, которой открывался первый номер журнала «Claves de Razón Práctica» («Ключи практического разума», Мадрид, Испания) весной 1990 года, через несколько месяцев после падения Берлинской стены. Это заглавие вполне могло бы стать метафорическим выражением намерений основателей журнала, решивших «вывести на арену» темы, наиболее беспокоившие общественное мнение, и таким образом, создать основу для дискуссии, размышлений, анализа. Не случайно тот первый номер завершался статьей Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?».

С тех пор минуло 12 лет, и уже вышло 122 номера журнала. На его страницах, наряду с такими известными зарубежными авторами, как Ален Турэн, Даниэл Белл, Альберт Хиршман, Адам Михник, Паоло Флорес Д'Арке и Рышард Капуцински, выступают признанные и авторитетные писатели, историки и интеллектуалы нашего языкового ареала — Хорхе Семпун, Октавио Пас, Марио Варгас Льоса, Франсиско Айала, Гильермо Кабрера Инфанте, Хавьер Мариас, Сантос Хулиа, Франсиско Кальво Серральер, Карлос Гарсиа Гуаль.

Многие авторы, начавшие свой путь на страницах журнала, ныне сотрудничают в наиболее представительных изданиях общественной мысли.

В своих публикациях «Claves» поднимает главные темы современности: эмиграция, смешение культур, ксенофобия, коррупция, судебная власть, финансирование партий, наркотики, проблемы Страны Басков и терроризма, будущего демократии и экономической глобализации. Равным образом, мы уделяли и уделяем внимание событиям международной жизни: распаду Советского Союза, воссоединению Германии, положению в Латинской Америке, достижению мира на Ближнем Востоке, выборам в США, последствиям войны в бывшей Югославии. После 11 сентября пользующиеся международным признанием интеллектуалы и историки (такие как Норман Бирнбаум, Джованни Сартори, Майкл Вальзер, Зигмунт Бауман, Фернандо Рейнарес, Фернандо Вальеспин, Рафаэль дель Агила, Гема Мартин Муньос, Антонио Элорса, Уго Питтоне, Хосе Мария Ридао и другие) выступили с изложением своих точек зрения на причины и последствия этого события.

Начав свой полет, стрела поражала разнообразные мишени: «Claves de Razón Práctica» стремился удовлетворить также и интеллектуальную любознательность тех читателей, что заинтересованы в освещении событий культуры. В журнале есть разделы, посвященные комментариям о книгах, очеркам о науке, философии, театре, кино, беллетристике, религии, антропологии, психологии, биологии, аудиовизуальной культуре и даже футболу! Кроме того, были опубликованы диалоги с такими видными деятелями, как Габриель Гарсия Маркес, Октавио Пас, Карл Поппер, Шломо Бен Ами, Вацлав Гавел, Владимир Путин.

Нам не удалось бы до конца выполнить нашу задачу, не будь на страницах журнала дискуссий по таким разным темам, как поэзия, республиканизм, клонирование, скандал с «Сокалом». Начало полемике по последней теме положила статья Игнасио Санчеса Куэнки, озаглавленная «Академическое шарлатанство», в которой рассказывалось, как один автор обвел вокруг пальца представителей крупного издания и добился публикации текста, состоявшего из набора несуразностей, приправленных цитатами из известных писателей.

Сегодня, подводя итоги прошедших двенадцати лет, мы испытываем удовлетворение от того, что примерно двадцать тысяч наших верных читателей уверены: идеи, размышления, анализ на страницах журнала исходят от ряда влиятельных авторов, которые стремятся к разработке ключей интерпретации и информации, необходимых для конструктивной критики и поощрения неизменно интересной интеллектуальной полемики.

В заключение напомним лозунг, которым мы руководствуемся постоянно и который отражает наши цели: «Подкреплять доводы данными и данные доводами».

*Нурия Клавер,
ответственный секретарь журнала*

Ислам: множественность культуры и терроризм

*Антонио Элорса, преподаватель
Мадридского университета Комплутенсе*

Возможно, трагедия 11 сентября имеет и некий положительный эффект, напомнив США и западному миру в целом о его уязвимости и ответственности. Настал час, когда они сами должны проявить заинтересованность в проведении активной политики как в экономическом плане для борьбы с бедностью огромной части населения в «третьем мире», так и в чисто политическом, для преодоления узкой правоты империалистического по своей сути государства, оказавшегося в кризисе, подобном тому, что затронул права палестинского народа и Израиля.

Было бы, однако, ошибочным объяснять вторжение макротерроризма в Нью-Йорк и Вашингтон стремлением к справедливости. Главным здесь все же остается варварский характер терактов. Усама бен Ладен вовсе не великодушный разбойник, сеющий смерть в Америке от горя при виде слез угнетенных, также как и дело талибов не имеет ничего общего с исламским социализмом. Об этом уместно напомнить, дабы не ставить с ног на голову соотношение между жертвами и палачами. Ибо ничто не может оправдать расправу над гражданскими лицами 11 сентября.

Анализ следует сфокусировать на главных актерах трагедии, избегая дымовых завес в виде обобщений о политико-экономической эволюции арабского мира или рассуждений о компетентности или некомпетентности тех, кто повествует об ужасах «иудео-христианской» цивилизации, что, по мнению некоторых исламологов, только приведет к искаженному и антиисламскому видению действительности.

Перед нами — хотя и сложное, но в то же время, при использовании светского, позитивистского подхода — прозрачное явление: деятельность в условиях глобализации широкой террористической сети, имеющей смысловой стержень в виде исламского фундаментализма. Словосочетание «исламский фундаментализм» ни в коем случае не означает, будто ислам является террористическим по своей природе: речь идет о конкретном виде терроризма, ориентированном на ислам. Мы также говорим об «ирландском терроризме», «итальянском фашизме», «еврейском терроризме», «буддистском пацифизме» или «католическом интегризме», имея в виду конкретную понятийную ориентацию.

** Antonio Elorza. Islam: Pluralidad Cultural y Terrorismo. «Claves de Razón Práctica». № 119, Enero-Febrero 2002, pp. 8–16. Печатается с сокращениями.*

Кое-кто писал, будто «исламский фундаментализм» это «нечеткий» термин, «амальгама», созданная авторитарными «арабскими политическими лидерами» с репрессивными целями и принятая «воображаемым жителем Запада». В таком утверждении есть своя правда, поскольку оно подчеркивает наличие весьма неоднородных течений внутри общего знаменателя. И, тем не менее, обвинение в «амальгамности» базируется на весьма хрупкой основе. Учитывая, что любой автор-профессионал знает, что такое плюрализм, и умеет отличить в сфере идей и практики египетского «брата-мусульманина» от «талиба» и их обоих от последователя Хомейни. Вопрос же заключается в том, сохраняет ли, несмотря на это, свою действенность общий знаменатель. Основываясь на анализе различных интегристских и/или фундаменталистских движений и идеологий, ответ на этот вопрос будет однозначно положительным.

Возврат к истокам

Понятия «интегризм» и «фундаментализм» различаются между собой и одновременно пересекаются. Эти два термина попали в словарь не из ислама, а из христианской мысли (католической в случае с интегризмом, протестантской — для фундаментализма) и прекрасно применимы к аналогичным явлениям в истории иудаизма.

Согласно определению французского словаря «Робер», интегризм — «позиция тех, кто отрицает эволюцию какого-либо учения». Следовательно, он предлагает истину определенного учения как нечто неизменное и не допускающее какой-либо ревизии. Эта заикленность ортодоксии на интегризме сопровождается призывом вернуться к исходной точке веры. Речь идет об авторитарной утопии, направленной на создание закрытого общества посредством исключения любого процесса перемен, как тех, что могут возникнуть в будущем, так и тех, что уже совершились и

являются с точки зрения интегриста деградацией. Фундаментализм также есть позиция, радикально отрицающая любые перемены, но в данном случае ссылающаяся на учение текста, который считается священным. В этом суть позиции огромного большинства верующих в исламе по отношению к Корану. «Интегризм» и «фундаментализм» рождаются в ответ на процессы перемен и модернизации. Но являются в определенный момент контридеологиями, поскольку их возникновение отвечает потребности разных групп верующих устранить угрозу предыдущему состоянию идеологической монополии.

Ислам — это религия власти, которая жидется на сочетании трех кругов владычества. Центральный и определяющий круг касается абсолютного и безоговорочного принятия существом, обращенным в веру, подчинения Творцу, которое выражается в простом и непреложном исповедании веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет Пророк Его». Власть Аллаха проецируется безгранично согласно формулировке *хадиса*: «Земля принадлежит Богу и мусульманам». Второй круг имеет в качестве центра гегемонию общины или *уммы* верующих над любым другим человеческим коллективом. Третий круг предлагает еще один вид воздаяния, которым не следует пренебрегать, — божественную санкцию на патриархальность: «Мужья стоят выше жен, потому что Бог дал первым преимущество над вторыми». На протяжении истории ислама появление внешних факторов, нарушающих любой из этих трех кругов, неизменно вызвало весьма агрессивную реакцию, направленную на форсированный возврат к удовлетворительному балансу исконных факторов.

Упомянутый баланс власти достигался в истории ислама посредством разнообразных формул, однако он вступил в период кризиса в XIX веке, когда значительная часть исламского пространства оказалась в режиме колониальной зависимости от европейских держав, а позднее к этому добавилось воздействие западных обычаев и ценностей.

Ларри Товелл.
Газа, 1993.

Отсюда влияние идей и форм европейской модернизации на мусульманские элиты, которое сопровождалось среди них возникновением более-менее миметических течений, а их крах открыл дорогу для поворота к «общинному патриотизму». Данный поворот оказывался более интенсивным по мере того, как это внешнее присутствие становилось более очевидным во второй половине XX века, когда демографические и политические изменения привели к растущему уровню социальной конфликтности и неблагополучия.

Экономические процессы, обостряющие неравенство и, как следствие этого, политический процесс, являются эндогенными, в связи с чем демократия отсутствует во всем арабском мире. Альянс Запада с различными автократическими правительствами — фактор, достойный осуждения, но лишь дополнительный. Эндогенным является также и образование групп религиозных и интеллектуальных деятелей, выступающих за возврат к истокам ислама в качестве единственного выхода. Именно сочетание поворота к религиозной культуре и осуждения модернизации, расцениваемой как принятие сатанинских ценностей Запада, лежит в основе развития спирали интегризма. Болезненные симптомы могут возникать при этом даже в особо обостренной форме в тех социальных слоях, которые выигрывают от модернизации, приспособляются к технологическим переменам, но пытаются с позиций власти поддерживать религиозные ценности и обычаи, присущие традиционному обществу. Таковы истоки бунтарского движения, вспыхнувшего в Саудовской Аравии и позднее оформившегося в террористическую сеть бен Ладена. Эволюция мировой экономики под знаком глобализации благоприятствует этому проекту архаизирующего прорыва: в конце концов, ислам по своему призванию является религией всемирного масштаба.

Однако отказ от современности может осуществляться и посредством техники, с использованием специфически современных

форм связи и общения. Здесь нет ничего нового, ибо на протяжении XX века найдется немало примеров подобного слияния иррационализма, обращенного к идеям прошлого и современности, поражающей своими формами воздействия на общество: итальянский фашизм и немецкий национал-социализм также, как известно, предполагали возврат к досовременным формам насилия, оснащенным набором технологических новаций. Равным образом не следует обращать особого внимания и на настойчивое упоминание о социальной справедливости порядка, основанного на шариате: применение *цаката*, обязательного коранического подаяния, там, где оно действует, означает освобождение от налогообложения для богатых.

В рамках школы, имеющей значительное большинство в мусульманском мире, — суннизма или традиционализма, сама конфигурация верования со времен средневековья благоприятствует как повороту к интегризму, так и развитию фундаменталистского измерения. Здесь возникает существенная разделительная линия. В суннизме содержание явленной истины не допускает каких-либо изменений с того момента, когда прекращается возможное восприятие сентенций или назидательных деяний, исходящих из жизни Пророка. Коран представляет собой ядро корпуса учения сунны или традиции, закрытой начиная с IX века. Его практическим и неизменным выражением является шариат, священная норма, вокруг которой правомерно лишь устанавливать правовые толкования. В шиизме же, напротив, теория об имаме как непогрешимом рупоре явленной истины, и принятие рационального толкования Корана («*акль*») открывают возможности для интегристской позиции, которая, допускает изменения в учении, а значит и большую приспособляемость к современности, но неизменно в рамках сущностного отрицания системы западных верований.

Возврат к первоначальным золотым временам допускает также использование на-

сия. Не следует забывать, что Магомет, в отличие от Будды или Христа, был вооруженным пророком и что в Коране превосходство *уммы* верующих коренится не только в проповедничестве, но при необходимости и в победоносном противоборстве с неверующими. Поэтому нередко становится столь тонкой линия, отделяющая политический интегрзм от мятежного или террористского. Учитывая факт легитимности применения силы против врагов Бога и полное подчинение средств этой главной цели. Как это произошло в ходе междоусобной борьбы между мусульманами еще в конце XI века, когда шиит Хасан-и Саббах основал секту благочестивых фидаев, более известных под названием ассасинов. И в 1092 году Старец Горы добился первого успеха, организовав убийство визиря Низама ал-Мулка. Его радость по этому поводу была знаменательна: «Казнь этого демона — вот начало счастья». Комментарии муллы Омара и Усамы бен Ладена после того, как 9 сентября они узнали об убийстве в стиле ассасинов генерала Массуда или двумя днями позже — об ударе, нанесенном Аллахом, по выражению бен Ладена, новому американскому сатане, на мой взгляд, немногим отличаются от этого восклицания. Мы можем провести четкую аналогию между двумя, разделенными девятью веками, кровавыми формами разрешения конфликтов во имя веры. Сектантский вариант ислама без всякого труда уже проявлялся в виде религиозно-политического терроризма.

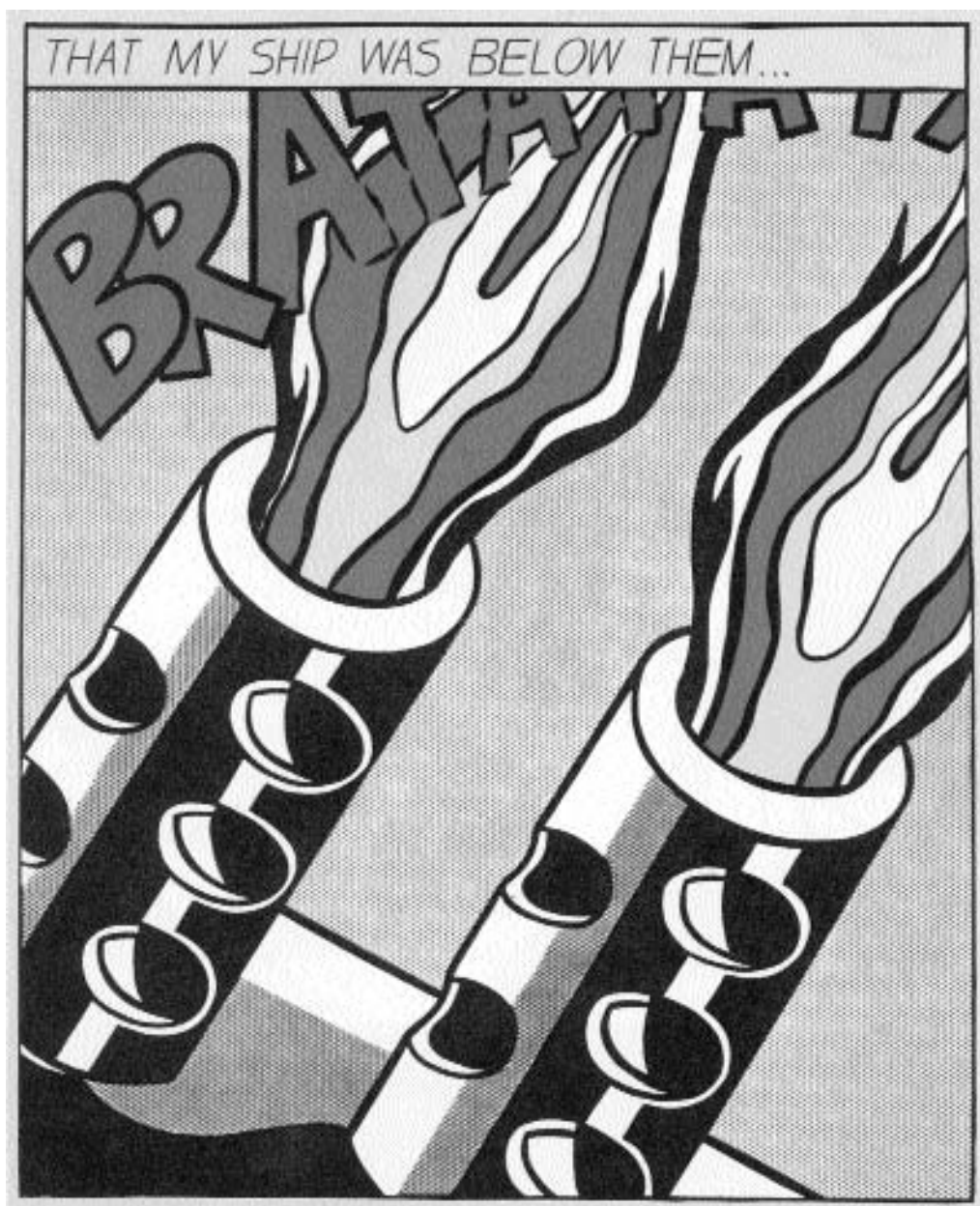
Власть Аллаха

С конца XIX века подчиненное политико-экономическое положение исламского мира по отношению к Европе приводит к последовательным всплескам мусульманской мысли, ищущей ответа на безостановочный, как кажется, упадок. Часть элиты делает ставку на модернизацию, которая в конечном итоге воплощается в первой четверти XX века в попытках светских ре-

волюций сверху (пример Турции Кемала Ататюрка). Религиозные деятели — муллы и улемы — противостояли этому всеми силами во имя порядка, основанного на кораническом законе.

Вторым возможным решением стал поиск средства для возрождения в возврате к исламу прошлого. В 20-е годы таким средством станет обращение к опыту халифата, во времена которого ислам достиг особого величия. Решающие шаги на пути к исламизации последуют из Египта — страны, испытывавшей наиболее интенсивные контакты между исламом и современностью, а потому способной более сплоченно отвергнуть западные ценности. Именно там в 1928 году Хасан ал-Банна создает движение «Братьев мусульман».

Тем не менее, именно в шиитском мире на удивление быстро возобладает в 1979 году интегртская альтернатива различным формам социально-политического «озападнявания». Революция, начатая аятоллами, будет располагать социально-политическими и доктринальными ресурсами, немислимыми для суннизма. Прочно устроенное в социальном и политическом плане духовенство, обеспеченное значительными материальными средствами и, главное, легитимностью священного происхождения, дабы выступать в качестве противовеса авторитарному насаждению светских ценностей, проводимому династией Пехлеви. В тексте Корана нет слов, позволяющих назначать легитимного правителя милостью Божьей на манер христианского монарха. Если правитель нарушит закон Бога, он может быть казнен, как это произошло с Анваром Садатом в Египте в 1981 году, но власть не сводится к общине. В силу этого суннитский интегрзм неизменно сталкивается с серьезными трудностями при определении формы государства. У шиизма же, напротив, имеется теория об имамате, исходящая из исключительности Али и его последователей. Это не пышное магическое верование. На его основе следует принять созидание совершенного исламского общества на земле, основанного на власти вождя.

*Рой Лихтенштейн.
Открыть огонь! 1964.*

Суть исламской революции однозначно фундаменталистская, даже если на нее влияет роль толкования, признанная шиизмом. Верховенство ислама над политической и социальной жизнью не допускает ограничений. «Аллах — свет, остальное — тьма». Можно принять технологию Запада, но не его коррумпированность: «Любое со-

держание цивилизации и модернизации дозволено в исламе, кроме того, что развращает характер и разрушает добродетель». Таким образом, исламская революция Хомейни опиралась в качестве базы на крупные ресурсы в сфере идеологии и власть шиитского духовенства. Революция этого типа, в отличие от суннитского интегризма, намеревалась не вернуться к истокам ислама, а установить ценности исламского прошлого над современным обществом.

Роль обоих протагонистов в Иране прекрасно очерчивается. Один — сверху: «Духовенство — это великая сила; так что при его утрате, да не допустит этого Аллах, устои ислама рухнут, и власть врага не встретит никакого сопротивления». Другой — снизу, как необходимая опора: «Народ свободен, кроме случаев, когда он желает творить зло». «Внимание народа да не будет привлечено к чему-либо, кроме как действием духовенства». Трения между двумя уровнями неизбежны, но при этом чрезвычайно оптимистично звучат утверждения о «трансформации системы в рамках линии преемственности, направленной на ее либерализацию и демократизацию». Преимущество консерваторов неоднократно подтверждалось в каждом из конфликтов. Ведь гнет существует и, кроме того, является непреложным техническим условием для поддержания режима.

Террор был спроецирован на внешний мир с момента устранения в Иране представителей оппозиции в изгнание по классической схеме отправки командос, прикрывавшихся дипломатическим статусом. Так, в частности, был убит бывший премьер-министр националистического правительства Шапур Бахтияр. Террор стал также основным компонентом деятельности «Хезболлах», экспортированной из Тегерана в Ливан. Лишь благодаря выступлению реформатора Хатами, принимавшего в Тегеране организацию «Исламская конференция» в декабре 1997 года, последняя решительно осудила терроризм.

Черед ислама

Спустя, однако, примерно год происходит новая конвергенция интегристских организаций, тяготеющих к терроризму. Фатва, осудившая в 1998 году «иудео-христианский альянс», возглавляемый США, была подписана лидерами двух главных египетских организаций, Рифаи Ахмедом Таха из «Гама'а исламийа», Айманом ал-Заухари из «Джихада», а также саудовцем Усамой бен Ладен

ном. Наступает момент глобализации интегристского терроризма с исламскими корнями. Бен Ладен являет собой конечную точку в интегристском течении.

В конце двадцатых годов городские исламские элиты Египта видели в движении «Братьев-мусульман» проявление двойного противодействия: перед лицом зависимости страны от власти Запада, с одной стороны, и перед лицом растерянности самих мусульман, принимающих европейское влияние, с другой. Найденное решение выглядело весьма просто: возврат к Корану, а с ним и к Сунне, к «духу истинного ислама». Главным здесь становится проведение четкой разграничительной линии между присущими мусульманам обычаями и символами при консолидации *уммы* под знаменем Корана, и царством Сатаны, которое разделяют европейцы и мнимые мусульмане с их «дурными обычаями». Но цель регенерации не ограничивается лишь одной страной, миссия «Братьев-мусульман» представляет собой возврат к истокам в смысле намерения превратить ислам во всемирную религиозную империю. От обороны религиозного редута, которому угрожает опасность, происходит переход к проекту всемирной экспансии.

Начиная с прихода Насера к власти, будет открыт путь к заговору и насилию, которые, в свою очередь, вызовут безжалостные репрессии. Результатом явилось прочество и подлинное объявление войны цивилизаций: «Доминирование западного человека в мире людей подходит к концу, не потому что западная цивилизация находится в состоянии материального краха или утратила свою экономическую и военную мощь, а потому что западный порядок исчерпал свою роль и не обладает более совокупностью “ценностей”, обеспечившей ее преобладание... Настал черед ислама». Врата, ведущие к насилию, были открыты, ибо после объявления чего-то или кого-то «джахилем» правомочным становилось совершать нападение на данную личность или на ее имущество. Эта легитимация процедируется позднее на всякого врага ислама,

*Мича Барам.
Иерусалим, 1989.*

служа оправданием для насилия, вплоть до убийства.

Смертельная борьба интегристского терроризма в Египте с правительством, которое считается безбожным, и присутствием чужаков в исламском обществе прошла за последние два десятилетия через заметные взлеты и падения, и, видимо, терпит неудачу даже в достижении второстепенных целей, таких как отпугивание туризма. Это, однако, не означает, что подобная деятельность оказалась бесполезной, поскольку она вызвала заметный крен официальной политики в сторону капиллярной исламизации египетского общества на всех уровнях.

Среди исламских движений, вдохновленных учением «Братьев-мусульман» особую роль приобретает алжирский Исламский фронт спасения (ИФС), явивший собой яркий пример возможного соединения интегризма и демократии, причем данный опыт был прерван диктаторским режимом, поддержанным с Запада. В отличие от «Братьев-мусульман» ИФС не является отправной точкой, поскольку создается в марте 1989 года как результат исторического процесса, в ходе которого массы верующих, разочаровавшиеся в популистском проекте ФНО, обращаются к популизму мечетей, наводнивших алжирский пейзаж вследствие реисламизации, начатой государством после обретения независимости.

Пуританизм и теффор

Вторая интегристская тенденция, которую мы обозначили под знаком традиционализма, на деле также является реакцией, только это качество восходит к древним временам. Ее корни уходят в собственную внутреннюю логику суннитского ислама: даже если и правомочно рассматривать в различной правовой перспективе содержание священных текстов, всегда уместно выдвинуть требование о том, чтобы данная процедура совершалась в рамках полного уважения

указанных текстов. Именно так и поступает в IX веке имам Ахмад ибн Ханбал, предложивший действовать в духе строгой верности «праведным предкам» времен Пророка. Так родилась занимающая центральное место в интегризме легенда о золотом веке ислама, которую всегда можно противопоставить переменам, расцениваемым как признак вырождения.

Сплоченность и воинственный дух бедуинов, окрепших благодаря религиозной вере, направлены против упадка городов. Полвека назад историк исламской мысли Э. И. Дж. Розенталь представил ваххабизм как религию бедуинов, которая еще была жизнеспособной в такой отсталой среде, как Саудовская Аравия, возникнув из восстания воинственных защитников идеи единственности Бога в первой трети века. Автор не учитывал того потрясения, которое произведет долларový дождь, пролившийся на саудовское королевство благодаря экспорту нефти. Коррупция захватила властителей правящей династии, но сами они не преминули утвердить свою власть на авторитете улемов-ваххабитов, навязавших такую форму общества, которая характеризуется господством шариата, неприятием современных форм досуга, доходящим до нелепых крайностей, абсолютным подчинением женщины и экспортом интегризма на весь суннитский ислам.

Именно так бывшие бедуины, обогатившись до пресыщения, превратились в сторонников джихада и террористов, но не из любви к социальной справедливости, а из-за неприятия осквернения, которым, на их взгляд, являлось любое западное присутствие на священной земле ислама, и, особенно, присутствие главной державы неверных, Соединенных Штатов Америки, после войны в Персидском заливе. На карту поставлена победа в состязании за власть, и победа эта должна достаться исламу и, следовательно, Аллаху. Старая борьба с шиитами и с отрицающими унитарность суннитами уступает дорогу не менее напряженной, решительной конфронтации с Западом, получившей большую актуальность в связи с

военной победой над СССР в Афганистане. «Если можно разрушить Россию, то США следует обезглавить», — заявил Усама бен Ладен в 1997 году.

Послание, оправдывающее теракты, опубликованное 7 октября, доказывает, что в лице бен Ладена нашли актуальное проявление основополагающие принципы ваххабитской мистики очищающего действия. Для начала террористы — лишь простые исполнители воли Аллаха, от которого они получат воздаяние в «высочайшем краю на небе». Перед величием Аллаха вздымались злодеяния, совершенные крупнейшей державой неверных. В качестве алиби приводятся Палестина и Ирак, но глубокие корни страданий вовсе даже не арабской, а «исламской нации» — иные: «унижение и бедствие», «осквернение ее священных мест». Поэтому ислам требует восстановления власти, а это может быть достигнуто только через победу над врагами, описанными в коранических терминах как «неверные, за которыми следуют ханжи». Правила истребления «такфиризма» приводятся в действие в апокалиптических рамках. Всякий неверный на священной земле ислама оскверняет ее, и любой мусульманин должен участвовать в этом джихаде вселенских масштабов, чья форма технически не может быть иной, чем террор.

Заключение

Не упуская из виду весомость политических ошибок и неравное соотношение в экономическом плане, отметим, что причины, приведшие к прорыву исламского терроризма в мировом масштабе, носят эндогенный характер и связаны с формированием активных меньшинств, которые на основе интегристских концепций пытаются положить конец модернизации нравов и верований, предлагая либо возврат к счастливым временам изначального ислама (суннитские формы интегризма), либо создание современного общества в соот-

ветствии с его ценностями (революция Хомейни).

Эндогенным является и путь, который на основе принципиального и выборочного чтения Корана ведет с фундаменталистских позиций к радикальному противопоставлению между ортодоксией, воплощенной в абсолютной верховной власти Аллаха, и любыми отклонениями или стремлением к терпимости, неважно, исходят ли они от умеренных мусульман или от неверных. Лишь джихад может решить исход этой битвы между Богом и Сатаной, между чистотой ислама «праведных предков» и неверием, которое несет с собой влияние Запада. Телеологическое измерение интегризма ведет, таким образом, к террору, осуществляемому активными меньшинствами, чьи претензии на ортодоксальность, тем не менее, влияют на умы мусульманского мира, переживающего кризис. Именно поэтому продвижение интегризма вперед наблюдается, прежде всего, в плоскости его общественного измерения.

Перевел с испанского
Александр Казачков

Швеция: современные зарисовки

Два траура

Весной 2002 года шведы хоронили двух людей. Обе церемонии проходили в кафедральных соборах и в присутствии высокопоставленных должностных лиц, обе транслировались по телевидению, и каждая по-своему рассказывала о политическом климате современной Швеции, о состоянии шведской демократии и о том, насколько страна меняется с течением времени.

Не буду особо задерживаться на первых похоронах, проходивших в главном соборе Стокгольма. На этой церемонии присутствовали король, премьер-министр (сказавший одну из трех траурных речей), родственники и друзья, многочисленная читающая публика. То было прощание с Астрид Линдгрэн, превратившееся в событие государственного значения. Впервые, с похорон Августа Стриндберга в 1912 году, шведский писатель смог вывести на улицы такие толпы.

Для русской аудитории, по моему мнению, очевидно, что у великого писателя должны быть последователи. Шведы в этом отношении более сдержаны, но в данном случае имело место действительно большое событие, эмоционально значимое для всех шведов, которые вдруг поняли, что в стране был человек, лично связанный с каждым, от двухлетнего ребенка до короля. Детская писательница обрела статус национальной святой — хотя сама Астрид, с ее рационализмом и практичностью, едва ли согласилась бы с этим.

Но вот вторые похороны представляли собой нечто такое, о чем несколько лет назад нельзя было даже и помыслить. Прощание проходило в знаменитом кафедральном соборе Упсалы. Гроб был усыпан белыми гвоздиками, вокруг него стояли наследница престола, спикер парламента, глава министерства экономики и равных возможностей, губернатор Упсалы — все, кстати, женщины. Церковную службу также вела женщина; гроб несли девушки и женщины в черном; единственным мужчиной в первом ряду был архиепископ. Собор был переполнен женщинами. Похоже на своеобразную демонстрацию, не правда ли? Это действительно была демонстрация, которая должна была показать, что у шведов есть чувство собственного достоинства.

Хоронили Фадим Сахиндаль, 26-летнюю девушку курдского происхождения. Ее хладнокровно и обдуманно застрелил

Дуса Хостад,
обозреватель газеты
«Dagens Nyheter»

собственный отец. Это, объяснял он потом, было необходимо: девушка опозорила семью и сделалась «шлюхой», подружившись со шведским парнем, который не был выбран ее родителями. Фадим была не первой молодой иммигранткой, погибшей от рук своих родственников — на сегодняшний день известны, по меньшей мере, два аналогичных убийства. Но случай Фадим был особым. У нее была светлая голова, она выступала по телевидению, где говорила о праве на самостоятельную жизнь и об опасениях быть убитой. Поэтому ее гибель вызвала мощную общественную реакцию. Если ее погубила «культура», то подобная культура не заслуживает бережного к себе отношения. В убийстве Фадим усмотрели доказательство того, что шведская иммиграционная политика потерпела крах: Швеция не сумела по-настоящему вобрать в себя тех людей, которых когда-то приняла. Наша страна не смогла вдохнуть в них те ценности (включая уважение к праву), которые присущи западному миру. Швеция оказалась не в состоянии защитить этих молодых женщин, «зависших» между двумя культурами и, вполне буквально, рисковавших своими жизнями. Новые паспорта, ненастоя-

щие фамилии, конспиративные квартиры — мрачный инструментарий, отсекающий от общества, но ничего, увы, не гарантирующий.

А в основе подобных историй — сложнейший вопрос: способны ли иммигранты и беженцы* начать новую жизнь в нашей стране? Как им найти такую работу, которая не делала бы первое поколение переселенцев «потерянным»? Надо ли, как это принято в Дании, заставлять их работать, или же им и дальше будет позволено пользоваться специальными пособиями и оставаться смиренными «клиентами» шведского государства?

Сегодня более десяти процентов нашего населения родились за пределами Швеции или имеют родителей, появившихся на свет за рубежом. Среди приезжих выше показатели безработицы. Есть серьезные опасения по поводу того, что дети из иммигрантских пригородов, практически не знающие шведского языка (или, вернее, разговаривающие на его диалекте), впоследствии сформируют пролетариат из «полушведов», обездоленных и ожесточенных.

Кто бы мог подумать, что молодая иммигрантка Фадим Сахиндаль будет воспринята шведским обществом столь серьезно? К ее

желанию быть погребенной в кафедральном соборе Упсалы — желанию мусульманки! — пять лет назад никто и не прислушался бы. Но что-то произошло. Мы в тревоге, мы чувствуем за собой вину, поскольку не уберегли ее. Именно из-за этого ее похороны прошли столь торжественно, с участием членов королевской семьи, депутатов, министров. Принцесса Виктория, ровесница Фадим, настояла на своем участии в церемонии, ибо просто не могла поступить иначе.

И это не случайно. Королевская семья сегодня использует любую возможность, чтобы выступить против ксенофобии, а ее члены постоянно подчеркивают, что они сами — потомки иммигрантов. Мы не знаем, есть ли в Швеции реальный потенциал для распространения фашизма. Но наша страна не избежала притока ретроградных идей, встречающихся ныне в большинстве европейских государств.

Конец «шведской модели»

В 60–70-х годах Швеция провозглашалась образцовым обществом. Одни считали ее идеалом благодаря тому, что здешний социализм был якобы лишен недостатков. Другие рассматривали Швецию как вопло-

* С формальной точки зрения все эти люди являются беженцами, добывающимися политического убежища на гуманитарных основаниях, поскольку иммиграция в Швецию не допускается. Единственное исключение составляет воссоединение семьи.

щение «третьего пути», а в шведской «политике компромисса» видели прототип политических систем будущего. На деле все было не совсем так. Когда после крушения коммунизма вновь возникла потребность в привлекательных социальных моделях, Швеция уже не была одной из богатейших стран мира. Согласно подсчетам ОЭСР, она переместилась с четвертого места в экономическом рейтинге на более скромное семнадцатое. Разумеется, интерес к «шведской модели» быстро угас. Не была ли «шведская модель» мифом? Ведь страны Западной Европы, которые шведы презирали и втайне считали менее развитыми, тоже обзавелись вполне совершенными системами социальной помощи! Что же произошло? Каким образом наша идеальная система, где власть мирно делилась между трудом и капиталом, а социал-демократы долгие годы были единственной правящей партией, пришла в упадок?

Первая ошибка социал-демократов заключалась в том, что они полагали, будто нашли окончательные ответы на все вопросы. Для многих из них было очень трудно принять возможность проигрыша выборов. Представительница левого крыла СДРП, ныне занимающая пост министра культуры, называла подобную перспективу не иначе как «путчем».

Второе заблуждение социал-демократов — считать развитие сугубо однопартийным процессом. Альтернативы их собственной политике никогда не рассматривались в качестве реальных. Такое убеждение преобладало, в частности, в профсоюзном движении, имевшем тесные контакты с «массами».

Сегодня многие отмечают, что реальный социал-демократический электорат был, по крайней мере, в два раза меньше того, каким он ка-

зался. После того, как коммунизм пал, а голосование за Левую партию — коммунистов Швеции — перестало ассоциироваться с одобрением диктатуры пролетариата или советской системы, лидеревой партии Гудрун Шиман нашла довольно много сторонников, особенно, среди низкооплачиваемых рабочих государственного и коммунального сектора.

Тот факт, что социал-демократов дважды удавалось отстранять от власти, можно

считать настоящей сенсацией. Поколение людей, родившихся в 40-х, вообще не знало других правительств, кроме социалистических. По этой причине сами попытки буржуазии потеснить Социал-демократическую рабочую партию не могли не обнадеживать. Три не социалистических кабинета, сформированные в конце минувшего века (два в 70–80-х и коалиция во главе с Карлом Бильдтом в 90-х), вдохнули новую жизнь в шведскую политику, хотя очевидно, что им и не удалось решить все стоящие перед страной проблемы.

В те годы стало ясно, что несоциалистические партии не собираются менять традиционные основы политической системы Швеции. Социальные программы не упразднились. Никто не собирался ломать сложившиеся механизмы социальной защиты и переходить к американской модели. Сохранилась и привычная для нас политика неприсоединения. Что же, в таком случае, сделали несоциалистические правительства?

Кроме того, что они убедили общество в самой возможности альтернативы, они привнесли некую толерантность в государственный аппарат. Им удалось преодолеть государственную монополию на школьное образование. Частные школы были признаны легальными и получили право на государственные субси-

дии. (Раньше официальным статусом обладали только те частные учебные заведения, в которых обучались представители этнических меньшинств). Кроме того, в конце 80-х им удалось провести решение о снижении налогов (министр финансов Кель-Олаф Фельдт назвал это событие «прекрасной ночью»).

Правительство Бильдта устояло в течение всего срока своих полномочий, но в ходе предвыборной кампании 1994 года входившая в правительство довольно сильная Народная партия либералов вдруг заявила о своей готовности вступить в коалицию с СДРП. Избиратели были смущены: они не понимали, означает ли голосование за либералов поддержку правящей коалиции или наоборот. В итоге правые потерпели сокрушительное поражение. Социал-демократы вернулись к власти, а Народная партия сместила своего лидера Бенгта Вестерберга, после чего постоянно балансирует на грани четырехпроцентного барьера.

Социал-демократы тоже обзавелись новым лидером. Йоран Перссон, провинциальный политик, не принадлежавший к университетской и партийной элите, из рядов которой обычно рекрутировались шведские министры, успешно справлялся с обязанностями министра образования, а потом министра финансов во втором правительстве Ингвара

Карлссона. Вместе с тем, формируя в 1996 году свое первое правительство, он показал себя самодовольным и грубым человеком. Было ясно, что это хороший оратор, способный очаровать публику, но даже политкорректный состав его кабинета, в котором женщин столько же, сколько мужчин, не мог скрыть того факта, что представления социал-демократов о будущем довольно скудны. Профсоюзы не допускали «правого уклона», а социальный идеал видели в «равном распределении» богатств. Но откуда возьмется это богатство, оставалось неясным. Рост производства не стимулировался, а малый бизнес задыхался под бременем налогов и бюрократических предписаний. И, наконец, с 1998 года СДРП не имела большинства в парламенте, в связи с чем была вынуждена искать поддержки у Лево́й партии, преобразованной, к разочарованию старых коммунистов, в левофеминистскую группировку.

Общественный сектор в Швеции при этом пребывал в довольно печальном состоянии. Больницы и прочие социальные учреждения приходили в упадок, испытывая серьезные трудности с финансированием. Истории о некачественном лечении и закрытии медицинских учреждений от безденежья стали притчей во языцех. Но если вы не убеждены в своей социальной за-

щите, во что вообще вы можете верить?

С одной стороны, социал-демократы не могли позволить себе потерять власть и поэтому старались не разбрасываться избирателями, по-прежнему надеющимися на бесконечный рост. Но, с другой стороны, им приходилось прислушиваться к голосу разума, который требовал латать бюджетные прорехи, а потому осторожно лавировать между рациональными и популистскими решениями. Доходило до абсурда. Например, из страха потерять наиболее серьезных капиталистов их освобождали от налога на богатство — так обстояло дело с торговым домом «Hennes & Mauritz», продающим одежду. Другие предприниматели просто уехали из страны — как основатель фирмы «IKEA», перебравшийся в Данию. Налоги же вынуждены были платить люди попроще. Достаточно сказать, что налог на недвижимость бьет в основном по пенсионерам, с огромным трудом выплатившим залоговую стоимость своего жилья. Налоги, вводимые с целью обеспечить «равное распределение», также лежат на плечах небогатых граждан, зарабатывающих честным трудом.

Но, хотя социал-демократы зачастую кажутся непоследовательными, альтернативы им практически нет. Лидеры «буржуазных» партий отстаивают непопулярную политику. Неплохой шанс

был бы у либералов — если бы не привычка сосредотачиваться на второстепенных вопросах. А правые (Умеренная коалиционная партия) утратили поддержку избирателей после отставки Карла Бильдта, ныне посвятившего себя нефтяному бизнесу. Председательство в ЕС в первой половине 2001 года укрепило позиции Й. Перссона, хотя, за исключением глав ведомств внешней политики, торговли, образования и обороны, его команда остается весьма «серой».

Шведов можно считать народом, которому присуще чувство долга и социальной справедливости. Избиратели, вероятно, предпочитают социал-демократов другим партиям только потому, что с их налоговой политикой, по крайней мере, все ясно. Они полагают, что выплачиваемые ими налоги «честны», а налоги «нечестные» их просто не касаются. Шведы ощущают острую солидарность со слабыми и обездоленными — при условии, разумеется, что те и дальше будут оставаться слабыми и обездоленными.

Перевел с английского

Андрей Захаров

Уважаемый читатель!

Обращаем
Ваше внимание
на то, что журнал
«Общая тетрадь»,
начиная
с № 3 за 2002 г.,
будет
распространяться
**исключительно
по подписке.**

Подписаться можно
по Объединенному
каталогу
«Пресса России 2002»
(зеленая обложка).
Раздел
«Российские журналы».
Индекс **45735.**

Цена
одного номера
153 руб. 09 коп.

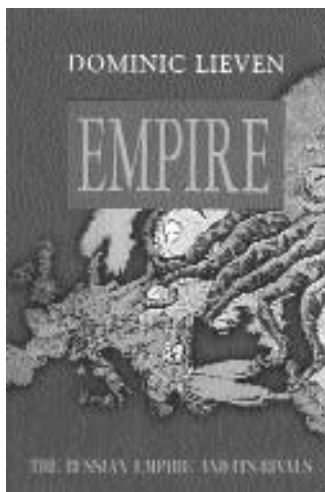
«Общая тетрадь» —
общественно-
политическое издание
о проблемах
современной политики,
экономики, права,
культурной
и общественной жизни
в России и мире.

Выходит
4 раза в год.

За разъяснениями
обращайтесь
по телефонам:
(7095) 925-89-73
(7095) 925-90-92 t/fax

e-mail:
msspskniga@co.ru

Российская империя: взгляд с Запада

Dominic Lieven.

Empire: The Russian Empire and Its Rivals.

London, John Murray, 2000. 486 p.*

Доминик Ливен, профессор русской истории из Лондонской школы экономики, увлекается историческими сопоставлениями. В отличие от историков, подчеркивающих уникальность России, он обращает внимание не только на ее особенности, но и на сходство с другими европейскими державами. Его последняя работа представляет собой сравнительное исследование государственного устройства и политики четырех многонациональных империй: Британской, Османской, Австрийской и Российской.

Но сравнительный метод полезен для историка лишь там, где сопоставляемые феномены хотя бы отчасти похожи друг на друга. Не вполне ясно, отвечает ли этому критерию понятие «империя», поскольку чаще всего создание империй провозглашается *post factum*, когда имперское государство присоединяет к себе (обычно, путем завоеваний) территории, населенные иными народами. Мысль Сили** о том, что Британская империя создавалась словно в припадке безумия, применима и к остальным империям. Это означает, что страны не принимают осознанного решения «стать империей», но просто подводят под данное понятие свои территориальные захваты, управляя приобретенными землями с помощью своих традиционных методов. По данной причине различий в подобных вопросах оказывается больше, чем сходства.

Читая книгу, невозможно избавиться от ощущения, что профессор Ливен изо всех сил убеждает себя в наличии хоть каких-нибудь общих критериев для осмысленного сравнения. Иной раз, отчаявшись, он просто отказывается от собственной затеи, предпочитая углубиться в историю интересующего его государства.

Попробуем сопоставить, например, Россию и Британию. Первая стала империей в XVI веке, покорив преемников Золотой Орды и открыв себе дорогу в Сибирь. В последующие века русские присоединили так много народов и рас, что к 1900 году стали меньшинством в собственной стране. То же самое можно сказать о Британской, Османской и Габсбургской империях.

* Рецензия была опубликована в журнале «Times Literary Supplement» 20 октября 2000 г. Печатается с сокращениями.

** Джон Роберт Сили (1834–1895) – известный теоретик британской империалистической экспансии. (Здесь и далее прим. перев.).

Но уникальность русского пути в том, что Россия приступила к строительству империи еще до того, как смогла развить чувство национальной идентичности. Это совершенно не похоже на опыт Британии и других европейских держав, сформировавшихся как нации задолго до начала внешней экспансии.

Если же принять во внимание тот факт, что русская экспансия была сухопутной, а не морской, из-за чего метрополия и колонии географически примыкали друг к другу, становится понятным, почему русские даже не догадывались, что создают самую настоящую империю.

Именно поэтому 1991 год, когда бывшие республики одна за другой отпали от России, стал для русских настоящим шоком. Следствием тех событий стала не только утрата имперского статуса, но и потеря национальной идентичности. Эта важнейшая тема, совершенно не раскрытая в работе Ливена, стала центральной для книги Джеффри Хоскинга «Россия: народ и империя»*.

Второе серьезное отличие русской политической системы от ее британского аналога обусловлено разными методами управления. Предельно централизованная российская бюрократия не допускала подлинного самоуправления. Знаменитый доклад лорда Дархэма**, заложивший основы самоуправления в Канаде, а затем в других «белых» владениях британской короны, был бы совершенно немыслим в царской России (хотя для Финляндии было сделано исключение). Или — невозможно представить, чтобы Санкт-Петербург согласился на раздел власти по образцу «австрийского компромисса» 1867 года, превратившего империю Габсбургов в дуалистическую монархию. И, разумеется, в Советском Союзе никогда не появился бы документ типа Вестминстерского статута 1931 года, в соответствии с которым британские доминионы получали практически полный суверенитет.

Третье значительное различие между Российской и Британской империями лежит в сфере культуры. Англичане не пытались ассимилировать население своих колоний, а русские активно этим занимались. В данном случае они больше походили на французов, которыми, к сожалению, автор рецензируемой книги не интересуется.

Не слишком убедителен Ливен и там, где он пытается сравнивать империи Романовых и Габсбургов. Весьма подробно излагая историю австрийского государства, он говорит о том, сколь важно было для Габсбургов добиться статуса великой державы, и какое огромное значение в этой связи они придавали военной мощи. Сходство с правлением Романовых в том, что обе династии подчиняли внутреннюю политику «военным приоритетам и соображениям международного престижа». Но тем параллель и исчерпывается.

Впрочем, если отвлечься от невероятных усилий по поиску аналогий, то в книге можно отыскать массу любопытной информации по каждому из четырех упомянутых государств.

В последней главе, посвященной распаду империй, Ливен осуждает попытки «вывести всеобъемлющий научный закон», управляющий подобными процессами. Действительно, параллелей здесь не слишком много. По словам автора,

* См.: Джеффри Хоскинг. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск, «Русич», 2000. Рецензия на эту книгу публиковалась в нашем журнале (2001, № 1. С. 107–108).

** «Доклад о положении дел в Британской Северной Америке», подготовленный в 1839 году по решению британского правительства комиссией Джона Джорджа Лэбтона, лорда Дархэма.

«экстраординарность и даже уникальность» упразднения СССР в его бескровности и целенаправленном желании господствующей нации избавиться от имперского бремени. «Ельцинская Россия распустила Советскую империю, буквально навязав независимость Белоруссии и пяти республикам Центральной Азии».

Данное утверждение нуждается в уточнении. В ходе знаменитой встречи лидеров России, Белоруссии и Украины в Беловежской пуще в декабре 1991 года СССР был упразднен не потому, что кому-то «навязали» независимость, но в силу того, что республики уже являются *de facto* суверенными. Центробежные силы, разрывавшие Советскую империю, оказались слишком мощными. Я согласен с заключительным выводом Доминика Ливена: идея воссоздания Российской империи — полная чушь. Важнейшая задача, стоящая перед нынешней Россией, заключается в том, чтобы направить национальную энергию не вовне, а внутрь, на утверждение правовых начал и жизнеспособной экономики, которая превратит страну в великую державу в современном смысле слова. Именно отсюда родится чувство национальной идентичности, не зависящее более от господства над другими народами.

Ричард Пајнс,
профессор Гарвардского университета, США

Перевел с английского *Андрей Захаров*

Terry Martin.

The Affirmative Action Empire:

Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.

Ithaca & London: Cornell University Press, 2001. 496 p.

Большинство историков, занимающихся национальным вопросом в СССР, игнорируют русских или относятся к ним, как к «существующим по умолчанию». В лучшем случае о них упоминается вскользь как о людях, которые не страдали — или не пользовались преимуществами, все зависит от точки зрения — из-за своей национальной принадлежности. Одна из сильных сторон книги Терри Мартина «Империя гарантированных прав» в том, что автор в полной мере поворачивается «лицом к русским». К тому же национальный вопрос рассматривается им не изолированно, а как часть общей картины советской политики, в связи с другими проблемами, тесно с ним соотносящимися.

Когда большевики пришли к власти, они были привержены идее мировой пролетарской революции и относились к национальному вопросу как к вторичному, но важному в краткосрочной и среднесрочной перспективе, пока человечество не переболеет юношеской хворью «буржуазного национализма». Они разработали систему мер по гарантированию национальных прав (или «коренизации»). Предполагалось, что программы такого рода будут способствовать развитию у нерусских народов чувства своей национальной идентичности, что создаст предпосылки для преодоления врожденных пороков национализма и совершения исторического прыжка к полностью зрелому интернационализму.

С этой целью советский режим устраивал начальные школы с преподаванием на местных языках; курсы для взрослых по «борьбе с неграмотностью» читались на национальных языках; на всевозможных языках открывались газеты и издательства. С этой же целью некоторые «устные» языки были дополнены письменностью со своим словарем и грамматикой. Для «коренных» народностей были организованы специальные курсы, призванные помочь им самим справляться с администрированием на подведомственных территориях, чтобы русским не приходилось делать это за них. Мартин называет подобные меры наиболее амбициозной программой по обеспечению гарантий национальных прав из всех, когда-либо предпринятых государственной властью.

Принимая во внимание степень смешения этнических групп на большей части советской территории, единственной основой бесконфликтного национального развития СССР могла бы стать разработанная австро-марксистами идея персональной культурной автономии, согласно которой семьи и отдельные личности имели бы право следовать своим традициям и религиозным верованиям. Члены каждой этнической группы избирали бы собственные представительные органы для контроля над образованием, культурой, экономическим благополучием, равно как и другими вопросами, напрямую связанными с национальной идентичностью.

Подобная политика, однако, влекла за собой признание концепции прав отдельной личности, которую коммунисты в принципе отвергали как несостоятельную. Поэтому они были вынуждены решать национальные проблемы коллективистским и территориальным способами. Один из них — ассимиляция национальных меньшинств крупными этносами в рамках государственно-административных единиц. Проблема здесь заключалась в том, что в большинстве регионов подобный путь привел бы к русификации, а именно этого коммунисты хотели избежать. Другой вариант предполагал создание для национальных меньшинств небольших административных образований.

Поначалу они выбрали второй путь. К середине 1920-х годов на всех уровнях, вплоть до самых низших, были созданы национальные советы — каждый со своей школой, судом, администрацией. Это были, вероятно, мельчайшие национально-административные образования, которые когда-либо знала история. Тем не менее, всегда находилось меньшинство внутри меньшинства, которое чувствовало себя обделенным. Таким образом, предложенная система на самом деле обостряла вражду, вместо того чтобы приглушить ее.

К тому же вся схема таила в себе антирусский заряд. Вот лишь один пример: Украина особенно рьяно создавала местные национальные советы — для поляков, евреев, греков, армян, немцев и т.д. Но — не для русских. Предоставить национальные советы и им — означало бы отдать власть в руки русских в крупнейших городах, таких как Харьков и Донецк, а также на большей части востока и юга Украины. В итоге русские дети по всей Украине были вынуждены посещать школы с преподаванием на украинском, часто к неудовольствию родителей, которые не могли взять в толк, зачем их отпрыскам учить этот «крестьянский диалект».

Медленно и неохотно большевистские лидеры осваивали «русский вопрос». И дело не только в том, что этнических русских возмущал их новый статус. Госплан и экономические ведомства с самого начала подозрительно относились к *такому* гарантированию национальных прав, особенно в части предоставления привилегий нерусским абитуриентам и соискателям на инженерных и технических факультетах ведущих университетов. Планируя экономи-

ческое развитие нерусских регионов, они находили, что гораздо проще послать туда русских архитекторов, инженеров и опытных рабочих, чем усердно тренировать азербайджанцев, башкир или казахов строить, оснащать и запускать новые фабрики. Русский язык также рассматривался как наиболее предпочтительный для подобных целей.

Озлобленность русских и потребность в эффективной экономической политике были основными доводами против «коренизации». Политический кризис достиг своего апогея в период коллективизации сельского хозяйства. Мартин ссылается на конкретную веху — зерновой кризис декабря 1932 года. Уже осенью стало ясно, что реквизиции зерна на Украине и Северном Кавказе оказались намного ниже запланированного уровня. Коллективизация сельского хозяйства в украинских регионах встречала большее сопротивление, чем в русских. 14 декабря Политбюро приняло постановление, в котором называло ошибки украинизации главной причиной срыва зерновых заготовок. Поскольку украинизация была ключевым аспектом программы «коренизации», этот документ ставил под вопрос национальную политику в целом. Потакание национальным чувствам украинцев, даже посредством «коренизации», представлялось теперь весьма опасной затеей.

После 1932 года политика «коренизации» продолжалась, но ее практическое воплощение радикальным образом изменилось. На протяжении нескольких последующих лет национальные местные советы были в основном упразднены. Украинизация на территории РСФСР была приостановлена, а вместо нее стала поощряться ассимиляция с русскими. Русский язык начали повсеместно преподавать в школах. От национальных подразделений в армии отказались, а русский стал единственным языком воинского общения. Пятилетние планы сначала разрабатывались для Советского Союза в целом и лишь потом «спускались» в национальные республики. «Буржуазные националисты» арестовывались, а национальное республиканское руководство подверглось чистке, в случае Украины — двойной.

Но было ли все это русификацией? С моей точки зрения, Мартин вполне оправданно говорит, что нет. В конечном счете, разрушение исконно русских национальных институтов — крестьянской общины, православной церкви, культурного наследия — безжалостно продолжалось. Русские по-прежнему не имели своей коммунистической партии, собственной столицы, национальной академии наук. Скорее то была советизация — навязывание унифицированной советской модели социального и культурного развития, осуществлявшееся с помощью русского языка. Сами советские лидеры называли происходящее «братством народов».

Великолепная книга Мартина гораздо богаче, чем о ней можно рассказать в короткой рецензии. Благодаря его блестящей эрудиции мы ясно видим, как национальный вопрос переплетался с другими политическими проблемами и какую важную роль он сыграл в советской истории.

Джеффри Хоскинг,
профессор Лондонского университета

Перевел с английского *Григорий Титаренко*

Региональное книжное обозрение

О.Ф. Русакова. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург, Изд-во УрГСХА, 2001. 352 с.

Заглавие книги нуждается в уточнении: речь в ней идет преимущественно о политическом радикализме и не затрагивает таких областей, как, скажем, радикализм религиозный или художественный. Радикализм в мире также не рассматривается: о современности говорится главным образом на российском материале. Краткие сведения о формах западного левого и правого радикализма приводятся в первой (вводной) главе и никаких связей с последующим развитием «русских тем» не имеют. Поэтому книгу стоило бы назвать так: «Политический радикализм в России: вопросы типологии». Для типологического анализа российского радикализма XIX–XX веков О. Ф. Русакова, профессор, доктор политических наук, зав. отделом Института философии и права УрО РАН, автор монографий «Анатомия большевизма», «Лики российского радикализма», «Философия и методология истории в XX веке» предлагает собственную классификацию. Кроме форм левого

(якобинство) и правого (черносотенство) радикализма в оборот вводится «синтетическая форма радикализма» (большевизм, национал-большевизм, либерал-радикализм, неоевразийство). Этой схеме — невольно напоминающей о тезисе, антитезисе, синтезе — и подчинено изложение материала в книге. К сожалению, антитезис — правый, «черносотенный» радикализм — оставлен без внимания. Из-за этого, соответственно, неполными предстают и «синтетические» формы радикализма. А жаль: известный феномен, обычно именовавшийся «красно-коричневым» радикализмом, к сменовеховству не сводим. Кроме того, автор, с первых страниц увлекшийся метафорами «сквозных линий», «ветвей» и «течений», вносит в свою схему неожиданные коррективы: «Если представить русское якобинство как определенную ветвь в развитии радикализма, то тогда можно будет предположить, что параллельно этой ветви существовали и другие сквозные течения, отличные по ряду признаков от нее и противостоящие ей. Для удобства их можно назвать *трансгенеративными типами русского радикализма*, поскольку они

выделяются на основе выявления духовных общностей между представителями разных поколений русских радикалов» (с. 85–86). Стоит ли объяснять: удобство и наука — вещи не тождественные, а порой и не совместимые. Гипотеза о наличии «духовных общностей между представителями разных поколений» на протяжении двух столетий, быть может, и удобна, но в научном плане малодоказательна. К ней часто прибегали наши публицисты от Чаадаева до Бердяева и Федотова, однако за рамки литературного жанра историко-софской фантастики их характерологические обобщения не выходят. Во всех случаях, построенная на подобных обобщениях типология крайне уязвима: подборка одних характеристик легко противопоставить набор прямо противоположных. Типология — это не отдельные линии, обобщенные характеристики и подогнанные друг к другу цитаты, а выявление системно-значимых признаков, необходимых для конструирования методологически обоснованных *идеальных*, говоря языком Макса Вебера, *моделей*.

Типологические схемы О. Ф. Русаковой в немалой

мере основаны именно на традиции характеристик, сложившихся в русской публицистике. И хотя называет их она «концептуальными моделями, существующими в отечественной литературе» (с. 136), существо дела от этого не меняется. Всякий раз это уже готовые образцы и стереотипы, скорее препятствующие, нежели помогающие научному анализу. Отчего подобные механизмы обрели в русской культуре столь непреодолимую силу — вопрос особый, заслуживающий специального исследования. Бесспорно лишь одно: наше знание о русском радикализме было куда надежнее, если бы автор отнес милую сердцу литературшину к историографии российских описаний и самоописаний радикализма, а вместо спекулятивных «ветвей», «линий» и их «синтезов» взялся за собственный анализ материала. Либо в рамках истории идей, либо — семиотического анализа идеологий или анализа дискурса. Тогда в руках читателя оказался бы базисный аналитический материал, которого так остро не хватает ученым и политикам. Пока же труд О. Ф. Русаковой «продолжает линию» вполне традиционных подборок «общеродовых черт», почерпнутых из общеродовых суждений и столь же общих, хотя и пристрастных, характеристик. Видимо отсюда — весьма спорное при-

числение к радикализму конституционно-демократической партии. Там же, где ресурсы готовых характеристик исчерпаны, дело ограничивается до странности некритическим пересказом сверхценных идеологических проектов по спасению цивилизации (неоевразийство А. Дугина).

Книга завершается надеждой на то, что знакомство с предложенной читателю работой, наведет его «на серьезные размышления о политических судьбах России». Вместе с автором эту надежду, как должно быть заметил читатель, разделяет и рецензент. Так же, как разделяет и авторское допущение в последней, заключительной фразе: «Возможно, она (книга) станет стимулом для дальнейших теоретических исследований феномена радикализма». Именно насущной необходимостью таких исследований и продиктована наша попытка привлечь внимание к книге О. Ф. Русаковой.

Евгений Барабанов

А.В. Гайда, А.Б. Максумов.
Теология власти. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, Институт философии и права, 2001. 260 стр.

По утверждению авторов, книга написана для того, чтобы «восполнить некото-

рые пробелы в образовании» российской читающей публики анализом «некоторых концепций по теории власти и государства XX столетия» (с. 4).

В советские времена среди гуманитарной интеллигенции довольно широкой популярностью пользовались лишь концепции левой ориентации. Конечно, они постоянно подвергались уничтожающей «марксистско-ленинской» критике, но в то же время книги, их излагавшие, переводились и комментировались. Так, советская литература большое внимание уделяла трудам Т. Адорно и других «франкфуртцев». Однако даже сейчас читающая публика по-прежнему не слишком знакома с обществоведческими концепциями правой части спектра. Поэтому авторы «Теологии власти» имеют все основания утверждать: «Мы порой имеем поверхностное представление о действительно серьезных и влиятельных подходах и концепциях, которые составили эпоху в развитии политической науки XX столетия» (с. 3).

Рецензируемая работа стала их вкладом в исправление данной ситуации. Ничуть не сомневаясь в важности подобного начинания, нельзя не усомниться в корректности самого термина «политическая теология». Все же у политики и теологии не совсем пересекаются предметные области. Из-за

сомнительности базового термина читатель лишен возможности понять, на каком, собственно, основании представленные в книге мыслители объединены в группу «политических теологов». На мой взгляд, заблуждением было бы обнаружить сходство в том, что они строят свои концепции на христианской вере. Из всех них только у К. Шмитта политические и социальные воззрения логически связаны с христианством. К тому же, теории государства, действительно основанные на христианской теологии (например, томистское обществоведение, переживавшее в 20–50-х годах настоящее возрождение), авторами почему-то вовсе не упомянуты. Из сказанного, впрочем, не следует, что книга не удалась.

В работе излагаются концепции государственного устройства, разработанные О. Шпанном, К. Шмиттом, Л. Штраусом и Э. Флегелином. Реально их объединяет только то, что их теории, во-первых, не очень знакомы российской «широкой общественности» (хотя их работы в последние годы издавались в России) и, во-вторых, что они представляют австро-германские школы. В идейном же плане они не могут считаться родственными. Штраус и Флегелин — либералы. Неоязыческая теория «тотального государства» Шпанна близка к постулатам фашизма.

Воззрения Шмитта базируются на католицизме. Так что, палитра весьма пестрая.

Достоинством работы является высокое качество анализа указанных концепций. В сжатой и логичной форме в ней удалось представить существо концептуальных построений классиков европейской общественной мысли XX века. Позиции теоретиков изложены максимально близко к первоисточникам. Кроме того, авторы книги смогли уйти от поучающего стиля, от навязывания аудитории своей оценки излагаемого. Читателю предоставляется редкая в наши дни возможность самому оценить изложенные концепции.

Темой, которую невозможно полноценно обсудить в краткой рецензии, остается вопрос о классификации идеологий и концепций государственного строительства. Предпринятое авторами деление «основных парадигм и подходов, сложившихся по проблемам власти и государства в политической науке двадцатого столетия», на либерализм и тоталитаризм по одному основанию, и на радикализм и консерватизм — по другому, не кажется мне логически правомерным. Идеологический подход здесь смешивается с правовым. Но идеология определяет «целевую причину» государства, тогда как модель государственного устройства — «формаль-

ную причину». Поэтому, к примеру, «тоталитаризм», как один из видов государственного устройства, не является альтернативой «либерализму», как идеологии. Идеологии могут реализоваться по-разному, воплощаясь в государствах самого разного типа.

Александр Капишин

Г.М. Меретуков, И.В. Уфоров, В.В. Кашиода. Конституционные права осужденных к лишению свободы. Краснодар: Юридический институт МВД России, Кубанский социально-экономический институт, 2001. 184 с.

Цель исследования, принятого группой кубанских ученых, — всесторонний анализ правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы, в контексте гарантированных Основным законом прав человека и гражданина. В монографии рассматриваются все необходимые для раскрытия данной проблематики аспекты: само понятие прав осужденных, содержащиеся в нем ограничения, особенности реализации упомянутых прав, а также их конституционные гарантии. Профессионально обосновано и вполне уместно обращение авторов к истории вопроса. Работа, на мой взгляд, соответствует классическим канонам исследо-

ваний по правам человека, причем ее выводы и предложения не только основаны на сравнительно-правовом анализе конституционного и уголовного законодательства, но и учитывают решения Конституционного Суда и положения Концепции реорганизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2005 года.

Тем не менее, в авторские рассуждения о понятиях и классификации конституционных прав хотелось бы внести некоторые уточнения. Под конституционным правом человека и гражданина принято понимать закрепленную в Конституции возможность личности избирать вид и меру своего поведения, а также возможность пользоваться благами в пределах, установленных законом. Авторы, по сути, видят лишь одну причину признания конституционных прав основными — закрепление их в Конституции. Дело, однако, в том, что основными эти права называются еще и потому, что они: а) складываются в важнейших сферах общественной и личной жизни; б) находят правовое воплощение в наиболее существенных отношениях между государством и личностью; в) составляют правовую базу для развития всех прочих прав и свобод.

Далее, авторы используют термин «личные неимущественные права» лишь при-

менительно к группе личных прав. Однако по своим юридическим свойствам конституционные права носят, прежде всего, публичный и субъективный характер и в этом качестве определяют отраслевые права. Что же касается классификации конституционных прав, то любой ее вариант допускает, разумеется, ту или иную долю условности. Вместе с тем, в Конституции, вслед за Международными пактами о правах 1966 года, выделено четыре группы прав и свобод, последовательность которых такова: 1) личные (определяющим среди них является право на жизнь), 2) публично-политические (право на управление делами государства и смежные права), 3) социально-экономические и культурные (права частной собственности, на труд и т.д.), 4) на защиту других прав (право на судебную защиту). Если бы авторы имели эту классификацию в виду, то монография только выиграла бы.

На мой взгляд, вызывает некоторые сомнения вывод, что понятие конституционных прав осужденных не может отождествляться с понятием конституционных прав свободных граждан. Полагаю, что следует говорить не об «институте конституционных прав осужденных», как это предложено в работе, а о специальном конституционно-правовом статусе осужден-

ных. Общая правоспособность граждан проявляется через особенности реализации конституционно-правового статуса и подкрепляющие эту реализацию дополнительные гарантии. В данном контексте нельзя согласиться с утверждением об «уменьшении объема конституционных прав осужденных». Авторы определяют лишение свободы как наиболее значительное для осужденного ограничение всего комплекса конституционных прав и свобод, осуществляемое через изоляцию (то есть помещение в специальное учреждение, порядок и условия содержания в котором регулируются уголовно-исполнительным законодательством). По их мнению, в нашей стране значительная часть ограничений конституционных прав осужденных к лишению свободы обусловлена не столько особенностями нормативно-правового регулирования, сколько режимом содержания. Данный тезис, несомненно, может стать темой широкой дискуссии.

В целом исследование краснодарских специалистов представляет интерес как для теории правовой науки, так и для практики совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

*Инга Старостина,
доцент юридического
факультета МГУ*

Ведет Александр Архангельский

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ УТОПИЯ

Александр Янов. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 560 с.

С тех пор, как в научную жизнь вошло поколение выдающихся историков-шестидесятников, которые впервые со времен Ключевского соединили острожный академизм с осознанной публицистической ангажированностью, на страницах отечественных журналов, газет и книг не прекращается спор:

- в какой культурно-политической почве укоренена историческая судьба России?
- в какой именно момент произошел смысловой сбой в ее целенаправленном движении к общеевропейской цивилизации?
- можно ли еще что-либо поправить, или ситуация безнадежна?

К спору подключились историзирующие философы этого отчаянного поколения; они подняли спонтанную дискуссию на новый уровень, освободили ее от историографических частностей, связали ее с традицией русской философской мысли. И заодно сами стали освобождаться от романтического младомарксизма, начали трудное восхождение к мыслительной свободе. Однако в спор то и дело вмешивались и безграмотные публицисты-шестидесятники, соединившие демократическую ангажированность с неперевавшими остатками

«Краткого курса». Одни бурно обличали тюрьму народов и указывали перстом на Запад — куда Россия должна бы двигаться, но куда, по их словам, она не придет ни при каких обстоятельствах. По той простой причине, что азиатское происхождение не позволит. (Последний пример такого рода — мрачноватая статья Геннадия Лисичкина в «Дружбе народов»; статья, получившая резкую и справедливую отповедь автора рецензируемой книги, Александра Янова.) Другие, в духе журнала «Молодая гвардия» образца ранних 1970-х, прославляли азиатскую почву и порицали губительный Запад... Должно быть, партийное начальство, по-отечески жуя публицистов, в глубине души было все-таки довольным; они микшировали, дискредитировали опасную тему, превращали серьезную идейную проблему, поднятую Зиминым, Скрынниковым, Шмидтом, другими историками, и развитую Соловьевым, Ильенковым, Мамардашвили, в подвие интеллектуальной клоунады.

Над этим смутным спором надстраивались евразийские схемы и модели, создаваемые уже не публицистами, но и не учеными в строгом смысле слова, а, скажем так, по-настоящему образованными идеологами; яркий пример этого рода — пылающее политическими протуберанцами, квазиисторическое творчество Льва Николаевича Гумилева. Будучи на голову выше всех журнально-газетных писателей вместе взятых, он аккуратно разворачивал тему в заданном и жестко предвзятом

направлении, обосновывая «ордынскую», патерналистскую, степную природу Руси, изначально и обоснованно враждебную «тевтонскому» Западу.

Из этих трех источников образовалось странноватое, эклектичное мирозерцание того поколения российских экономистов, чиновников и — в меньшей степени — политиков, которые пришли на смену партийной номенклатуре в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Не будучи профессиональными гуманитариями, они охотнее воспринимали схемы, нежели гибкие и объемные доводы; кто — условно говоря — лисичкинские, кто — уже говоря безусловно — гумилевские.

Собственно, Александр Янов с его интеллектуальным авантюризмом и странной телевизионной репутацией (было время в начале перестройки, когда он брался публично обсуждать любые темы), тоже воспринимается как фигура, промежуточная — между собственно исторической сферой, сферой историософской — и публицистической. На самом деле, внимательный читатель янов-

ских книг и статей легко различит в его творениях сверхзадачу — не историческую, не публицистическую и даже не узкоидеологическую. Был такой персонаж в XVIII веке, некто поручик Биретов; он написал государю императору прошение, чтобы тот держал его, Биретова, всегда при себе — для говорения правды. Так вот, Янов и есть Биретов наших дней; он анализирует исторические сюжеты, привлекая вполне профессиональный инструментарий, с одной-единственной, зато отчетливо выраженной целью: сказать правду европейски ориентированным политикам России о том, на что именно они могут надежно опереться в историческом опыте своей страны.

На что же?

Янов ищет — и находит в истории Руси до Иоанна Грозного не просто все признаки развитой (для своего, разумеется, времени) политической цивилизации, но и зародыши независимого гражданского мнения (именно так он трактует споры иосифлян и нестяжателей). Янов ищет — и тоже находит — причины, которые столкнули Русь в трясины московского царства. Он предлагает заново проанализировать историю изучения феномена Иоанна Грозного, чтобы выявить те идеологические подмены, на которых, как на распорках, держится неоевразийство, — к примеру, научное творчество свежеиспеченного лауреата Солженицынской премии 2002 года Александра Панарина. Янов, фехтуя, спорит со всеми — и со своими потенциальными оппонентами, и со своими потенциальными союзниками, поскольку в этой фехтующей полемичности для него тоже заключен идейный смысл. Поскольку главный враг его — «серый консенсус» банальности, который чреват тягой к тоталитарному покою. Он пишет — формально — о прошлом, а реально — о будущем.

Книга Янова может вызывать самую разную реакцию — от возмущения до восхищения, и от равнодушия до скептической полуулыбки. Но действующим политикам и амбициозным чиновникам прочесть ее было бы крайне полезно. По крайней мере, для того, чтобы научиться держать удар продуманных полемических доводов.

ПРОПОВЕДЬ СЫНА ВЕКА

Виктор Похмелкин. В царство свободы дорога: Очерки либеральной футурологии. М.: ЛИЦ, 2001. 140 с.

Виктор Похмелкин и есть один из потенциальных адресатов книги Александра Янова; на него — и на таких, как он — автор книги «Россия: У истоков трагедии» и делает ставку. Увы, в последнее время — да и в предпоследнее тоже — имя Похмелкина упоминается чаще всего не в теоретическом, а во вполне практическом контексте. Когда речь заходит о расколе в стане правых и уходе части политических лидеров СПС в объятия Бориса Березовского и его «Либеральной России». Между тем, Похмелкин, в отличие от иных своих товарищей по либеральному движению (и прежде всего, от Юшенкова, который не так давно договорился до того, что сравнил Бориса Абрамовича с апостолом), — мыслит самостоятельно, независимо, резко. И далеко не всегда банально.

Брошюра, написанная им — это не политологический анализ современной российской ситуации, даже не изложение постулатов своей политической веры; это своего рода личная утопия, предложенная общему обсуждению. Да, Похмелкин, подобно Янову, утопист; но утопист не прикровенный, не скрывающийся за щитом исторических примеров, а явный и откровенный. Тем и хорош. Этим и интересен.

Он описывает демократию как единственно возможный компромисс между властью бюрократии и обществом — при сохранении власти этой самой бюрократии; демократия для него — это последняя карта, которую чиновничество выбрасывает, когда никаких других козырей уже не осталось. По той простой причине, что демократическое мироустройство позволяет власти лавировать, сохраняя остатки тотальных полномочий. А цель исторического развития, как ее видит Похмелкин, в ином: в том, чтобы отобрать у государства регулирующие полномочия, окончательно лишить его тотальных функций, превратить исключительно в регистрирующий механизм.

Да, сейчас в пределах наличной реальности нет и не может быть никаких других вариантов решения смысловой проблемы, поставленной в брошюре Похмелкина; ни на Западе, ни, тем более, на Востоке, не найти ни одного полноценного «воплощения» либеральной модели общественного самоуправления. Но из этого не следует, что такую цель — продвижения к либеральным основам бытия — в вовсе не стоит ставить.

Теории — равно как исторические труды — имеют одну удивительную особенность. В процессе их обсуждения (неважно, критического или сочувственного) может меняться не только структура мысли, не только позиция того или иного участника дискуссии. Но и незаметно вырабатывается новое мироощущение элиты, которое подчас вытягивает страну из современного болота, а иногда — затягивает ее в это самое болото. Впрочем, см. выше, начало рецензии на книгу А. Янова.

*Маргарет Тэтчер: политика и жизнь**

* * *

Нет такой вещи как «общество». Есть отдельные мужчины и женщины, есть семьи. Никакое правительство не может ничего сделать без людей, а люди должны заботиться в первую очередь о себе. Это наш долг – позаботиться о себе, а затем о своем соседе.

* * *

Ни одна теория правительства в демократической стране никогда не проходила более честной проверки и не имела более длительного опыта, чем демократический социализм в Британии. Пока не потерпела сокрушительного поражения во всех отношениях.

* * *

Я не чувствовала, что мне нужен переводчик для обращения с людьми, говорящими на том же языке, что я сама. Я считала большим преимуществом, что жила той же жизнью, что и они. Я чувствовала, что пережитый мной опыт на удивление хорошо подготовил меня к предстоящей борьбе.

* * *

Если я бросилась за поездом мысли, меня не просто остановить.

* * *

Все победы на выборах выглядят неизбежными в ретроспективе, но никогда в перспективе.

* * *

Я сказала в самом начале своего министерства: «Дайте мне шесть сильных людей, и я обещаю, что добьюсь своего». В последующем у меня очень редко было хотя бы шестеро.

* * *

В общем-то, моя проблема была проста. Все еще нужна была революция, но было слишком мало революционеров.

* * *

Не каждый капиталист разделял мою веру в капитализм... Понятно, что мир без контроля над обращением, в котором движение капитала определялось бы не правительствами, а рынком, ставил их в непростое положение. Им приходилось бы рисковать.

** Цит. по: Margaret Thatcher. The Downing Street Years. New York, HarperCollins Publishers, 1993.*

* * *

Моя политическая философия во внутренних делах основана на глубоком скептицизме в отношении способности политиков менять основы экономики или общества: лучшее, что они могли бы сделать – создать условия, в которых таланты и достоинства людей могли бы мобилизоваться, а не разрушаться. Точно также и во внешней политике: основные реалии власти не изменяются встречами и взаимопониманием глав правительств.

* * *

Интернационализм, пытающийся заменить национальное государство, скоро узнает, что в действительности очень немногие люди искренне готовы к жертвам ради него.

* * *

Одним из немногих пунктов, по которому были согласны дипломаты из «Форин Офис» и я, была необходимость сделать британские посольства архитектурно внушительными и украшенными картинами и мебелью.

* * *

Холодная война никогда на самом деле не прекращалась: просто бывают разные оттенки холода.

* * *

На войне, холодной или горячей, надо знать врага – не в последнюю очередь потому, что когда-нибудь в будущем может появиться возможность превратить его в друга.

* * *

Город (Берлин) бурил и поражал; он был больше, чем я думала, окруженный великолепными лесами – и покрытый шрамами двух тоталитарных доктрин двадцатого столетия.

* * *

Гельмут Шмидт был социалистом... Когда я обратила внимание на сходство наших политик, он прервал меня: «Не заходите так далеко, премьер-министр, а то Вы поссорите меня с моей партией».

* * *

Всегда необходимо иметь ясное понимание возможностей и границ государственной деятельности. У государственного деятеля всегда есть двойное противоречивое искушение: гордыня и смирение.

* * *

Запоздалая мудрость, столь полезная для историков и авторов мемуаров, к сожалению, не подходит для практической политики.

CONTENTS

TO OUR READER	5
SEMINAR	
Is Europe a superpower? <i>Helmut Schmidt</i>	7
Notes from the Seminar <i>Yury Girenko</i>	14
THEME OF THE ISSUE	
Current Trends in the Modern Journalism <i>John Lloyd</i>	16
Practice of Free Speech <i>Ulle Stenholm</i>	22
Mass Media, Power and Business in Present-Day Russia <i>Mikhail Kozhokin</i>	26
XXI CENTURY: CHALLENGES AND THREATS	
The World After September 11: Security Problems <i>Christopher Donnelley</i>	29
Globalization under Criticism <i>Jazek Rostowsky</i>	33
CONCEPT	
Economic Growth and Effectiveness: the Case Record <i>Eugeny Gavrilentkov</i>	36
DISCUSSION	
Is Russia an Ally of the USA? <i>Danila Bochkarev</i>	42
The EU Enlargement Makes New Possibilities for Russia <i>Nikolay Kaveshnikov</i>	46
FREEDOM AND CULTURE	
Russia and Europe as They See Themselves and Each Other <i>Uta Scherrer</i>	54
NEW PRACTICES AND INSTITUTIONS	
Development of the Political Culture: Perm Experience <i>Sergey Neganov</i>	60
Etudes on Power <i>Yury Girenko</i>	62
INDIVIDUAL EXPERIENCE	
Alexander Belgorokov: "The Real Capital is Not in Your Purse – It's in Your Head!" <i>Zoya Eroshok</i>	64

IDEAS AND NOTIONS

European Union <i>Ann Dayton</i>	65
---	----

FROM FOREIGN PERIODICALS

“Claves de Razón Práctica” <i>Nuria Claver</i>	69
Islam: Plurality of Cultures and Terrorism <i>Antonio Arosa</i>	71

ANOTHER COUNTRY

Sweden: Contemporary Sketches <i>Disa Halstad</i>	81
--	----

BOOKS

Russian Empire: Views from the West <i>Richard Pipes, Geoffrey Hosking</i>	86
Regional Review of Books <i>Eugeny Barabanov, Alexander Kapishin, Inga Starostina</i>	91
By Alexander Arkhangelsky	95

NOTA BENE

Margaret Thatcher: Politics and Life	98
--	----

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ

СЕМИНАР (Зеленогорск. Ленинградская область)

Наши авторы:

Збигнев Бжезинский,

Гуннар Веттерберг,

Михаэль Мертес,

Томас Куадро де Сальседо

Александр Архангельский

Алексей Клешко,

Сергей Митрохин,

Владимир Рыжков,

Яков Силлин

и другие

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

издает три книжные серии

Библиотека Московской школы политических исследований

Основана в 1995 году. В серии публикуются книги экспертов Школы — известных политиков, политологов, экономистов, историков, социологов. «Библиотека» была открыта изданием работы британского социального философа Эрнеста Геллнера «Условия свободы». За прошедшие годы было издано 24 книги отечественных и зарубежных авторов: Алексея Салмина, Сергея Васильева, Владимира Рыжкова, Юрия Левады, Ральфа Дарендорфа, Ричарда Нойштадта, Гарольда Бермана, Ричарда Пайпса, Роберта Скидельски, Франсуа Фюре, Альваро Хиль-Роблеса и др.

В 2002 году выйдут в свет:

Яков Силин и др. Бюджет большого города

Председатель городской Думы Екатеринбурга и его соавторы — специалисты по муниципальной экономике — рассматривают опыт устройства городских финансов в до- и постсоветской России.

Эрнест Геллнер. Разум и культура

Итоговый труд выдающегося европейского мыслителя, специалиста по социальной антропологии, одного из создателей Школы.

Сэмюэл Хантингтон, Лоуренс Харрисон. Культура имеет значение

В сборнике статей современных американских и европейских авторов под ред. С. Хантингтона и Л. Харрисона, посвященных проблемам влияния культуры на общество и политику, предпринята попытка ответить на вопрос: каким образом традиционные ценности способствуют общественному прогрессу.

Юрий Сенокосов. Власть как проблема

Философское осмысление политики и власти.

Культура. Политика. Философия

Серия основана в 2000 году. В ней издаются ранее не выходившие в России книги европейских и российских мыслителей, политиков, исследователей, оказавших влияние на современную интеллектуальную жизнь нашей страны и всего мира. Среди авторов вышедших книг: Мераб Мамардашвили, Олдос Хаксли, Жан Монне, Семен Франк, Отто Лацис, Ричард Перл, Ричард Пайпс.

В 2002 году выйдут в свет:

Вильям Джонсон. Австрийский ренессанс

Одно из первых фундаментальных исследований научных открытий и философских достижений на территории бывшей Австро-Венгерской империи, определивших культуру XX века.

Ханна Арендт. Очерки о современниках

Сборник статей и воспоминаний о людях, которых Х. Арендт хорошо знала.

Чарльз Грант. Жак Делор. Биография

Автор — директор Центра европейских реформ — рассказывает о жизни и деятельности нашего современника, много лет занимавшего пост председателя Европейской комиссии.

Наум Коржавин. В защиту банальных мыслей

Собрание философских и публицистических работ известного русского поэта.

Ален Пейреффит. Это — де Голль

Документальные записи всего, что говорил основатель V Республики, сохранившие для потомства не только содержание, но и стиль его высказываний, и тон диалогов. Знакомство с этими аутентичными текстами производит огромное впечатление.

Своевременная мысль

Новая серия книг малого формата, посвященных актуальным проблемам современности. В первой половине этого года выйдут книги:

Робер Шуман. За Европу

Книга-манифест одного из создателей объединенной Европы — французского политика, план которого лег в основу европейской интеграции.

Майкл Ховард. Изобретение мира

Ведущий британский специалист по внешней политике и военной истории — о политике мира, как современном изобретении.

Дмитрий Тренин. Новая внешняя политика

Видный политолог и специалист в области международных отношений анализирует современное состояние и перспективы внешней политики России.

«Общая тетрадь» -

общественно-политическое издание
о проблемах современной политики, экономики, права, культурной
и общественной жизни в России и в мире.

Выходит 4 раза в год.

Наш подписной индекс – 45735

По вопросам приобретения и распространения
обращайтесь:

Телефон – (095) 925-89-73

Факс – (095) 924-90-92

E-mail – msspskniga@co.ru

Подписано к печати 30.04.2002.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.печ. л. 6,5.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований

121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: mssps@co.ru

<http://www.mssps.ru>

ЛР №00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Московской типографии № 6 Минпечати РФ

109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

